

Часть IV

Абсурдное «Определение»

*Если из «Определения» убрать всю ложь,
в результате может вообще ничего не остаться.*

Владислав Швед – Станислав Ежи Лец

Прежде чем приступить к анализу правовой и фактологической обоснованности «Определения» о признании подозреваемым в совершении военных преступлений бывшего лейтенанта Советской Армии, а ныне российского гвардии полковника запаса Юрия Меля, предлагаю вниманию читателей некоторую информацию о деятельности литовской Фемиды по расследованию дела «13» января.

Дело «13 января»

Делом «13 января» в Литве именуется уголовное дело по расследованию событий, произошедших в республике в январе 1991 г. Оно было заведено Генпрокуратурой ЛР на следующий день после трагических событий у вильнюсской телебашни. До переквалификации в 2010 г. преступлений, совершенных у вильнюсской телебашни, в военные, это уголовное дело обозначалось № 09-2-91, после переквалификации № 09-2-031-99.

Аналогичное дело за №18/5918-19 «О событиях, имевших место в Вильнюсе 13 января 1991 г.» было заведено Прокуратурой СССР. После признания Госсоветом СССР 6 сентября 1991 г. независимости Литовской Республики президент СССР М. Горбачёв поспешил проявить «добрую волю». Он дал указание Генеральному прокурору СССР Н. Трубину передать все материалы уголовного дела №18/5918-19 (37 томов) Генпрокуратуре Литвы.

26 сентября 1991 г. Прокуратура СССР и Генпрокуратура ЛР подписали Соглашение о взаимодействии в расследовании обстоятельств трагических январских событий (см. часть VII). Литовская сторона, подписав Соглашение, приняла материалы уголовного дела №18/5918-19 и тут же стала проводить самостоятельное расследование, не информируя об этом советскую сторону.

Да, и о чём было информировать, если осуществлялась крупномасштабная фальсификация материалов литовского уголовного дела № 09-2-91, используя информацию, полученную от Прокуратуры СССР.

Переданные материалы позволили литовским прокурорам установить фамилии всех, кто имел хотя бы какое-либо отношение к январским событиям и возбудить против них уголовное преследование. Именно на основе материалов Генпрокуратуры СССР, Генпрокуратура Литвы сумела подготовить обвинительные заключения и в настоящее время готовит заочные уголовные процессы против 69 российских граждан, а точнее – против России.

Не знаю, существует ли в мире прецедент, когда обвиняемая в преступлении сторона передавала бы оригиналы материалов своего расследования обвиняющей стороне? **Глупостью это нельзя назвать. Это преступление.** Сегодня материалы советского расследования Генпрокуратура Литвы надёжно скрывает в своих архивах, а ответчиком по январским событиям намечается Российская Федерация, как правопреемник СССР.

Учитывая вышеизложенное, действия Генерального прокурора СССР Н. Трубина, не воспрепятствовавшего преступной передаче материалов уголовного дела №18/5918-19 Генпрокуратуре Литвы, следует считать деянием, граничащим с предательством государственных интересов СССР.

В Литве расследование уголовного дела «13 января» изначально приобрело заказной политической характер. Официальная версия этого дела, в нарушение всех процессуальных норм, была сформулирована не на базе исследования всей совокупности обстоятельств событий, произошедших в ночь с 12 на 13 января 1991 г. а на основе книги В. Ландсбергиса «Laisvės byla» («Дело свободы»). В подобное утверждение трудно было бы поверить, если бы этот факт не был бы документально зафиксирован.

На 153-й странице 252-го тома уголовного дела № 09-2-91 зафиксирован диалог прокурора Генеральной прокуратуры ЛР Кястутиса Бетингиса (K. Betingis) и свидетеля Витаутаса Ландсбергиса (V. Landsbergis), состоявшийся 26 июня 1994 г.

Прокурор Бетингис сообщил свидетелю Ландсбергису, что его книга «Laisvės byla» («Дело свободы») принята, как **концепция уголовного дела «13 января»**. Это стало платой за последующее назначение Бетингиса заместителем Генерального прокурора ЛР, которое обеспечил Ландсбергис.

Книгу «Laisvės byla» Ландсбергис подготовил специально для литовских прокуроров, которые тогда вели следствие по делу бывших руководителей Компартии Литвы, оставшейся в КПСС: Миколаса Бурокаявичюса, Юозаса Куолялиса, Юозаса Ермалавичюса и Леонаса Бартошявичюса, обвиненных в подготовке государственного переворота в январе 1991 г.

В 1996 г. по делу «13 января», квалифицированному тогда, как дело о государственном перевороте (дело № 09-2-91), перед Окружным судом г. Вильнюса судом должны были предстать 48 подозреваемых.

Шестерым обвиняемым, из них четверо входили в руководство Компартии Литвы/КПСС (Бурокаявичюс М., Куолялис Ю., Ермалавичюс Ю. и Бартошявичюс Л.), приговор был вынесен 23 августа 1999 г. Материалы на 42-х были возвращены в Генпрокуратуру ЛР до тех пор, пока эти лица не окажутся в юрисдикции Литвы.

В 2004 г. ЛР стала членом Евросоюза и у неё появилось право воспользоваться Европейском орденом на арест подозреваемых по делу «13 января». 6 августа 2006 г. бригада прокуроров Генпрокуратуры ЛР завершило оформление «Уведомлений» о подозрении, в которых были изложены «преступления», якобы совершённые бывшими гражданами СССР, подозреваемыми в совершении этих преступлений. Европейские ордера на них готовились на основе этих «Уведомлений».

Согласно пресс-релизу, размещённому на официальном сайте Генпрокуратуры ЛР (<http://www.prokuraturos.lt/Pirmaspuslapis/Rezonansin/ITd/tabid/485/Default.aspx>), в период с 2006 по 2010 г. из Литвы в Россию, Белоруссию и ФРГ были направлены 69 просьб о правовой помощи. Ответы были отрицательными.

В декабре 2010 г. вступили в действие поправки в УК ЛР о переквалификации «преступлений» у телебашни в военные преступления и преступления против человечности и возможности проведения заочных судебных процессов. Их, как говорилось, внесла в Сейм ЛР тогдашний президент Грибаускайте, а депутаты оперативно проголосовали за них. Тогда же по делу «13 января» в Генпрокуратуре ЛР начала работу новая следственная бригада.

Генпрокуратура ЛР в своем пресс-релизе перечислила следственные действия, которые осуществила бригада прокуроров и следователей после переквалификации «преступлений». Имитация следствия за три года была проделана грандиозная. Прежде всего, был обеспечен рост числа пострадавших от действий советских военнослужащих. Ведь каждый пострадавший для литовских властей в будущих претензиях к России представляет долларовый эквивалент.

В этих целях Литва ввела новые правила установления вреда здоровью. Это позволило в период 2011–2013 гг. (через 20 лет) дополнительно выявить (?) более 350 пострадавших в январских событиях 1991 г. Помимо этого были переосвидетельствованы 800 лиц на предмет уточнения степени нанесения вреда их здоровью в январе 1991 г.

Известно, что в июньском 1991 г. Заявлении Генпрокуратуры ЛР говорилось о 600 раненых и пострадавших. Сейчас заявляется о тысяче и более пострадавших в январских событиях. Не вызывает сомнений, что такими темпами число пострадавших в этих событиях к 2020 г. может вырасти до двух тысяч?!

В пресс-релизе сообщается, что новая следственная группа Генпрокуратуры ЛР выявила персональные данные на подозреваемых в совершении военных преступлений и преступлений против человечности. Для этого следственная группа проанализировала 1230 фотоснимков и 60 видеозаписей, на которых были зафиксированы события 1990–1991 гг.

Литовские прокуроры исследовали более трёхсот официально подтверждённых документов, связанных с январскими событиями, опросили 80 новых свидетелей, уточнили персональные данные на 2800 свидетелей и более чем

на 1300 пострадавших. Помимо этого было произведено 180 обысков. Также были уточнены траектории движения танков и бронетехники и передвижения советских военнослужащих. Уголовное дело составило около 700 против 455 томов в 1996 г.

13 ноября 2014 г. новостной портал «Delfi.lt» опубликовал сообщение из Генпрокуратуры Литвы. В нём говорилось, что *«12 ноября было закончено досудебное расследование по делу «13 января». Расследование закончено в отношении 69 подозреваемых, а в отношении других лиц, возможно, совершивших преступные деяния, продолжается отдельное досудебное расследование.*

Решение закончить досудебное расследование было принято, так как во время расследования было собрано достаточно данных, обосновывающих вину подозреваемых в возможном запрещенном международным правом обращении с людьми, убийстве лиц, находящихся под защитой международного гуманитарного права, запрещенной военной атаке против гражданских лиц, использовании запрещенных военных средств.

Участники процесса, т. е. подозреваемые, их защитники, пострадавшие, гражданские истцы и их представители смогут ознакомиться с материалами досудебного расследования до 12 мая 2015 г. После этого дело с обвинительным актом будет передано в суд».

К вышеизложенному добавлю, в ноябре 2014 г. в газете «Laisvas laikraštis» (15-21. 11.2014 г.) появилось сообщение со ссылкой на Зигмаса Вайшвилу (Z. Vaišvila), бывшего вице-премьера Правительства Литвы в 1991 г. В нём утверждается, что 3 ноября 2014 г. Генеральный прокурор Литвы Д. Валис (D. Valys) принял решение преследовать не политических организаторов государственного переворота в январе 1991 г., а только его непосредственных исполнителей (т. е. бывших советских военнослужащих).

Статью и видео З. Вайшвилы «Lietuvos valstybės ir jos piliečių išdavystė» («Предательство Литовского государства и его граждан») можно посмотреть: <http://alkas.lt/2014/11/13/z-vaivila-lietuvos-valstybes-ir-jos-pilieciu-isdavyste-video/>.

Что же касается непосредственных «исполнителей» преступлений, совершенных в январе 1991 г., то литовские прокуроры уверены, что они собрали «достаточно данных, обосновывающих вину подозреваемых».

В этой связи ещё раз напомним, что 27 июля 2012 г. З. Вайшвила в телепередаче «Стиль» («Stilius») сделал заявление о том, что архив о событиях 13 января, хранившийся в Верховном Совете/Сейме Литвы неожиданно исчез.

В августе того же года бывший глава ВС Литвы В. Ландсбергис в интервью новостному portalу «Alfa.lt» признал, что архив действительно пропал. Официальные власти ЛР по данному поводу хранят молчание. Чтобы это значило? И как Генпрокуратура в отсутствие важнейших документальных свидетельств, хранившихся в архиве Сейма, проводила своё расследование, а сейчас заявляет, что у неё достаточно данных, позволяющих доказать вину подозреваемых?

Инциденты в Вене, на Панемунском КПП и в Милане

Первый удар по «доказанности» официальной версии дела «13 января» был нанесен в 2011 г. Тогда, 14 июля австрийскими правоохранительными органами в транзитной зоне венского аэропорта «Швехат» был задержан бывший командир группы «А» КГБ СССР Михаил Васильевич Головатов. Основанием для его задержания был ордер на арест, представленный ЛР. Однако здесь литовскую Фемиду ждало полное «фиаско».

Литовский ордер на деле оказался не ордером, а простым «пересказом исторических событий», в которых не было «вменяемых конкретному лицу» преступлений. Об этом скептически сообщила австрийская газета «Kleine Zeitung». Резюме на М. Головатова, предоставленное Литвой после повторного обращения Австрии, было повторением первоначального.

Начальник отдела уголовной юстиции Минюста Австрии Кристиан Пилначек заявил, что тот факт, что Михаил Головатов командовал отрядом спецназа КГБ при штурме телебашни *«не является достаточным доказательством его вины»*. Пилначек подчеркнул, что *«ответственность лица за преступление должна быть убедительно доказана»*.

И эти утверждения обоснованы. Я внимательно изучил «Уведомление» о подозрении от 6 августа 2006 г., подготовленное Генпрокуратурой Литвы, на основании которого выписывался ордер на арест М. Головатова. Там, на 75-ти страницах были изложены бездоказательные обвинения в адрес советских военнослужащих и скрупулезно подсчитан ущерб, якобы нанесённый их действиями.

В отношении М.В. Головатова было лишь сообщено, что он участвовал в каких-то совещаниях в Северном городке Вильнюса, месте дислокации 107-ой мотострелковой дивизии. Также утверждалось, что сотрудники группы «А» под руководством Головатова участвовали в «преступной» силовой операции в Вильнюсе. Но должная аргументация обвинений в совершении полковником каких-либо преступных эпизодов отсутствовала.

Обвинения, предъявленные М.В. Головатову в «Уведомлении» от 6.08.2006 г., были явно надуманными. Не случайно австрийские власти приняли объективное правовое решение, позволившее ему вылететь в Москву уже 15 июля 2011 г.

Решение Австрии освободить Головатова юридически оправданным признал и Европейский союз. Вивиян Рединг, еврокомиссар по вопросам юстиции, основных прав и гражданства заявила, что *«с юридической точки зрения ситуация вполне ясна: «Австрия не должна была реализовывать литовский ордер на арест»*.

Тем не менее, Литва негодовала, как Австрия посмела отпустить на свободу «палача литовского народа». Несмотря на громкие заявления, Генпрокуратура ЛР сделала некоторые выводы из позорного фиаско, которое оно

потерпело в Вене, пытаясь задержать М. Головатова. Она постаралась «конкретизировать» обвинения подозреваемым россиянам. Те уже в меньшей степени стали напоминать «пересказ исторических событий», но пока весьма далеки от истины. А с точки зрения доказательности фактов военных преступлений и преступлений против человечности просто несостоятельны. Тем не менее, желания у литовской стороны «наказать» россиян не убавилось.

* * *

История с преследованием россиян, получила продолжение 12 марта 2014 г. Тогда на Панемунском КПП, расположенном на границе Литвы и Калининградской области был задержан российский гвардии полковник запаса танкист Юрий Мель.

Основанием был литовский ордер, сформулированный на основе «Определения», принятого 10.06.2013 г. Вильнюсским городским участковым судом. Это «Определение», в свою очередь было принято судом на основании «Уведомления» о подозрении Ю. Меля, представленного в суд следственной бригадой Генпрокуратуры ЛР, работавшей над этим документом в 2010–2013 г., после переквалификации «преступлений» у телебашни в «военные».

МИД РФ, как уже отмечалось, по поводу задержания российского гражданина сделал два малозначимых заявления. Официальный представитель МИД РФ А. Лукашевич, комментируя задержание Ю. Меля, предупредил литовскую сторону о недопустимости политизации произошедшего и сведения исторических счётов. Если исходить из заявления А. Лукашевича, то получается, что Россия предложила Литве рассматривать дело полковника в рамках обычного уголовного дела.

Константин Долгов, уполномоченный МИД РФ по вопросам прав человека, демократии и верховенства права высказался более определенно: *«Позиция литовских властей нам известна – их трактовка тех событий весьма политизирована, и это уже не первый случай, когда эта позиция негативно отражается на российских гражданах».*

С тех пор прошёл почти год, а дело Меля в России, как бы утонуло в текучке информационных событий. Между тем, суд над российским полковником приближается и пока власти Российской Федерации не сделали обоснованного заявления о ничтожности и политической направленности предъявленных ему обвинений в совершении военных преступлений.

Литовские прокуроры утверждают, что по сумме обвинений Мелю грозит пожизненное заключение, хотя бывший советский лейтенант ответственен лишь за то, что ночью 13 января 1991 г. его танк трижды выстрелил холостыми зарядами из пушки вверх в районе телебашни.

* * *

**Командир Группы «А»
в 1991–1992 гг.
полковник
М.В. Головатов**

Следующей жертвой литовской Фемиды стал Василий Котляров, бывший старший лейтенант 76-ой Псковской воздушно-десантной дивизии МО СССР. Он был задержан 14 мая 2014 г. в аэропорту города Милана (Италия) по Европейскому ордеру Литовской Республики на арест, выданному 29 августа 2013 г. В Италию Котляров прилетел отметить своё пятидесятилетие. Ситуация с ним не простая.

Прежде всего, Литва в ордере указала имя Владимир, а не Василий. Василий Котляров, хоть также является бывшим советским десантником, но категорически отрицает участие в силовой операции в Вильнюсе.

Помимо этого, выяснились некоторые любопытные юридические нюансы с его задержанием. Итальянский адвокат Ренато Музелла утверждал, что просьбе Вильнюса об экстрадиции Котлярова в Литву будет препятствовать то, что согласно итальянскому уголовному законодательству, даже если бы Котляров находился в Вильнюсе и выполнял там приказы советского командования, для итальянской Фемиды он не является виновным.

Помимо этого, итальянскому адвокату Котлярова удалось доказать, что в обвинении есть политическая составляющая. Большую роль сыграло и то, что Котляров не подтвердил своё пребывание в январе 1991 г. в Вильнюсе. Литовской стороне факта нахождения Василия Котлярова в январе 1991 г. в Вильнюсе доказать не удалось. По итальянским законам, это весьма значимое обстоятельство.

А что же инкриминируют литовские прокуроры Владимиру Котлярову? Набор тот же, что и в отношении полковника Ю. Меля – пять деяний, квалифицируемых, как военные преступления: запрещенное международным правом обращение с людьми, убийство лиц, пользующихся защитой международного гуманитарного права, причинение вреда здоровью, пытки либо иное бесчеловечное обращение с людьми, находящихся под защитой международного гуманитарного, запрещённые военные действия.

Между тем, судя по «Определению» Вильнюсского участкового суда от 10.06.2013 г., старший лейтенант Владимир Котляров, командуя военнотружущими 9-ой роты 234-го полка 76-ой дивизии ВДВ, обеспечивал лишь *«взятие под охрану огнетушительной аппаратуры, находящейся на 20-ом этаже телебашни»*. Эта задача была выполнена.

Никаких подробностей, связанных с нанесением лично Владимиром Котляровым или его подчиненными травм или ранений защитникам телебашни в «Определении» не приводится. С учетом вышесказанного, 18 июля 2014 г. итальянский суд отменил задержание В. Котлярова и назначил ему домашний арест.

Генпрокуратура ЛР и Министерство иностранных дел ЛР предпочитают молчать о правовых мотивах Италии в отказ в экстрадиции В. Котлярова в Литву. Уж очень они неприятны, так как свидетельствуют о непрофессионализме литовских прокуроров.

Мотивы Италии стали известны литовской общественности после того, как газета «*Karštas komentaras*» («Горячий комментарий», 07.01.2015) опу-

бликовала статью редактора Г. Горене под названием «Italijos motyvas dėl V.Kotlerovo paleidimo: pretenzijos turi būti TSRS vadovybei, o ne kariams» («Мотив Италии относительно освобождения В.Котлярова: претензии должны быть к руководству СССР, а не к военнослужащим»).

Горене подробно описала ситуацию с задержанием и освобождением В. Котлярова. Я позволю кратко изложить основные положения её статьи. Изучив запрос, представленный ЛР и рассмотрев обстоятельства дела, Генеральный прокурор Италии 9 сентября 2014 г. обратился в суд с просьбой не рассматривать запрос Литвы на экстрадицию В. Котлярова и вообще отменить какие-либо ограничительные меры в его отношении. Генпрокурор Италии представил суду доказательства того, что В. Котляров в период с 5 января по 20 сентября 1991 г. вообще не был в Литве. Бывшему советскому лейтенанту 30 сентября 2014 г. было разрешено вылететь из Милана в Санкт-Петербург.

Позиция Италии в отношении В. Котлярова была зафиксирована в постановлении Миланского апелляционного суда от 25 октября 2014 г. Суд отметил, что Генпрокурор Италии в ходатайстве по поводу В. Котлярова сослался на основной принцип международного права «*iure imperii*» (лат.), гарантирующий иммунитет военным контингентам, исполняющим приказ в период военных операций.

Это достаточно спорное утверждение с позиций международного права, прежде всего, в ситуации, когда отдается явно преступный приказ. Но итальянское правосудие одно из древнейших в мире, расценило ситуацию с Котляровым именно таким образом. Это его право. И в данной ситуации оно вполне обосновано.

Достоверно известно, что политическое и военное руководство СССР не отдавало военнослужащим, участвовавшим в Вильнюсе в силовой акции, **явно преступных приказов, как-то: стрелять в мирных граждан на поражение, давить их танками, пытать, лишать свободы**. Утверждения Генпрокуратуры Литвы на эту тему не более чем злостный вымысел. Замечу, что документов, подтверждающих измышления литовских прокуроров о преступных приказах советского военачальников не существует в природе.

Отмечу, что «*iuri imperii*» – это «закон государства», являющийся для любого гражданина превыше всего. В противном случае ни одна армия мира, прежде всего США, не могла вести военные действия, так как многие из военнослужащих могли их оспорить, оценив, как явно преступные.

Вышеизложенное означает, что согласно положениям правосудия Италии за действия советских военнослужащих в Литве должны отвечать не военнослужащие, а государство – СССР. Именно оно силой «*iure imperii*» направило их в Литву. Иначе говоря, претензии по делу «13 января» должны быть предъявлены руководству СССР.

Известно, что советские военачальники, руководившие силовой операцией в Вильнюсе, особое внимание уделяли вопросам обеспечения безопасности мирных граждан, не допущению фактов преступного произвола

по отношению к ним. Этому существует масса свидетельств. Тем не менее, литовская сторона утверждает, что в ходе силовой операции совершались военные преступления.

В этой связи необходимо отметить, что, несмотря на то, что мировое сообщество дало чёткие определения понятиям «преступный приказ», «военные преступления» и «преступления против человечности», некоторые государства и международные организации (США, НАТО и Литва) трактуют их произвольно.

Так, использование США дефолианта и напалма в войне во Вьетнаме (1964–1972 гг.), нанесение авиацией США и НАТО удара по Югославии (1999 г.) снарядами с сердечниками из обеднённого урана, использование американской армией в Ираке фосфорных бомб в городах Эн-Насирия (2003 г.) и Фалуджи (2004 г.), использование грузинской армией ракетных систем залпового огня против мирных жителей Цхинвали (2008), использование украинской армией ракетных систем залпового огня и фосфорных бомб против гражданского населения на Юго-Востоке Украины (2014 г.) имеют явные признаки военных преступлений и преступлений против человечности.

Однако западный мир трактует эти преступления, как необходимые силовые методы в борьбе за «торжество демократии». Зато поддерживают Литву, которая силовую акцию в Литовской ССР по восстановлению действия Конституции СССР в январе 1991 г., в которой каждый советский военнослужащий был предупрежден о недопустимости преступных действий, именует военным преступлением и преследует исполнителей «преступных приказов».

При этом вопрос ответственности политического и военного руководителя СССР, бывшего президента СССР М.С. Горбачёва, отдавшего приказ на проведение силовой операции в Вильнюсе, в Литве даже не рассматривается. Он переадресован России, как правопреемнику СССР.

Почему? Потому что США до сих пор прикрывают человека, который «сдал» им одну из величайших мировых держав. Не случайно они в 2008 г. наградили Горбачёва одной из двух высших наград Штатов – Президентской медалью Свободы.

Однако ставить вопрос об ответственности России, как правопреемника СССР, за события января 1991 г. более чем спорно. Напомню, что к 13 января 1991 г. из Союза ССР юридически вышли, объявив независимость, девять республик из пятнадцати: Литва, Грузия, Латвия, Эстония, Россия, Молдова, Узбекистан, Армения, Азербайджан.

Причём 29 июля 1991 г. Российская Федерация и Литовская Республика подписали в Москве договор о межгосударственных отношениях и признании независимости. Этот договор является юридическим подтверждением отмежевания России от действий СССР в Литве в январе 1991 г. Литовской стороне, которая постоянно ссылается на этот договор, следовало бы иметь в виду этот аспект.

Одним словом, Генпрокуратура ЛР в очередной раз попала впросак, произвольно толкуя основные принципы международного права, а также не внимательно изучая заключенные ЛР международные договора. Не случайно Горене в своей статье сделала вывод, что литовское правосудие заблудилось меж двух «сосен»: права и политики.

Тем не менее, после фиаско в Италии Генпрокуратура РФ сообщила, что В. Котляров будет осужден заочно. Это следует понимать так. Любой подозреваемый, попавший в список литовской Фемиды по делу «13 января», будет осужден, был ли он причастен к силовой акции в Вильнюсе или нет. Главное, что он туда попал.

Надежду вселяет лишь то, что протестные настроения против такого подхода среди литовских юристов нарастают, которые пытаются остановить псевдоправовой политизированный настрой литовских прокуроров. Об этом свидетельствует рассмотрение дела «Мединикай» в Апелляционном суде Литвы и уже упомянутое свидетельство профессора Р. Бурды.

Полагаю, что у Генпрокуратуры Литвы будет немало неприятных минут в ходе заочных процессов по делу россиян, подозреваемых в совершении военных преступлений в январе 1991 г. Тем более, что официальная Россия не оставит без внимания эти надуманные уголовные процессы.

Уведомление – Определение

Для того, чтобы в дальнейшем читатель лучше представлял бюрократическую ситуацию с обвинениями литовскими прокурорами российских граждан, следует разобраться в терминологии упоминаемых в тексте документов.

Прежде всего, несколько слов о сути Уведомления о подозрении и Определения о признании подозреваемыми, которыми оперирует литовская сторона. Согласно статьи 187-ой Уголовно-процессуального кодекса ЛР (УПК ЛР) в редакции от 14 марта 2002 г, одним из основных документов досудебного расследования является Уведомление о подозрении в совершении преступлений (*Pranešimas apie įtarimą*).

С ним прокурор обязан под подпись ознакомить каждого подозреваемого, после чего тот может ознакомиться с делом, а далее дело передается в суд. Первые Уведомления о подозрении по делу «13 января» в Генпрокуратуре Литвы были подготовлены в августе 2006 г.

Они были направлены в Генпрокуратуру России. Лично я был ознакомлен с 75-страничным Уведомлением, датированным 06.08.2006 г. в Преображенской межрайонной прокуратуре г. Москвы 22 ноября 2010 г. Насколько мне известно, с аналогичным Уведомлением были ознакомлены и мои коллеги по Компартии Литвы/КПСС.

Об обвинениях, которые в нем инкриминировались мне, даже не хочется говорить. Они представляли образец измышлений и фальсификаций литовских прокуроров. Я осуществил разбор некоторых уголовных эпизодов,

инкриминируемых мне и разместил в главе «О вздорных обвинениях Литовской Фемиды». И хотя в мой адрес в Определении 2013 г. сформулированы новые обвинения, не сомневаюсь, что суть их та же, что и в Уведомлении от 06.08.2006 г.

Не сомневаюсь, что подобные надуманные, а в ряде случаев абсурдные обвинения, инкриминировали и моим коллегам по Компартии. К сожалению, Генеральная прокуратура РФ не сочла нужным дать оценку правовой и фактологической необоснованности Уведомлений от 06.08.2006 г. Литовская сторона расценила это, как поощрение к дальнейшим фальсификационным действиям по делу «13 января».

Как говорилось, в декабре 2010 г. вступили в действие поправки в УК ЛР о переквалификации «преступлений» у телебашни в военные преступления и преступления против человечности. Тогда же в УПК были внесены поправки, предусматривающие возможность проведения заочных судебных процессов против россиян, подозреваемых в этих преступлениях.

В 2013 г. новая следственная бригада Генпрокуратуры ЛР сформулировала новые Уведомления о подозрении россиян в совершении военных преступлений. Поскольку литовские прокуроры были лишены возможности непосредственно ознакомить подозреваемых с Уведомлениями о подозрении, они обратились в Вильнюсский городской участковый суд с просьбой принять Определения о признании россиян подозреваемыми в совершении военных преступлений.

По содержанию Определение суда полностью повторяет Уведомление прокуратуры, только с добавлением соответствующих судебных формулировок. В дальнейшем эти документы я буду именовать «Уведомление» и «Определение».

Известно, что «Определения» суда о признании подозреваемыми 69 граждан РФ были направлены в Генпрокуратуру РФ. Там они пролежали без движения до тех пор, пока 12 марта 2014 г. на Панемунском КПП не был задержан российский гвардии полковник запаса танкист Юрий Мель. «Определение» о признании российского полковника подозреваемым в совершении военных преступлений к тому времени уже находилось в Генпрокуратуре РФ. Но...

Мне после длительных поисков удалось обрести копию «Определения» о «признании подозреваемым гражданина иностранного государства ЮРИЯ МЕЛЯ», подтверждённого решением Вильнюсского городского участкового суда 10.06.2013 г.

Когда мне довелось ознакомиться с этим «Определением», то я был шокирован бесцеремонным искажением литовскими прокурорами событий 13 января 1991 г. и подтасовкой обвинений против граждан России. Эти обвинения не только противоречат обстоятельствам, имевшим место в ночь на 13 января у телебашни, но и выводам литовских судмедэкспертов относительно характера травмы пострадавших в январских событиях, а также фотоснимкам и видеофильмам, зафиксировавшим эти события.

Отмечу, что текст всех «Определений» однотипен и отличается лишь фамилиями и личными данными подозреваемых. Обвинения, предъявленные Ю. Мелю литовскими прокурорами и судом, аналогичны обвинениям, изложенных в «Определениях», принятых судом в отношении других подозреваемых россиян.

Литва, понимая, что Россия не отреагирует на направленные ей «Определения», приступила к подготовке заочных процессов против россиян, подозреваемых в совершении военных преступлений на территории Литвы в январе 1991 г. Начало их намечено на второе полугодие 2015 г.

Ядовитое творчество

Зная о своей ответственности за трагические январские события, Ландсбергис вот уже 24 года пытается возложить ответственность за гибель январских жертв на советских военнослужащих и, прежде всего, на сотрудников спецгруппы «А» КГБ СССР. Поступать так его заставляет то, что с каждым годом в Литве появляются новые свидетельства того, что именно ландсбергисты причастны к январской крови.

За эти годы Ландсбергис подготовил пять книг, в которых, подтасовывая факты, документы и свидетельства, каждый раз «уточняет» свою версию гибели январских жертв.

В 1994 г. Ландсбергис впервые изложил свою версию январских событий в брошюре «Sausio 13-osios įvykiai ir Lietuvos valstybė» («События 13-го и Литовское государство»). Её Ландсбергис подготовил специально для литовских прокуроров, которые тогда вели следствие по делу литовских коммунистов М. Бурокаявичюса и Ю. Ермалавичюса, похищенных в Минске. Только в варианте, представленном в Генпрокуратура ЛР она называлась «Laisvės byla» («Дело свободы»).

Горя желанием «по-полной» рассчитаться с ними, бывший музыковед-марксист изложил в брошюре свою версию об истоках и «организаторах» событий 13-го января, щедро приправив ее личными претензиями. Как известно, литовская Генеральная прокуратура приняла эту версию к руководству.

К 10-ой годовщине январских событий Ландсбергис издал книгу «Sausio 13-osios užrašai: kovos ir pergalės dešimtmečiui» («Записки о январе 13-ого: десятилетие борьбы и побед»), в которой пытался «документально» обосновать факт советской военной агрессии против «независимой» Литвы в январе 1991 года.

В 2003 г. Ландсбергис издал книгу «Nauji dokumentai apie Sausio 13-ąją» («Новые документы о 13-ом января»), которая продолжила предыдущую линию и акцентировала особую роль Верховного Совета Литвы и его главы в «отражении» советской агрессии.

В 2004 г. Ландсбергис, недовольный ходом привлечения к уголовной ответственности своих политических противников, которые, в 1991 г. якобы участвовали в январском заговоре против Литовской республики, разродился следующей книгой «Atpirkimas: sausio 13-oji dokumentuose» («Искупление: 13-го января в документах»). Это была дополненная версия книги «Новые документы о 13-ом января».

Книгу Ландсбергис направил в Генпрокуратуру Литвы, предварительно подчеркнув абзацы, которые, по его мнению, заслуживали особого внимания литовских следователей. При этом Ландсбергис настаивал, чтобы его книга была приобщена к уголовному делу о январских событиях, как важнейшее свидетельство.

Однако к тому времени интерес литовских прокуроров к событиям 13-го января угас. Более того, в литовском обществе зародились сомнения в официальной версии этих событий. Это крайне обеспокоило представителей правящей партии литовских консерваторов. Поэтому они в 2009 г. усадили в кресло президента Литвы свою ставленницу Д. Грибаускайте, а затем с её помощью назначили Генеральным прокурором Литвы послушного исполнителя из заштатной районной прокуратуры Дарюса Валиса (Darius Valys).

По инициативе президента и нового Генпрокурора дело о событиях 13-го января было реанимировано. Были разработаны изменения в ст. 100 Уголовного кодекса ЛР, которые оперативно одобрил Сейм Литвы. Это позволило переквалифицировать январские преступления в военные преступления против человечности, не имеющие срока давности.

Соответственно, в 2012 г. свет увидел очередной литературный опус профессора под названием «Kaltė ir atpirkimas. Apie Sausio 13-ąją» («Вина и искупление. О 13-ом Января»). Эта книга, а точнее роскошно оформленный 328-страничный (25х30 см) сборник документов, фотографий и свидетельств явился новой попыткой главного виновника кровавых событий в Вильнюсе перевести стрелки ответственности на других. И всё это на фоне навязчивой пропаганды исключительной роли личности автора (то бишь, самого Ландсбергиса) в процессе обретения Литвой независимости в 1990–1991 гг.

По мнению Ландсбергиса, книга «Kaltė ir atpirkimas...» должна помочь литовскому правосудию в деле разоблачения и наказания ВСЕХ причастных к трагическим январским событиям. Она также была отправлена в Генпрокуратуру Литвы.

В ней автор с помощью умело подобранных «документальных» или представленных «документальными» свидетельств в очередной раз пытается доказать факт январской (1991 г.) «советской агрессии против независимой Литвы». В книге Ландсбергис утверждает, что в январе 1991 г. Советский Союз совершил в Вильнюсе военные преступления и преступления против человечности, не имеющие срока давности.

Без сомнения, книга «Kaltė ir atpirkimas...» была настольным пособием для новой бригады литовских прокуроров, плодом трёхлетнего труда которых

стало упомянутое «Уведомление» о подозрении, подтвержденное в 2013 г. «Определением» Вильнюсского городского участкового суда. Анализируя содержание книги Ландсбергиса и «Уведомления» литовских прокуроров можно без труда найти ряд общих подходов и оценок январских событий.

Ландсбергис против «Альфы» и Горбачёва

Для того, чтобы дать объективную оценку лживой галиматье, которой наполнены произведения Ландсбергиса о деле «13 января», достаточно рассмотреть хотя бы обвинения в адрес группы «А» КГБ СССР, изложенные в книге «*Kalte ir atpirkimas...*». Тем более, что Ландсбергис «альфовцев» представляет главными виновниками гибели людей в январе 1991 г.

Начну с того, что результаты литовской судмедэкспертизы свидетельствуют о совершенно ином. Вот что писал в своей информационной справке Верховному Совету Союза ССР № 18/5918-19 от 28.05.1991 г. Генпрокурор СССР Н. Трубин, ссылаясь на Акт Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы № 29 от 06.02.1991 г. писал: «...*Судя по направлению раневых каналов, указанных в справке начальника бюро судебно-медицинской экспертизы Литвы, 6 потерпевших были убиты в результате 1–7 выстрелов в каждого из них с разных точек, в том числе при выстрелах сверху и в спину, т. е. не военнослужащими при непосредственном столкновении с ними лицом к лицу, а боевиками во время их стрельбы из здания телецентра и с крыши ближайших домов в военнослужащих, которые находились у телецентра в толпе гражданских лиц*» (ГАРФ: фонд № 9654, опись № 6, дело № 57). Полный текст записки Н. Трубина размещён в части VII.

Но, что Ландсбергису выводы литовских судмедэкспертов? Он так уверовал в свою непогрешимость, что готов опровергнуть, при необходимости, и саму Библию. Группу «А» он именует «специально подготовленным штурмовым подразделением убийц» или просто «убийцами» (стр. 315, 316, 321 книги «*Kalte ir atpirkimas...*»).

Для того, чтобы подтвердить свои измышления о том, что «альфовцы» умышленно расстреливали защитников телебашни Ландсбергис сослался на свидетельства уже упомянутого защитника телебашни литовского «пограничника» Еугениуса Шепетиса и начальника центральной аппаратной телебашни Альгирдаса Раманаускаса. О лживости их заявлений мы ещё поговорим.

Но это не помеха для профессора. Отсутствие документальных свидетельств вины «Альфы» Ландсбергис пытается возместить фотографиями, которые должны были подтвердить преступность действий бойцов группы «А» у телебашни. В этих целях он разместил в книге три фото «альфовцев» (стр. 221, 231, 282).

Здесь Ландсбергис пошёл на явную фальсификацию. В книге «*Kalte ir atpirkimas...*» только на одном фото (стр. 221) запечатлена группа «альфовцев».

Подпись под фото гласит: «Группа «Альфа» штурмует здание комитета по телевидению и радиовещанию». О том, что на фото действительно сотрудники группы «А» свидетельствуют камуфляж, спецбронезилеты, характерные защитные шлемы фирмы ТІГ (ФРГ), а также автоматы АКС-74У, которые помимо складного металлического приклада, имели укороченный ствол и своеобразный воронкообразный пламегаситель. В СССР таким образом была обмундирована только группа «А».

Однако единственного фото «альфовцев» Ландсбергису показалось мало. Поэтому он без стеснения на страницах 231-й и 282-й книги разместил фотографии, на которых за «альфовцев» выдал обычных десантников и солдат МВД СССР. На стр. 231 под одной из фотографий находится подпись «Советские десантники или «Альфа» у захваченной телебашни». Но на этом фото, судя по вооружению и экипировке, были запечатлены обычные советские десантники.

На фотографии, размещённой на стр. 282 запечатлены солдаты внутренних войск СССР. Отчетливо видны их резиновые дубинки и автоматы АК-74 с деревянными прикладами. Однако под фото подпись: «13 января у телебашни. Героическая «Альфа» против безоружных людей». Комментарии излишни.

Как видим, ни одно из свидетельств о зверствах «альфовцев», включённых Ландсбергисом в книгу «*Kalte ir atpirkimas...*» не выдерживает проверки объективными фактами. Тем не менее, профессор разместил в своей книге фото бывшего командира группы «А» КГБ СССР Михаила Головатова в форме полковника КГБ, позиционируя его как преступника. С этой целью это фото было размещено в середине сообщения Генпрокуратуры Литвы о досудебном расследовании и судах по событиям 13 января 1991 г. в Литве. Тем самым как бы подчеркнуто, вот он, один из «преступников», о котором говорится в сообщении Генпрокуратуры.

Книгу завершают два материала, посвящённые бывшему президенту СССР М. Горбачёву. В одном из них под названием «О счетах Михаила Горбачёва с правосудием» приводится заявление европарламентария и бывшего главы ВС Литвы в 1990–1992 гг. В Ландсбергиса в Вестминстерский суд,

Советские солдаты на улицах Вильнюса в январе 1991 г.

**А это те самые, по словам
Ландсбергиса, «безоружные»
люди**

датированное 6 апреля 2011 г. Подробно об этом заявлении говорилось в главе II. Во второй статье под названием «Не приказал, но разрешил» Ландсбергис достаточно убедительно доказывает ответственность Горбачёва за силовую операцию в Вильнюсе.

Завершает книгу статья Ландсбергиса под названием «Ещё не эпилог», хотя, судя по содержанию, её следовало бы назвать «Всех за решётку». Первая половина статьи посвящена бывшему премьер-министру Литвы Казимиру Прунскене. По убеждению Ландсбергиса именно она, как глава тогдашнего правительства и её помощники коммунисты в лице А. Бразаускаса организовали в начале января 1991 г. акцию по неоправданному повышению цен, что привело к массовому возмущению населения.

Далее Ландсбергис рассуждает об ответственности руководителей двух Компартий, М. Бурокаявичюса и А. Бразаускаса за январские события. Помимо этого он пишет о Язове, Крючкове и Пуго, которые, по его мнению, совершили военные преступления, разрешив использовать пули 5,45 мм со смещённым центром, якобы запрещённые декларацией 1989 г. и Четвертой Гаагской конвенцией 1907 г.

Ландсбергис по этому поводу патетически вопрошает: *«Дамы и господа, ведь это дело международного трибунала, а Литва молчит. А М.В. Головатов изображает туриста от Вильнюса до Вены»*. Подробно о «запрещённой» пуле 5,45 мм будет рассказано ниже.

Известно, что Ландсбергис был инициатором вступления Литвы в НАТО, на вооружении армий которой находится пуля 5,56 мм, которая по своим убойным характеристикам является более страшным орудием убийства, нежели советская пуля 5,45 мм. После вступления Литвы в марте 2004 г. в НАТО армия республики полностью перешла на стандарты НАТО, то есть и на патроны с пулей 5,56 мм. Так что, ропаш Ландсбергис, займитесь лучше вооружёнными силами Литвы, использующими варварские американские пули.

А вот реплику относительно «туриста Головатова» можно понять, как последний аргумент в споре, когда проигравший в бессильной злобе кричит «А ты сам такой!».

Судя по этой статье, Ландсбергис в трагических январских событиях считает виноватыми всех, кроме него. Но, как говорят, «На воре шапка горит!».

Правовая концепция уголовного дела 13 января

Правовая концепция переквалифицированного уголовного дела 13 января или дела № 09-2-031-99 изложена в «Определении» о признании подозреваемым гражданина «иностранного государства» Юрия Меля в совершении военных преступлений на территории Литовской республики (ЛР) в январе 1991 г., утвержденном 10 июня 2013 г. Вильнюсским городским участковым судом, а точнее судьей Дайнюсом Гризицкасом (D. Grizickas) (полный текст «Определения» размещен в части VII).

Отмечу, что судья Д. Гризицкас не рассматривал по существу обвинения, сформулированные в «Уведомлении» Генпрокуратуры ЛР и вошедшие в «Определение» суда. Он, своими «Определениями» лишь утвердил, что российские граждане стали подозреваемыми в совершении преступлений, изложенных прокурорами в «Уведомлениях».

Анализ «Определения» Вильнюсского городского участкового суда был осуществлен мною не с позиций оценки степени обоснованности решения, принятого судом, а с позиций основного документа досудебного расследования, то есть «Уведомления» о подозрении, в котором изложены обвинения, инкриминируемые российским гражданам, принимавшим в январе 1991 г. участие в акции по восстановлению действия Конституции СССР на территории Литовской ССР.

Так что же представляет собой правовая концепция, на которой базируются обвинения россиян? Она сформулирована в «Определении» и звучит следующим образом:

«...судьба Литвы, как независимого государства была решена договорами между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. и 28 сентября 1939 г., известными как пакт Молотова–Риббентропа.

15 июня 1940 г. СССР с введением воинских частей оккупировал Литву, а 3 августа 1940 г. инкорпорировал ее в состав СССР.

Закон СССР от 3 августа 1940 г. «О принятии Литовской Советской Социалистической Республики в Союз Советских Социалистических Республик» являлся односторонним актом аннексии».

Далее прокуроры ссылаются на Акт «О восстановлении Независимого Литовского Государства», принятый Верховным Советом Литовской Республики 11 марта 1990 г., в котором акцентируется, что: «...Акт Литовского Совета о Независимости от 16 февраля 1918 года и Резолюция Учредительного Сейма от 15 мая 1920 года о восстановлении демократического Литовского государства никогда не утрачивали правовой силы и являются конституционной основой Литовского государства.

Территория Литовского государства является целостной и неделимой, на ней не действует конституция никакого другого государства».

Вышеизложенная правовая концепция позволяет литовским прокурорам утверждать, что Литва с момента провозглашения независимости 11 марта 1990 г. являлась независимым государством. Соответственно, по логике литовских властей в январе 1991 г. СССР совершил против независимой Литвы военную агрессию, поэтому действия советских вооружённых сил они расценивают с позиций международного права.

Уважая право литовского народа на независимость, тем не менее, следует заявить, что представленная в «Определении» концепция обретения Литвой независимости является спорной, а её обоснованность не выдерживает проверки историческими фактами. Вот об этом и поговорим.

О пакте Молотова–Риббентропа

Выше отмечалось, что в «Определении» утверждается, что «судьба Литвы, как независимого государства была решена договорами между СССР и Германией от 23 августа 1939 г. и 28 сентября 1939 г., известными, как пакт Молотова–Риббентропа».

Между тем известно, что пактом Молотова–Риббентропа всегда именовался и именуется только Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23.08.1939 г. и секретный дополнительный протокол к нему, подписанные Молотовым и Риббентропом. Все заявления литовских политиков в 1988–1989 гг., и позже, касались лишь этого договора и секретного протокола к нему. Газетные статьи до сих пор хранят эти выступления, не говоря уже о том, что до сих пор массовые антисоветские мероприятия литовская сторона проводит не 28 сентября, а 23 августа 1939 г. Это общеизвестные факты, не требующие доказательств.

По истечению 20 лет до литовских политиков дошло, что территория Литвы была включена в сферу интересов СССР в соответствии с секретным дополнительным протоколом к «Германо-советскому договору о дружбе и границе между СССР и Германией» от 28 сентября 1939 г. В этой связи они создали неуклюжую конструкцию из двух договоров, которую теперь пытаются представить пактом Молотова–Риббентропа.

Литовские прокуроры в «Определении» допустили неточность, которая является ярким примером произвольной трактовки в Литве исторических документов. Причём можно говорить о наличии определенной системы таких трактовок. Подобным образом литовская сторона произвольно трактует понятия «оккупация», «военная агрессия», «военные преступления», «международное гуманитарное право» «запрещённые международными договорами военные средства» и т. п.

Но перейду к так называемой роковой роли пакта Молотова-Риббентропа в судьбе Литвы. За последние четверть века по данному поводу написано немало. В этой связи коснусь лишь некоторых принципиальных моментов.

Прежде всего, напомним литовским историкам и политикам, возмнившими себя третейскими судьями в оценке предвоенной истории Европы некоторые аспекты этой истории. Известно, что период после Первой мировой войны характерен фашизацией Европы. В 1922 г. в Италии к власти пришёл Бенито Муссолини в 1926 г. он объявил, что Италия стала фашистской республикой.

Начальник польского государства маршал Юзеф Пилсудский в мае 1926 г. установил в Польше авторитарный режим с элементами фашизма. Подтверждением этого является не только преследование политических соперников Пилсудского, но и тотальное преследование всех, кто был не согласен с «начальником польского государства». Тогда же в Польше появились первые в Европе концентрационные лагеря для инакомыслящих.

В том же мае 1926 г. в Португалии произошёл военный переворот, который установил режим личной власти генерала Антониу Кармоне, правивший страной фашистскими методами до 1951 г.

В декабре 1926 г. аналогичный переворот в Литве совершил Антанас Сметона (A. Smetona). В 1927 г. он распустил Сейм Литвы, запретил все политические партии, за исключением «Союза националистов», поддерживающего его лично. Было расстреляно руководство Компартии Литвы. Всё это беззаконие было освящено принятием в 1928 г. новой Конституции, подтвердившей авторитарную власть Сметоны.

Ещё раз напомним, что в июле 1932 г. национал-социалистическая партия Германии получила то количество мест в Рейхстаге, которое позволило сделать председателем Рейхстага Германа Геринга, ближайшего соратника Адольфа Гитлера. В январе 1933 г. Гитлер был назначен Рейхсканцлером Веймарской республики. Так родился германский фашизм, принесший миру неисчислимые бедствия.

После Германии Эстония и Латвия также начали свой дрейф к фашизму. В марте 1934 г. президент Эстонии Константин Пятс совершил государственный переворот, установив режим личной власти. В 1935 г. он запретил партии, государственное собрание распустил, а в 1937 г. ввел новую Конституцию, узаконивающую его личную власть.

В мае 1934 г. премьер-министр Латвийской республики Карлис Улманис последовал примеру Сметоны и Ульманиса. Он распустил Сейм, запретил все политические партии, ограничил свободу слова и установил режим личной власти.

Дальнейшие события общеизвестны. Фашизм, как плесень в той или иной форме, пополз по Европе. Но главенствующую роль в этой экспансии играл Гитлер, который к 1939 г. сумел сделать Германию одним из самых мощных государств Европы.

Утверждения относительно того, что Гитлер не посмел бы напасть на Польшу и не начал бы Вторую мировую войну, если бы не был подписан пакт Риббентропа–Молотова, не более чем миф. Известно, что переговоры

о заключении договора о ненападении Германия вела не только с СССР, но и с Великобританией. В Берлине одновременно готовились два полета для подписания договора: Риббентропа в Москву и Геринга в Лондон. Причём англичане в этом процессе проявляли большую активность, нежели СССР.

Еще в июле 1939 г. советник британского премьера Вильсон подготовил программу англо-германского сотрудничества, известную под названием «плана Вильсона». В середине августа 1939 г. Риббентроп получил очередной вариант «плана Вильсона».

Согласно этому плану предусматривалось заключение между Англией и Германией «оборонительного союза» на 25 лет, постепенное возвращение Германии колоний, «разграничение сфер интересов, включая признание специальных интересов Германии» и т. д. (Сиполс. Тайны дипломатические. С. 58, 61). Нет сомнений, что в случае подписания англо-германского договора, Польша, в конечном итоге, была бы пожертвована Гитлеру, как произошло в сентябре 1939 г., когда Англия и Франция ограничились громкими декларациями вместо военной помощи полякам.

Гитлер для подписания договора выбрал СССР, так как считал, что предложения Англии он без труда реализует военным путём. 22 августа Адольф Гитлер отменил полёт наци № 2 Г. Геринга в Англию для подписания договора, а 23 августа министр иностранных дел И. фон Риббентроп вылетел в Москву. Там был подписан пакт Молотова–Риббентропа, а мог быть англо-германский пакт.

Вариант подписания англо-германского пакта Советский Союз не устраивал вообще. В этом случае СССР оставался один на один со всей враждебной капиталистической Европой. Не вызывает сомнений, что к англо-германскому пакту присоединилась бы Польша и прибалтийские республики, которые вроде бы заявили о нейтралитете, но явно тяготели к нацистской Германии.

Знакомясь с уничижительными оценками пакта Молотова–Риббентропа, которые дают ему современные литовские историки и политики и присоединившиеся к ним литовские прокуроры, вспоминаются оценки пакта, которые ему были даны такой исторической личностью, как премьер-министр Великобритании и антикоммунист Уинстон Черчилль.

В своих 6-томных воспоминаниях «Вторая мировая война» У. Черчилль, говоря о пакте Молотов–Риббентропа, подчёркивал: *«Невозможно сказать, кому он внушал большее отвращение – Гитлеру или Сталину. Оба сознавали, что это могло быть временной мерой, продиктованной обстоятельствами. Антогонизм между двумя империями и системами был смертельным. Сталин, без сомнения думал, Гитлер будет менее опасным врагом для России после года войны против западных держав. Гитлер следовал своему методу «по одиночке»...»* (Черчилль. Кн. 1. С. 179).

К этому добавлю оценку Черчиллем вступления советских войск в сентябре 1939 г. на территорию Польши, точнее на российские территории, которые Польша захватила в 1920 г. Эта оценка звучала в выступлении Черчилля

по лондонскому радио 1 октября 1939 г. Он заявил: *«В пользу Советов нужно сказать, что Советскому Союзу жизненно необходимо отодвинуть как можно дальше на запад исходные позиции германских армий, с тем, чтобы русские получили время и могли собрать силы со всех концов своей колоссальной империи. В русских умах калёным железом запечатлелись катастрофы, которые потерпели их армии в 1914 году, когда они бросились в наступление на немцев, ещё не закончив мобилизации. А теперь их границы значительно восточнее, чем во время первой войны.*

/.../Им (Советам) нужно силой или обманом оккупировать Прибалтийские государства и большую часть Польши, прежде чем на них нападут. Если их политика и была холодно расчётливой, то она была также в тот момент в высокой степени реалистичной.

/.../Россия проводит холодную политику собственных интересов. Мы бы предпочли, чтобы русские армии стояли на своих нынешних позициях как друзья и союзники Польши, а не как захватчики. Но для защиты России от нацистской угрозы явно необходимо, чтобы русские армии стояли на этой линии. Во всяком случае эта линия существует и, следовательно, создан Восточный фронт, на который нацистская Германия не посмеет напасть» (Черчилль. М.: Воениздат, 1991. Кн. 1. С. 180, 205).

Налицо понимание Черчиллем того, что СССР был вынужден так поступать, обеспечивая свою безопасность. Не мешало бы, чтобы литовские политики попытались оценить ситуацию 1939–1940 гг. не с позиций эмоций и обид, а с позиций трезвого анализа.

Аналогичную оценку дал пакту Молотова–Риббентропа в своей телеграмме послу Франции в Польше Л. Ноэлю посол Франции в СССР П. Нажиара. В ней, в частности, говорилось: *«...Действительно, трудно представить, как можно было надеяться добиться от СССР, чтобы он принял обязательства против Германии, столь обходительно обращавшейся с ним, если гарантированные нами поляки и румыны по-прежнему не желают ничего слышать о русской помощи.*

Гитлер, не колеблясь решился на поступок, который Бек (министр иностранных дел Польши – В. Ш.), обеспеченный нашей гарантией, отказывался совершить. Он примирился со Сталиным, несмотря на все то, что он говорил или делал против СССР, и на основе реальных фактов давних отношений между двумя странами повёл разговор с новой Россией, как держава с державой, отбрасывая таким образом, Польшу на её место, столь уязвимое между объединёнными немцами и русскими». (Год кризиса 1938-1939. Т II. М.; Политическая литература. 1990. С. 327).

К этому добавлю сообщение латвийского посланника Эдгарса Криевиньша в Берлине о возможных последствиях пакта Молотова–Риббентропа, которое он 26 августа 1939 г. направил министру иностранных дел Латвии Вильгельмсу Мунтерсу.

В нём говорилось, что Германия и СССР «согласились уважать балтийские страны и будут стараться уравновесить свои интересы следующим образом: 1. Пока Германия и Россия не будут предъявлять этим странам территориальные претензии; 2. Россия признает право Германии рассматривать балтийские государства в качестве экономической базы; 3. Германия оставляет за Россией право на защиту своих жизненных интересов в балтийских портах; 4. Не планируется ограничивать суверенитет стран Балтии».

Добавлю, что само развитие событий осенью 1939 г., свидетельствовало, что ограничивать суверенитет прибалтийских государств СССР в то время не собирався. Тем более, что Конференция Балтийских стран, состоявшаяся 5 февраля 1939 г. в Каунасе, рекомендовала участникам проводить политику нейтралитета.

Литва 1 сентября 1939 г. приняла «Правительственный акт о Нейтралитете Литвы». Подписали Акт президент ЛР А. Сметона и премьер-министр Йонас Чернюс (Полпреды сообщают..., М.; Международные отношения, 1990. С. 19, 21). В постсоветский период литовские политики историками этим Актом пытаются прикрыть политические заигрывания президента Сметоны с нацистской Германией. Но документы свидетельствуют об ином.

Перейду к анализу текста секретного дополнительного протокола к германо-советскому договору от 23.08.1939 г. Абсолютно ясно, что в нем ничто не свидетельствует о намерении СССР напасть на Прибалтику, в том числе и Литву, либо каким-то образом оказать на неё воздействие. Все пункты протокола гипотетичны, то есть их действие предполагалось лишь в случае территориально-политического переустройства областей Прибалтики.

Следует также понимать, что раздел «сфер интересов» это не раздел суверенных государств и не договоренность об их захвате. Это просто взаимное самоустранение договаривающихся сторон от военной и политической активности за пределами совместно определенной ими географической линии. Это общеизвестная истина в дипломатических отношениях. И, если бы не злополучное Постановление второго Съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. № 979-1 «О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 года», навязанное народным депутатам СССР комиссией во главе с приснопамятным А.Н. Яковлевым, то особых аргументов у литовской стороны о роковой роли пакта Молотова–Риббентропа от 23.08.1939 г. не было бы. (Текст Постановления съезда НД СССР см. в части VII).

Второй Съезд народных депутатов СССР в декабре 1989 г. под давлением народных депутатов от республик Прибалтики, принял Постановление, в котором осудил секретные протоколы к германо-советским договорам, заключенным в 1939 г. Якобы эти протоколы были использованы Сталиным и его окружением для предъявления ультиматумов и силового давления на другие государства и нарушения взятых перед ними обязательств.

Съезд также констатировал, что протоколы, как по методу их составления, так и по содержанию являлись отходом от ленинских принципов советской внешней политики. Мировая ситуация последних лет показала, что вышеперечисленные оценки более чем спорны. А ссылка на ленинские принципы являлась просто словоблудием.

Методы силового давления и ультиматумов, как способы разрешения спорных ситуаций, получают в современном мировом сообществе всё большее распространение. Ещё раз напомним ситуацию с Югославией в 1999 г., Ираком – в 1991 и 2003 г., Ливией – в 2011 г., Сирией – в 2013 г. В 2014 г. уже Россия подвергается беспрецедентному давлению со стороны США и Евросоюза из-за позиции по Украине.

В 1989 г. формулировки Постановления второго Съезда позволили сепаратистам Прибалтики, среди которых ведущую роль играли представители литовского «Саюдиса», обосновать версию о советской оккупации стран Балтии, что позволило обеспечить псевдоправовой выход Литвы из СССР в марте 1990 г.

Об актуальности Постановления II Съезда НД СССР для Литвы свидетельствует следующий факт. В 2005 г. президент ЛР В. Адамкус (V. Adamkus) в качестве одной из причин отказа прибыть в Москву на юбилейные торжества по поводу 60-летия Великой Победы, назвав «неприемлимыми» попытки «пересмотреть решение Съезда народных депутатов СССР в отношении пакта Молотова–Риббентропа», прозвучавшие 22 февраля того года в интервью российского президента В. Путина словацкому радио.

Замечу, что в этом интервью Путин лишь повторил оценку, данную вышеназванному пакту в 1939 г. У. Черчиллем, заявив о том, что Сталин был вынужден пойти на договор с Гитлером.

Продолжая тему германо-советских договоров 1939 г., вновь напомним, что Литва была включена в советскую сферу интересов в соответствии с секретным протоколом к германо-советскому договору, но не от 23 августа, а от 28 сентября 1939 г. Значение, которое литовцы придают дате 23 августа несостоятельно и свидетельствует либо о дилетантизме литовских политиков, либо об их политическом мошенничестве. (Тексты договоров и секретных протоколов к ним см. в части VII).

Но и дата 28 сентября повлияла на судьбу Литвы не больше, чем дата 23 августа. Как говорилось, сфера интересов лишь определяла ту территорию, на которой одна из сторон получала преференции в плане развития двусторонних отношений. Сфера интересов всегда расценивалась и расценивается, как зона безопасности одной из сторон.

Между тем известно, что Германия, подписав секретный протокол о разделе сфер интересов к германо-советскому договору от 28 сентября 1939 г., стала наращивать своё торгово-экономическое, культурное и разведывательное присутствие в Литве.

Литовская сторона умалчивает, что в сентябре 1939 г. Президент ЛР А. Сметона был готов пойти на сговор с нацистской Германией. Известно и документально подтверждено, что 20 сентября 1939 г. в Берлине, с участием посла ЛР полковника Казиса Шкирпы (K. Škirpa), выполнявшего указания президента, был подготовлен **проект германо-литовского договора, согласно которому Литва становилась протекторатом Германии со всеми вытекающими последствиями.**

Подробно о ситуации с включением Литовской Республики в состав СССР рассказано в документальном исследовании российского историка, директора фонда «Историческая память» Александра Дюкова. Оно называется «Протекторат Литва. Тайное сотрудничество с нацистами и нереализованный сценарий утраты литовской независимости». (1939–1940 гг. М., 2013).

А. Дюков в августе 2013 г., давая интервью ИТАР-ТАСС справедливо отметил, что ошибочно считать пакт Молотова–Риббентропа документом, заложившим основу для присоединения Прибалтики к СССР. Сегодня достоверно установлено, что после подписания германо-советского договора от 28 сентября 1939 г. советское руководство не планировало включение Литвы в СССР.

Александр Дюков также акцентировал, что документы, опубликованные в последние годы, свидетельствуют о том, что решение о присоединении Литвы принималось в Кремле не в августе 1939 г., а в конце мая 1940 г., когда ситуация вокруг Прибалтики, как стратегического плацдарма, крайне обострилась.

Эту оценку пакта подтверждает нота (меморандум) МИД Германии Советскому Правительству от 21 июня 1941 г. В ноте немцы обвинили Советский Союз в том, что он нарушил секретные договоренности от 23 августа 1939 г., по которым обязывался **«...не занимать, не большевизировать или аннексировать входящие в сферу его влияния государства...».**

То есть, секретные советско-германские договоренности в рамках германо-советских договоров от 23.08.1939 г. и 28.09.1939 г. не предполагали включение Литвы в состав СССР. Вышеизложенное позволяет сделать вывод, что, попытка придать роковое значение пакту Молотова–Риббентропа равносильна попытке доказать, что библейское убийство Каином Абея, предопределило все последующие войны человечества.

Напомню, что первый ввод ограниченного контингента советских войск на территорию Литвы был осуществлён в соответствии с договором между СССР и Литвой от 10 октября 1939 г., по которому Советский Союз передавал Литовской Республике Вильно и Виленский край. (См. текст договора в части VIII). Этот договор с большим удовлетворением встретил президент Литвы А. Сметона, не говоря уже о литовской общественности и армии. Это неопровержимый исторический факт.

О «советской оккупации»

Одной из самых популярных и часто употребляемых фраз в постсоветской ЛР является выражение «советская оккупация». Всё негативное, что происходит сегодня в республике, преподносится как реликт этой «оккупации». В этой связи следует дать определение термина «оккупация».

Режим и правовые нормы «оккупации» (военной) были определены специальными международными соглашениями, принятыми на 4-й Гаагской конференции в 1907 г., а также Женевскими конвенциями в 1949 г. и протоколами к ним 1977 г.

В соответствии с международно-правовой доктриной середины XX века под «оккупацией» (военной) понимается временное занятие в ходе вооруженного конфликта армией одного из воюющих государств территории (или части территории) другого государства. Однако «оккупация» военная не влечёт передачу суверенитета над оккупируемой территорией оккупирующему государству.

Из вышеизложенного следует вывод – «оккупация» территории государства является, как правило, следствием военного конфликта с другим или другими государствами. Известно, что в июне 1940 г. СССР и ЛР не вели военных действий. Ввод дополнительного контингента советских войск на территорию Литвы прошёл мирно.

Командующий литовской армией генерал В. Виткаускас утром 15 июня 1940 г. дал указание: *«По отношению к продвигающимся советским войскам соблюдать все правила вежливости и выражать дружественные отношения подобно тому, как оно выражалось к ранее введенным войскам»*. В 15 час. подразделения Красной Армии начали переход советско-литовской границы. Как сообщали достоверные источники, их встречали дружественно настроенные командиры литовской армии.

Исходя из вышеизложенного, применять термин «оккупация» к вводу дополнительного контингента советских войск на территорию Литвы нет правовых оснований. Никаких боестолкновений на границе 15 июня 1940 г. не происходило.

Однако споры относительно правовой оценки вхождения Литвы в СССР в 1940 г. не затихают до сих пор. В Литве это безоговорочно считается «оккупацией». Там оценки из международной правовой и дипломатической сфер давно перешли в политическую, которая предполагает не установление истины, а защиту политических интересов, как своих, так и заокеанских хозяев.

Это не случайно. 12 августа 1940 г. Госдепартамент США под давлением эмигрантских прибалтийских диаспор, ключевую роль среди которых играла литовская диаспора, направил Советскому Союзу меморандум. В нём прибалтийские республики назывались «оккупированными странами, лишёнными свободы распоряжаться своим имуществом». Это при том, что США ряд территории, например, Техас, Калифорнию, Гавайские острова,

присоединили аналогичным способом, именуемый волеизъявлением народов этих территорий.

Весь послевоенный период США активно поддерживали сепаратистские настроения в Прибалтике. Целенаправленный характер эта деятельность приобрела после принятия 9 июля 1959 г. «Закона о порабощённых нациях». Согласно этому Закону третья неделя июля каждого года объявлялась в «свободном мире» «Неделей порабощённых наций».

Зерна сепаратизма, посеянные США в период перестройки, дали в Литве бурные всходы, которые советская правовая, историческая и дипломатическая наука даже не пыталась заглушить. Решающую роль здесь сыграла невнятная позиция советского политического руководства.

Пользуясь такой ситуацией в Кремле, в 1989 г. литовские сепаратисты подняли на щит тему «оккупации», утверждая, что установление советской власти в июне-июле 1940 г. произошло на «штыках советских солдат». Между тем документально подтверждено, что в июне 1940 г. переход власти к Народному Сейму, хоть и произошёл под дипломатическим давлением СССР, но, тем не менее, он проходил в рамках Конституции ЛР 1938 г. Это исторический факт. Поговорим об этом подробнее.

* * *

Введение в июне 1940 г. в Литовскую Республику дополнительного контингента советских войск и последующее присоединение этой страны к СССР стало ответом на политические заигрывания тогдашнего президента А. Сметоны с германским Рейхом. На кону стояла судьба не только СССР, но и всего мира.

А. Сметона был убежденным германофилом. Он не забывал, что возрождение литовского государства в 1918 г. было всецело обусловлено позицией кайзеровской Германии. Именно немецкие оккупационные власти до июля 1919 г. обеспечивали существование Литовской Тарибы, которая 16 февраля 1918 г. в условиях немецкой оккупации провозгласила «восстановление независимого демократического Литовского государства».

Сметона и его соратники на всю жизнь сохранили чувство признательности к Германии. Гитлер сполна воспользовался этим. В преддверии войны с СССР он считал Литву «особым плацдармом». Это прекрасно понимало советское руководство, которое предпринимало шаги по опережению Гитлера.

Накануне неизбежной войны два противника стремились занять наиболее выигрышную позицию. Решалась не просто судьба двух государств СССР и Германии, но, как отмечалось, всего мира. Оценку ситуации 1939–1941 гг. следует вести с учётом этого аспекта.

Несмотря на то, что согласно германо-советскому договору от 28 сентября 1939 г. территория Литвы вошла в сферу интересов СССР, фюрер предпринял попытку включить республику в орбиту Германии силовым путём. Благо, что литовский президент готов был всемерно способствовать, чтобы Литва стала протекторатом Германии.

Игнорируя ранее упомянутый проект договора о протекторате Германии над Литвой от 20.09.1939 г. (см. часть VIII) Гитлер 25 сентября 1939 г. подписал директиву ОКВ (Верховное главнокомандование вермахта) № 4, согласно которой следовало *«держать в Восточной Пруссии наготове силы, достаточные для того, чтобы быстро захватить Литву, даже в случае её вооружённого сопротивления»*. Литва должна была стать плацдармом для наступления германского вермахта на СССР.

В плане нападения Германии на Польшу, именуемый план «Вайс» отмечалось, что: *«Позиция лимитрофных государств (Литвы, Латвии и Эстонии – В.Ш.) будет определяться исключительно военными потребностями Германии. С развитием событий может возникнуть необходимость оккупировать лимитрофные государства до границы старой Курляндии и включить эти территории в состав империи»*.

В Пруссии, рядом с германо-литовской границей было сконцентрировано 80 тысяч военнослужащих Вермахта и так называемых немецких «туристов», а также 200 военных самолётов. Эти силы должны были морально поддерживать прогерманские элементы, действующие в Литве, а в случае необходимости начать военное вторжение.

Но советское руководство в октябре 1939 г. предложило Литве подписать договор с СССР о взаимопомощи, согласно которому Литве возвращался Вильно и Виленский край. Президент Литвы А. Сметона согласился и решил на время воздержаться от подписания германо-литовского договора об обороне. Однако, Сметона не оставил надежду передать Литву под протекторат Германии. К этому времени он разочаровался в Англии и Франции, которые, будучи гарантами независимости Польши, без боя сдали её Германии.

Президент Литвы в этой ситуации предпочёл по старой памяти вернуться под крыло Германии. По его поручению этой проблемой занялся Августинас Повилайтис (A. Povilaitis), начальник Департамент государственной безопасности (ДГБ) Литвы. После обретения Вильнюса и Виленского края в октябре 1939 г. ДГБ достаточно тесно сотрудничал с Гестапо в борьбе против польского сопротивления, передавая поляков Германии.

Как пишет А. Дюков в «Протекторате Литва» (с. 83), Повилайтис в 1939 г., будучи в Германии в служебной командировке, наладил личные контакты с доктором права Хейнцем Грефе (H. Gräfe), политическим комиссаром Гестапо в Тильзите (ныне Советск, Калининградской обл.). В мае 1939 г. Х. Грефе пригласил А. Повилайтиса на отдых в Восточную Пруссию.

В течение двух недель Повилайтис совершал автомобильное турне по Пруссии. За это время у него с Грефе сложились дружеские отношения. Это происходило в рамках реализации установки германского руководства и спецслужб на налаживание личных контактов с литовскими должностными лицами. В апреле 1939 г. с визитом в Берлине побывал Главнокомандующий литовской армии С. Раштикис. Он удостоился личной встречи и беседы с Гитлером. (Дюков. «Протекторат «Литва». С. 79).

В феврале 1940 г. А. Сметона направил А. Повилайтиса с личным секретным поручением в Берлин. Повод для этого был. До этого в Каунасе побывал упомянутый Х. Грефе и пригласил Повилайтиса в Берлин для ознакомления с работой криминальных лабораторий (там же. С. 119). Перед поездкой Повилайтис встретился с адъютантом А. Сметоны полковником Стяпасом Жукайтисом (S. Žukaitis), изложивший ему от имени президента вопросы для германской стороны, на которые Сметона желал бы получить ответы.

Прежде всего, Повилайтис должен был изложить позицию А. Сметоны германскому руководству. Она состояла в следующем. Литва, живя между двумя социализмами, определилась в своей ориентации. Для Литвы, а точнее для Сметоны, национал-социализм был Германии более приемлим, поэтому президент Литвы пришел к заключению, что ориентироваться следует на Германию. При этом Сметона признавал, что политическая ориентация на Англию и Францию являлась ошибочной.

Далее Сметону интересовали ответы германского руководства на следующие вопросы:

1. Согласится ли Германия взять Литву под свой протекторат и политическую опеку?

2. Какой будет реакция Германии, если СССР попытается аннексировать Литву? (Дюков. «Протекторат "Литва"». С. 173, 175).

В Берлине Повилайтису удалось пообщаться с Рейнгардом Гейдрихом – главой полиции безопасности, Генрихом Мюллером – начальником IV управления РСХА (главного управления имперской безопасности), кратко называемого Гестапо, Вальтером Шеленбергом – начальником VI управления РСХА (внешняя разведка), Вернером Бестом – начальником I управления (административное) РСХА и сотрудниками VI управления РСХА П. фон Фитигефом-Шелем и уже упомянутым Хайнцем Грефе (там же. С. 122, 123).

Во время встречи были достигнуты договоренности о сотрудничестве органов безопасности Германии и Литвы. Относительно установления протектората немцы отвечали осторожно, но намекнули, что Германия может принять Литву под свой протекторат даже до сентября 1940 г. и, во всяком случае, прежде чем окончится война на Западе. При этом весьма определенно говорили о будущей войне с СССР.

Поскольку статусный уровень нацистов, с которыми встречался Повилайтис в Берлине был достаточно высоким, то были все основания полагать, что они обладали достоверной информацией о планах Германии на ближайшее будущее. Для СССР это будущее не сулило ничего хорошего.

Обеспокоенность советского руководства вызывали не только контакты литовских спецслужб с нацистскими, о которых ему было хорошо известно через советского агента Пятраса Витульскиса (P. Vitulskis), главы криминальной полиции столичного округа Каунас. В масштабах Прибалтики шла работа по созданию военно-политического союза трёх республик, так называемой Прибалтийской Антанты.

**Командующий литовской
армией генерал
Винчас Виткаускас.
Октябрь 1939 г.**

При активном содействии Германии в декабре 1939 г. в Таллине, в обстановке строжайшей секретности прошла конференция министров иностранных дел стран Прибалтики и совещание главнокомандующих и начальников отделов снабжения латвийской, литовской и эстонской армий. К марту 1940 г. военный союз этих стран против СССР номинально оформился.

После этого совещания по приказу командующего литовской армией генерала С. Раштикиса генеральный штаб Литвы начал подготовку нового плана дислокации вооружённых сил, с целью нацеливания их против подразделений Красной Армии, расположенных на территории ЛР.

Впоследствии генерал С. Раштикис сообщил, что в 1940 г. генеральные штабы армий прибалтийских государств разрабатывали оперативные планы на случай совместных с Германией боевых действий против Советского Союза.

В это же время в Таллине начал выходить на французском, английском и немецком языках печатный орган стран Прибалтийской Антанты – «Revue Baltique», целью которого было пропаганда идей сотрудничества трёх прибалтийских государств. В первом номере журнала была опубликована статья премьер-министра Литовской Республики А. Меркиса, в которой он подчеркнул, что политические препятствия для более тесного сотрудничества стран Балтии исчезли, поэтому обязанностью трёх правительств является *«расширение и углубление этого сотрудничества»*.

29 февраля 1940 г. эстонская газета «Piavalelit» писала о том, что следует дополнить договор о взаимном сотрудничестве прибалтийских стран статьёй **о военной помощи**, с учётом сложившейся обстановки.

В этот период Германия стремилась экономически привязать к себе Литву. 17 апреля 1940 г. был подписан договор о торговле между ЛР и Германией, в котором предусматривалось значительное расширение литовско-немецких торговых связей.

По советским разведанным, решающим шагом в подготовке к участию стран Прибалтики в будущей войне против СССР на стороне Германии должна была стать «Прибалтийская конференция» (июнь 1940 г.), на кото-

рой планировалось подписать соответствующее соглашение о совместном военном взаимодействии против СССР.

Президент Сметона в этой связи готовился к очередному государственному перевороту, в ходе которого правительство А. Меркиса (A. Merkys), ориентировавшееся частично на СССР, частично на Францию, частично на Германию, было бы заменено на полностью прогерманское правительство. Вслед за этим последовал бы разрыв заключенных с СССР соглашений.

В мае 1940 г. Гитлер заявил, что «все Балтийские государства должны быть включены в состав рейха». После этого в Германии появились **карты «новой Европы», на которых страны Балтии были включены в состав Германии**. Следует иметь в виду, что это был период Второй мировой войны. В такое время любая страна вынуждена действовать иначе, нежели в мирное время.

Летом 1940 г. оккупацию Литвы Германия произвела бы молниеносно. Для этого в первую очередь были бы задействованы части вермахта, дислоцированные в Клайпедском крае. Они находились всего в 200 км от тогдашней столицы Литвы Каунаса. Это два дневных танковых маршей. Поводом для вторжения могла послужить просьба прогермански настроенного президента Литвы А. Сметоны.

Ограниченный контингент советских войск (20 тысяч), дислоцированный в то время в Литве, не смог бы помешать немецкой интервенции. Заняв столицу и важнейшие населенные пункты республики, Германия без труда добилась бы выведения из Литвы советских частей. Вряд ли в 1940 г. СССР пошёл бы на полномасштабный военный конфликт с Германией. Ситуацию спасло то, что Гитлер в мае 1940 г. решил нанести удар по Франции.

Однако успехи Гитлера в «блицкриге» против Франции и Англии вновь выдвинули на первый план угрозу вторжения Вермахта в Литву. К этому времени президент Литвы А. Сметона полностью переориентировался на Германию. К этому добавились постоянные провокации против советских военнослужащих находящихся на территории ЛР.

В этой связи 7 июня 1940 г. советское руководство пригласило премьер-министра А. Мякиса прибыть в Москву «для обсуждения состояния взаимных отношений между Литовской Республикой и СССР». В тот же день вечером он был принят в Кремле. Во время произошедшей здесь беседы, а также и во время второй встречи 9 июня 1940 г. литовский премьер-министр заверял руководство СССР в дружественной политике ЛР. Но это на словах.

Германия тоже не «дремала» и 14 июня 1940 г. в Каунас прибыло большое количество немецких «туристов». Они должны были участвовать 15–16 июня 1940 г. в спортивном празднике немецкого «Культурфербунда». Во время этого «праздника» предполагалось спровоцировать конфликт с частями Красной Армии и создать повод для введения частей Вермахта в Литву.

Но СССР упредил события и 14 июня 1940 г. предъявил руководству Литвы ноту-ультиматум о нарушении условий подписанного договора о взаимопомощи от 10 октября 1939 г. (Текст ноты-ультиматума см. в части VIII).

О прогерманских планах президента Литвы догадывалось и премьер А. Меркис и командующий литовской армии В. Виткаускас. Во многом это обусловило последовавший 15 июня 1940 г. бесконфликтный ввод на территорию Литвы дополнительного контингента советских войск. Существуют многочисленные кино и фотодокументы о дружелюбной встрече советских войск в республике в июне 1940 г. Уже одно это дезавуирует версию о «советской оккупации» Литвы.

Не вызывает сомнений, что литовцы в июне 1940 г. надеялись на лучшую жизнь и встретили вступление советских войск без страха. **Законно избранный Народный Сейм Литвы провозгласил Литовскую Советскую Социалистическую Республику и попросил присоединить её к Советскому Союзу, что и произошло в августе 1940 г.**

Вместе с тем следует признать, что политика пролетарского интернационализма, поспешно проводимая напавшими из Москвы в 1940–1941 гг., во многом не учитывающая менталитет, историю, особые экономические условия и культурно-бытовые особенности литовцев стала вызывать протест среди населения республики.

Ситуация с вхождением Литвы в СССР напоминает ситуацию выхода замуж девушки. Привлекательный жених, став мужем, не оправдал надежд невесты, и она требует признать брак недействительным с выплатой ей компенсации.

* * *

Поговорим о некоторых аспектах становления Советской власти в Литовской Республике. Можно как угодно их интерпретировать, однако нельзя не признать, что в июне-июле 1940 г. **передача власти президентом Сметонай премьер-министру Меркису, а затем Народному правительству прошло в соответствии с Конституцией ЛР.**

После того, как на заседании правительства ЛР, начавшемся в 1 час. ночи 15 июня 1940 г., предложение Сметоны отвергнуть советскую ноту-ультиматум не получило поддержки, он предпочел покинуть Литву. Но перед этим он подписал акт, в котором просил премьер-министра А. Мяркиса замещать его в качестве президента, по причине его (А. Сметоны) «болезни».

Днём 15 июня 1940 г. на территорию Литвы были введены дополнительные воинские части РККА. Отношение к ним со стороны большинства жителей было в основном доброжелательным. 15 июня телеграфное агентство ЭЛТА (ЛТА) сообщило, что президент страны ушел в отставку, в связи с чем его функции, в соответствии со статьей 72 Конституции ЛР, стал исполнять премьер-министр А. Меркис.

Тот, в свою очередь, на основании статьи 97 Конституции ЛР поручил известному литовскому журналисту Юстасу Палецкису (J. Paleckis) сформировать новое правительство страны. После утверждения Народного правительства, сформированного Палецкисом, исполняющий обязанности президента Меркис подал в отставку.

**Вступление частей Красной
Армии в Вильнюс в июне
1940 г.**

Обязанности президента Литовской Республики принял на себя Юстас Палецкис. Он поручил известному литовскому писателю, профессору Каунасского университета Винцасу Креве-Мицкявичюсу (V. Kreve-Mickevicius) замещать его на посту премьер-министра.

Западные государства июньские события в Литовской Республике восприняли лояльно. 21 июня 1940 г. исполняющий обязанности премьер-министра, министр иностранных дел Литвы В. Креве-Мицкявичюс принял следующих руководителей дипломатических представительств зарубежных стран, которые располагались в Каунасе.

Это были: глава дипломатического корпуса в Каунасе в лице папского нунция Ватикана, уполномоченные представители Союза ССР, Швеции, Дании, полномочные послы Германии, Франции, США, Италии, Великобритании.

22 июня 1940 г. начальнику штаба Литовской армии и начальнику его 2-го отдела представился новый помощник военного атташе США в Прибалтике майор Стенсет. 25 июня 1940 г. продолжился процесс представления новому литовскому правительству дипломатических представителей зарубежных стран, аккредитованных в ЛР.

Премьер-министру, министру иностранных дел Литвы нанесли визиты консулы иностранных государств, которые имели свои резиденции в Каунасе. 27 июня 1940 г. английский посол Т. Престон представил ему нового военного атташе полковника Э. К. Грира и прибывшего проститься бывшего военного атташе полковника-лейтенанта Г. Ф. Бишопа. Всё это свидетельствовало о процессе признания нового правительства ЛР иностранными государствами.

* * *

27 ноября 2010 г. в Вильнюсе состоялась международная конференция «Уроки истории: взгляд вглубь десятилетий». Перед началом конференции был показан документальный фильм о торжественной встрече советских войск в Литве в 1940 г. На стенах зала были размещены фотографии из Литовского государственного архива. На них были зафиксированы массовые демонстрации в Каунасе и других городах, участники которых приветствовали вступление частей Красной Армии на территорию республики в июле 1940 г.

Помимо этого, были представлены материалы о митинге, состоявшемся в Каунасе 24 июня 1940 г. и потребовавший легализации Компартии Литвы, собравший от 70 до 100 тыс. человек. 2 июля 1940 г. в том же Каунасе на стадионе состоялся 30-тысячный военный парад. Маршировавшие на нём литовские воинские части несли красные советские флаги и выкрикивали: «Да здравствует товарищ Сталин! Да здравствует тринадцатая советская республика!». Фотографии этого митинга вызвали большой интерес участников конференции.

* * *

Ну, а теперь проанализируем военные возможности стран Балтии противостоять так называемой «советской оккупации». Известно, что в 1921 г. Литва, Латвия и Эстония заключили военный союз о взаимопомощи в случае агрессии. Договор продлевался в 1923 и 1934 гг.

12 сентября 1934 г. Литва, Латвия и Эстония в Женеве во время сессии Лиги Наций подписали «Договор о взаимопомощи и сотрудничестве». Но этот договор ограничился сотрудничеством только в дипломатической и политической области. Однако в 1939–1940 гг. дело шло, как ранее говорилось, к созданию странами Балтии военного союза с явно антисоветской направленностью.

Какими же военными силами располагали страны Балтии в 1940 г.? По воспоминаниям бывшего командующего литовской армией генерала С. Раштикиса в 1938 г. Литва располагала армией в 24 тысячи человек (1600 офицеров и 1400 младшего офицерского состава). В полиции служило 4000 человек, в погранохране – 3500 человек. Военизированный «Союз шаулистов» объединял свыше 50 тыс. человек. Авиация насчитывала 110 самолётов.

Латвийская армия насчитывала 23 тыс. человек (2200 офицеров). Полиция – 3100 человек, погранохрана – 1100 человек, а также 35 тысяч айсзаргов. Авиация насчитывала – 450 самолётов. Флот – три миноносца, две подлодки, несколько гидропланов.

Эстонская армия насчитывала 11,4 тыс. человек (1350 офицеров), полиция – 1200 человек, погранохрана – 1200 человек и 60 тысяч стрелков (кайтселитов). Авиация – 125 самолётов.

В случае мобилизации Литва могла поставить под ружье – 250 тыс. человек, Латвия – 170 тыс. человек, Эстония – 120 тыс. человек. Итого 540 тыс. человек. Плюс более 58 тыс. солдат регулярных армий. Это была достаточно внушительная сила, превышающая вооружённые силы, которыми располагала Финляндия, успешно противостоявшая СССР в войне 1939–1940 гг.

Не вызывает сомнений, что отказ военного руководства стран Балтии от вооружённого сопротивления вводу советских войск, был продиктован не слабостью вооружённых сил, а **нежеланием защищать скомпрометировавшие себя режимы личной власти прибалтийских диктаторов Сметоны, Ульманиса и Пятса.**

К этим выводам пришёл эстонский историк Магнус Ильмъярв. Он подготовил фундаментальный труд «Тихое подчинение. Формирование внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии с середины 1920-х гг. до аннексии 1940 г.», изданный в 2004 г. при содействии Хельсинкского и Стокгольмского университетов.

Анализируя внутривойсковые ситуации в странах Балтии М. Ильмъярв пришёл к выводу, квалифицировать события 1940 г. в Прибалтике как оккупацию нет оснований, а включение этих стран в СССР стало результатом фиаско процессов государственного строительства в самих Латвии, Литве и Эстонии в межвоенный период.

С выводом М. Ильмъярва перекликается вывод литовского историка Витаутаса Йокубаускаса (V. Jokubauskas), озвученный в 2011 г. на семинаре «Воля к сопротивлению» («Valia priešintis»). Он заявил: *«В 1940 г. в Литве произошла не военная, связанная с проблемами планирования и обеспечения, но политическая капитуляция, поскольку вооружённая и организованная военная структура, каковыми были Литовская армия и Литовский Союз стрелков, имели возможность противодействовать, и даже долго»*. Но к 1940 г. режим Сметоны был не по душе большинству литовцев. Это неопровержимый факт.

В этой связи напомним, что 1 сентября 1939 г. Польша, существенно уступавшая Германии в военном потенциале, мужественно встретила агрессию нацистов. Особенно впечатляющей явилась оборона военно-транзитного склада, расположенного в крепостных помещениях на полуострове Вестерплатте.

Около 200 поляков гарнизона, охраняющего склад, неделю противостояли немецким воинским подразделениям, превосходящим их по численности почти в 10 раз. Причём немцев поддерживал учебный линкор «Шлезвиг-Гольштейн» с четырьмя 280-мм орудиями, десятью 150-мм орудиями и четырьмя 88-мм орудиями. Помимо этого против польской крепости немцами были задействованы тяжёлая наземная артиллерия и авиация.

Этот пример я привёл по причине ссылки некоторых литовских историков на то, что маленькая Литва якобы не могла противостоять военной мощи СССР. На самом деле у большинства литовцев не было желания защищать дискредитировавший себя режим Сметоны.

* * *

В завершение темы несколько слов об американской версии о «советской оккупации», которая господствует сегодня в Литве. У российского руководства на этот счёт однозначное мнение, изложенное в комментарии Департамента информации и печати МИД России от 4 мая 2005 г. В комментарии заявлялось: *«Для правовой оценки ситуации, сложившейся в Прибалтике в конце 30-х годов прошлого века, термин «оккупация» не может быть использован, поскольку между СССР и прибалтийскими государствами не было состояния войны и вообще не велось военных действий, а ввод войск осуществлялся на договорной основе и с ясно выраженного согласия существовавших в этих республиках тогдашних властей – как бы к ним не относиться»*.

Премьер-министр Литовской ССР Ю. Палецкис выступает с приветствием на митинге в день приезда в Москву делегации Народного Сейма Литвы. Июль 1940 г.

Кроме того, в Латвии, Литве и Эстонии на протяжении всего периода их пребывания в составе Советского Союза, за исключением времени оккупации Германией этой части территории СССР в годы Великой Отечественной войны, действовали национальные органы власти. И, как известно, именно эти власти – опять же, независимо от того, как их расценивать сегодня – в лице Верховных Советов соответствующих республик приняли в 1990 г. решения, приведшие к их выходу из состава СССР.

Так что, если подвергать сомнению легитимность органов власти советского периода, возникает вопрос и о легитимности провозглашения республиками Прибалтики своей независимости». (Полный текст комментария размещён в части VIII).

В ответ на этот комментарий 23 июля 2005 г. Палата представителей Конгресса США приняла резолюцию с требованием к правительству России признать и осудить «незаконную оккупацию и аннексию Латвии, Литвы и Эстонии Советским Союзом». 16 сентября 2008 г. Конгресс США единогласно утвердил новую резолюцию, в которой заявлено о том, что Россия должна признать незаконность советской оккупации Латвии, Литвы и Эстонии.

Между тем не секрет, что в последнее время США активно используют политику по насаждению подконтрольных, фактически оккупационных режимов в странах, подвергшихся американской агрессии: Югославии, Афганистане, Ираке, Ливии. Но это преподносится, как продвижение подлинной демократии (по-американски). Комментарии по этому поводу излишни.

Тем не менее, тема «оккупации Литвы» постепенно трансформируется. В апреле 2010 г. влиятельный английский еженедельник «The Economist», отражающий мнение британского истеблишмента, впервые за многие годы дал несвойственную Западу оценку факту вхождения Литвы в состав СССР. Он назвал его не «оккупацией», а «инкорпорацией».

Как известно термин «инкорпорация» разъясняется, как насильственное присоединение к одному государству другого самостоятельного государства,

однако нередко трактуется, как вступление одного государства в состав другого на правах полноценного члена. То есть, это не «оккупация».

Но, как всегда «The Economist» выдвинул условие России и Литве. «Россия может выразить «сожаление» за «инкорпорацию» 1940 г. и предложить выгодный торговый договор». Ответ Литвы, по мнению журнала, должен тоже быть позитивным. Но Литва пока предпочитает молчать, Россия тоже.

Эфемерная независимость

Базовым утверждением, на котором литовские прокуроры выстроили обвинения против российских граждан, является утверждение о том, что Литва с 11 марта 1990 г. являлась независимым государством и субъектом международного права

Между тем, не существует ни одного свидетельства, что после 11 марта 1990 г. Литва стала субъектом международного права. Литва была и оставалась Советской Социалистической Республикой в составе Союза СССР вплоть до 6 сентября 1991 г., пока Госсовет СССР не подтвердил её выход из СССР.

Что же касается признания независимости Литовской Республики после 11 марта 1990 г., то напомним следующий факт. 3 мая 1990 г. президент США Дж. Буш-старший принял премьер-министра Литвы К. Прунскене в Белом Доме, не как «представителя свободной Литвы», а как «признанного и свободно избранного представителя литовского народа». На пресс-конференции официальный представитель Белого Дома М. Фицуотер по этому поводу заявил: «Мы не признаем Литвы, и ничего в этом отношении не изменилось» («Правда», 3 мая 1990 г.).

В ноябре 1990 г. В. Ландсбергис, с молчаливого согласия кремлевских властей вылетел из аэропорта «Шереметьево-2» на встречу с британским премьером Маргарет Тэтчер, а 10 декабря того же года – с президентом США Дж. Бушем-старшим. Целью этих встреч было добиться публичного признания независимости Литвы. Однако никаких заявлений по этому поводу со стороны Великобритании и США не последовало. Литовская Республика была признана ими только в сентябре 1991 г.

Ещё раз напомним, что подтверждением факта пребывания Литвы в составе СССР является объявление Верховным Советом Литвы 29 июня 1990 г. по требованию союзных властей 100-дневного моратория на действие Акта о независимости.

Неопровержимым свидетельством того, что Литва, после провозглашения независимости не была признана международным сообществом, является следующий факт. 19 ноября 1990 г. министр иностранных дел ЛР не был допущен к участию в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе глав 34 государств, как представитель страны, не имеющей международного статуса.

Свидетельством того, что литовские власти в конце 1990 г. признавали состояние правового двоевластия в республике и своё нахождение в составе Союза ССР является факт подтверждения Верховным Советом Литвы полномочий Шведа В.Н., как депутата ВС Литвы, избранного 24 ноября 1990 г.

Баллотировался Швед в сентябре-ноябре 1990 г., как гражданин СССР, член ЦК КПСС, второй секретарь ЦК Компартии Литвы/КПСС, председатель Комитета граждан Лит. ССР. Прекращение полномочий депутата ВС ЛР Шведа наступило только 5 ноября 1991 г. в связи с его отказом принять гражданство Литовской Республики.

Признание 11 февраля 1991 года Исландией независимости Литвы, следует расценивать, как выражение частного мнения этого государства. Известно, что Литва стала членом Организации объединенных наций только 17 сентября 1991 г.

Что же касается Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР от 29 июля 1991 г., к которому апеллируют власти Литовской Республики и, в котором Россия и Литва признали друг друга «полноправными субъектами международного права и суверенными государствами» с 12 июня 1990 г. и 11 марта 1990 г. соответственно, то его подписание не могло изменить реальную историческую ситуацию, согласно которой Литва стала субъектом международного права после 6 сентября 1991 г., а РСФСР – 24 декабря 1991 г.

Не вызывает сомнений, что только ситуация полураспада СССР сделала возможным подписание такого «странного» договора, который фактически является дипломатическим казусом. Он создает крайне опасный прецедент в распространении сепаратизма в мировом масштабе. В нормальной ситуации подписание такого якобы международного договора был бы расценен в СССР, как факт злостного сепаратизма с соответствующими последствиями в виде уголовного преследования подписантов.

Особо следует подчеркнуть, что Литва до сентября 1991 г. не могла считаться субъектом международного права, так как не обладала реальным территориальным суверенитетом. Это следует в силу отсутствия у Литвы следующих атрибутов независимого суверенного государства:

а) Власти ЛР не контролировали ни территорию республики, ни её границы. До сентября 1991 г. границы Литвы контролировали пограничные войска СССР.

б) На территории Литвы, вплоть до 23 августа 1991 г. сохранялась ситуация правового двоевластия. В республике легально функционировали Прокуратура Лит. ССР, Военный комиссариат Лит. ССР, Компартия Литвы/КПСС. Известно, что в 1990 г. Шальчининский и Вильнюсский районы, а также ряд производственных коллективов г. Вильнюса подтвердили продолжение действия Конституции СССР на своей территории.

в) Политические деятели и граждане Литвы вплоть до 1992 г. имели на руках паспорта граждан СССР. По этим паспортам и через пограничные пункты СССР они выезжали за рубеж.

г) До 5 августа 1991 г. единственным средством денежного обращения в Литве являлся советский рубль. С 5 августа появились временные деньги – «общие талоны» или «вагнорки». И только с 25 июня 1993 г. в обращение была введена национальная валюта – литовский лит.

д) Создание регулярных вооружённых сил ЛР имело место только осенью 1991 г. Первые литовские воинские звания были присвоены 30 декабря 1991 г. Министерство охраны края (Минобороны) начало функционировать с 2 января 1992 г. Тогда же был объявлен первый призыв на действительную военную службу.

«Непрерываемая» Литовская Республика?

Пытаясь доказать «незаконность» Литовской Советской Социалистической Республики (1940-1990 гг.) постсоветские литовские власти создали версию о том, что Первая Литовская Республика (1920–1940 гг.) якобы не прекращала своего существования весь период «советской оккупации» (1940-1990 гг.).

К научно-историческому обоснованию этой версии были привлечены литовские историки и юристы. В этом плане внимания заслуживают «изыскания» профессора юридического факультета Вильнюсского университета, эксперта в области международного права, в настоящее время судьи Конституционного суда ЛР Дайнюса Жалимаса (D. Žalimas). Он подготовил серию статей «Агрессия СССР против Литовской республики в январе 1991 г: международные правовые аспекты» (см. Интернет-портал «Bernardinai»).

В них Жалимас утверждает, что: *«Литовская Республика никогда не была законной частью СССР, а в 1940–1990 гг. она существовала как государство и субъект международного права, несмотря на оккупацию всей ее территории и уничтожение государственных институтов вследствие акта агрессии, осуществленного 15 июня 1940 г.»*.

Вот так! Оказывается, Литовская буржуазная Республика 50 лет функционировала как независимое государство, только в мире об этом не знали. Ссылки литовской стороны на то, что США весь советский период считали несуществующую Литовскую Республику международным субъектом, несостоятельны. Да, США, как отмечалось ранее, в послевоенный период поднимали вопрос о «советской оккупации» Литвы, но это было связано не с правовыми аспектами вхождения Литвы в СССР, а с негативными политическими аспектами американо-советских отношений.

Известно, что ни на Ялтинской (1944 г.), ни на Потсдамской (1945 г.) конференциях вопросы о Литве не поднимались. США и Великобритания при рассмотрении вопросов территориального устройства послевоенной Европы ни словом не обмолвились о таком государстве, как Литовская Республика. Её тогда воспринимали, как неотъемлемую часть СССР. Это факт.

При этом, как известно, на Потсдамской конференции весьма остро стоял вопрос о Польской Республике и территориях, на которые она могла претендовать. Польская Республика, а точнее, Вторая Речь Посполитая, несмотря на то, что её территория в течение 5 лет была оккупирована нацистской Германией, воспринималась участниками Потсдамской конференции, как субъект международного права.

Напомню также, что на Совещании глав государств по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшемся в 1975 г. в Хельсинки вопросы пребывания Литвы не обсуждались. Президент США Дж. Форд подписал заключительный Акт хельсинского совещания с оговоркой, что США по-прежнему не признают Прибалтику в качестве территории СССР.

Однако хельсинский Акт, несмотря на оговорку Дж. Форда, признал нерушимость существующих границ европейских государств, в том числе и СССР. Не случайно в марте 1990 г. США так и не признали независимость Литвы. Это факт.

Пытаясь в правовом плане подкрепить версию о непрерывности Первой ЛР, 12 января 1999 г. Сейм ЛР принял Закон № VIII-1021. Согласно этому закону партизанский Совет Саюдиса Борьбы за Свободу Литвы (СБСЛ), учрежденный 16 февраля 1949 г. в условиях подпольного съезда-сходки восьми «партизанских командиров» был признан **«единственной законной властью на территории оккупированной Литвы»**.

Тем самым избираемые литовским народом в течение полувека органы Советской власти, действовавшие в социалистической Литве, были признаны незаконными.

Глава Президиума Совета Саюдиса Йонас Жемайтис (J. Žemaitis), под председательством которого была принята Декларация партизанского «Саюдиса», Декларацией Сейма от 12 марта 2009 г. был признан четвертым президентом Литовской Республики. Подробно об этом рассказано в главе «Партизанский «Саюдис» (1944–1953 гг.)».

Замечу, что «Совет Саюдиса Борьбы за Свободу Литвы» в тот период представлял всего лишь несколько тысяч литовских партизан. Говорить о всеобщей поддержке населением Литвы в 1949 г. этого партизанского «Саюдиса» весьма проблематично.

По данным Центра изучения геноцида и сопротивления жителей в Литве осенью 1944 г. действовало около 12 тысяч «партизан», весной 1945 года – около 30 тысяч, а летом 1946 г. – около 4,5 тысяч и осенью 1950 г. – всего 1200 «партизан».

К 1949 г. население Литвы устало от страха за жизнь, которая зачастую зависела как от «партизан», так и советских «истребков». Учитывая, что в это время советская власть развернула широкую программу создания рабочих мест в республике, многие, а таких в Литве было большинство, предпочли идти работать и жить и без тех, и без других. Не случайно после 1949 г. ряды так называемых партизан стали стремительно «таять».

Кстати, материальных атрибутов, подтверждающих государственные властные полномочия вышеупомянутого партизанского Совета СБСЛ, как известно, не существует. Разве, что таковыми можно считать вышеназванную партизанскую Декларацию, которая осталась только на бумаге и могилы 25.108 убиенных этими называемыми партизанами в 1944–1953 гг. мирных граждан, в числе которых было 993 ребёнка до 16 лет.

Следует иметь в виду, что необходимым следствием исполнения выше-названного Закона № VIII-1021 должно было бы стать признание незаконными всех материальных атрибутов Советской власти, до сих пор имеющими хождение в Литовской Республике. Имеются в виду документы советского периода: свидетельства о браке, рождении, аттестаты, дипломы и т. п. Но этого не произошло. В результате Закон № VIII-1021 оказался не более чем пропагандистским заявлением.

Как упоминалось ранее, в сентябре 2000 г. Сейм ЛР по настоянию В. Ландсбергиса принял закон о признании легитимным Временного правительства Литвы Юозаса Амбразевичюса (J. Ambrazevičius), действовавшего в Литве с 23 июня по 5 августа 1941 г. Однако, как говорилось, закон не был подписан тогдашним президентом Литвы В. Адамкус и не приобрёл юридической силы.

Но, не смотря на это, литовские власти на официальном уровне заявляют о непрерывности существования Литовского демократического государства. В этом плане заслуживают внимания некоторые исторические формулировки, которые литовские политики бездумно применяют в основополагающих государственных документах.

Так, в Акте Верховного Совета ЛР «О восстановлении независимого Литовского государства», принятого 11 марта 1990 г. заявляется, что «Акт Литовского Совета (*Тарибы* – В. III.) о Независимости от 16 февраля 1918 г. и Резолюция Учредительного Сейма от 15 мая 1920 г. о восстановлении демократического Литовского государства никогда не утрачивали правовой силы...»

Однако документальные подтверждения существования в период 1940–1991 гг. такого субъекта международного права, как Первая ЛР отсутствуют. Проживавшие на Западе бывшие официальные представители этой республики (так называемое правительство С. Лозорайтиса) в послевоенный период не являлись участниками ни одной важной международной конференции или переговоров, где бы рассматривались вопросы, связанные с Литвой.

* * *

В этой связи целесообразно рассказать, как мне довелось в январе 1991 г. встретиться в Париже с так называемым представителем литовского правительства в изгнании Ричардасом Бачкисом (R. Bačkis), сыном высокопоставленного дипломата довоенной Литовской Республики Стасиса Бачкиса.

После трагических январских событий в ночь на 13 января 1991 г. мир обрушился на СССР за якобы неоправданное применение военной силы в Литве. Надо заметить, что ситуация в мире и Европе, касающаяся ультима-

тивно провозгласившей независимость Литвы, складывалась весь 1990 г. не пользу СССР. В этой связи в начале ноября 1990 г. в Москве было принято решение о моей поездке в Страсбург, как председателя Комитета граждан Лит. ССР

Я должен в январе 1991 г. встретиться с представителями Парламентской Ассамблеи Совета Европы (ПАСЕ) и передать им материалы, свидетельствующие о нарушениях политических, гражданских и социальных прав различных групп населения в Литве, прежде всего, иноязычных.

16 января 1991 г. я и профессор К. Сурблис прилетели в Париж. Страсбург категорически отказался нас принять. Однако, как уверяли меня представители советского посольства во Франции, материалы «Белой книги» о нарушениях прав человека в Литве они передали в Европейскую комиссию по правам человека. Если это произошло, то в архивах этой комиссии их и «похоронили».

Это было не случайно. Отношение к советским коммунистам в январе 1991 г. в Европе было крайне негативным. Мировая пресса в этот период пестрела снимками советской военной техники, которая якобы давила людей у вильнюсской телебашни. Все встречи с французами проходили в напряженной атмосфере.

Французов не интересовала наша информация о нарушениях прав человека в Литве. В разговоре они напирала на то, что в Советском Союзе своевольничают военные, а президент Горбачёв якобы не в курсе, что происходит в Прибалтике. Это ненормальная ситуация и Франция не может с этим мириться.

18 января 1991 г. мы встречались с депутатами Национального собрания Франции, представляющими парламентскую комиссию по изучению положения в прибалтийских республиках. Встреча продлилась до обеда и поступило предложение пообедать в ресторане Национального собрания.

Там неожиданно появился, как нам пояснили, представитель правительства Литвы в изгнании, Ричардас Бачкис. Мы пригласили его за стол. Бачкис присел, но ни с кем не поздоровался. Он сразу же обратился ко мне на литовском языке с явным французским акцентом и был крайне удивлен, что мой литовский оказался достойным. Видимо, он полагал, что я, как все вторые секретари, был направлен в Литву из Москвы, литовским языком не владею и о Литве знаю лишь понаслышке.

Вначале Бачкис был настроен весьма скептически. Но по ходу разговора выяснилось, что некоторые подходы по урегулированию ситуации в Литве у нас с ним оказались схожими. Его удивило, что коммунисты Литвы не выступают категорически против выхода Литвы из СССР, а требуют, чтобы он осуществлялся по закону с соблюдением прав национальных меньшинств и только на основе волеизъявления литовского народа.

В целом Бачкис показал себя интересным собеседником, способным понять оппонента. После обеда он проводил нас до выхода из зала, а на про-

щение даже пожал мне руку. Последнее запомнилось мне больше всего, так как от антикоммуниста я этого просто не ожидал.

Чем было вызвано появление Р. Бачкиса в ресторане Национального собрания мне до сих пор не ясно. Видимо, это был своеобразный экзамен для меня. Если бы выяснилось, что второй секретарь Компартии Литвы, считавшийся всегда «рукой Москвы», не владеет литовским языком, не знает литовской истории и культуры, г-н Бачкис не преминул бы сообщить об этом французской прессе и наш визит во Францию в пропагандистском плане окончился бы полным фиаско. Резюме Бачкиса было бы кратким. Вот кто в Литве пытается защищать права человека! Языка не знает, истории и культуры тоже...

И хотя французы представили Р. Бачкиса, как представителя Литовского правительства в изгнании, как выяснилось он оказался всего лишь главой литовской диаспоры во Франции.

О «советской агрессии» в январе 1991 г.

Одним из базовых обвинений, сформулированных в «Определении», является так называемая «советская агрессия», которую СССР якобы совершил против независимой Литовской Республики в январе 1991 г. Однако с учетом аргументов, приведенных в предыдущей главе утверждения литовских прокуроров и политиков о «советской агрессии» беспочвенны.

Тем не менее, представляется целесообразным рассказать об истории формирования версии о «советской агрессии». Уже в январе 1991 г., тогдашний глава Верховного Совета Литвы В. Ландсбергис усиленно навязывал мировому сообществу утверждение о «советской агрессии». Москва, как всегда, не реагировала.

В этой связи возникает вопрос, зачем в СССР существовал целый сонм различных научных учреждений, занимающихся историей и правоведением, если в нужный момент их потенциал не был использован для защиты интересов советского государства.

К сожалению, теми же пороками страдает и российская историческая и правоведческая наука. За последние два десятилетия на Россию обрушился вал спорных и абсурдных обвинений. Но этим обвинениям противостоят не научные коллективы историков и правоведов, а лишь отдельные российские энтузиасты. И вновь встает вопрос, доколе?

Отсутствие должной реакции России, в Литве господствует официальная версия о том, что в январе 1991 г. СССР совершил акт военной агрессии против независимой республики. Однако Верховный Совет под руководством «отца нации» В. Ландсбергиса организовал героическую оборону и сумел отразить советскую агрессию и отстоять независимость республики.

Правда, это странная независимость. Брюссель Литвой командует покруче, чем Москва. По крайней мере, московские бюрократы не пытались

запретить Литве производить копчености, и не требовали, что в литовских семьях пап и мам называли – родитель № 1 и родитель № 2 и т. п.

Тем не менее, литовские ученые умы ищут аргументы для обоснования факта советской агрессии. Ранее упомянутый профессор Д. Жалимас в своих статьях «Агрессия СССР против Литовской республики в январе 1991 г: международные правовые аспекты» пишет:

«Очевидно, что СССР был ответственен за агрессию против Литвы в январе 1991 г., как и за все акты советской агрессии, начиная с 15 июня 1940 г. Поэтому согласно принципу полной репарации Закона Литовской республики «О возмещении ущерба за оккупацию СССР», статья первая, ущерб, нанесенный январскими событиями 1991 г., причисляется к категории возмещаемого ущерба за советскую оккупацию. Понятно, что не Литовская республика ответственна за ущерб, нанесённый её гражданам и имуществу в то время, поэтому Литовской республике должны быть компенсированы все затраты, связанные с возмещением ущерба пострадавшим».

По мнению эксперта, нужно правильно понимать события 13 января, иначе не будет оснований требовать у России денег. *«Осуществив комплексный анализ событий 1991 г. и связанных с ними фактических и правовых обстоятельств, можно сделать основной вывод, что с точки зрения международного права эти события не были попыткой осуществить государственный переворот в Литовской республике, как часто утверждается. Они оцениваются, как акт агрессии Советского Союза против Литовской республики.*

Такая международная правовая оценка основывается на том, что Литовская республика никогда не была законной частью СССР, а в 1940—1990 гг. существовала, как государство и субъект международного права, несмотря на оккупацию всей её территории и уничтожение государственных институтов вследствие акта агрессии, осуществленного 15 июня 1940 г.

...Поскольку советская оккупация Литвы закончилась 11 марта 1990 г. после возрождения независимости Литовской республики, отличительной чертой акта советской агрессии в январе 1991 г. была особая его цель снова оккупировать Литву путем ликвидации законных институтов литовского государства и возрождения марионеточного образования — Литовской ССР».

Так в Литве формируется «научно-историческая» база, подтверждающая агрессию СССР против независимой Литвы. Псевдоправовое развитие тема «советской агрессии» получила в 2007 г., благодаря Аудронису Ажубалису (A. Ažubalis), ярому русофобу и тогдашнему депутату Сейма Литвы.

Ажубалис, являясь заместителем председателя Комитета по международным делам Сейма, в ответ на «агрессию» России против Грузии в 2008 г. предложил ввести блокаду Калининградской области. Он также был категорически против безвизового режима с этой российской областью. Ажубалис выступал против строительства Россией по дну Балтийского моря газопровода «Северный поток». Даже российские инвестиции в экономику Литвы он считает угрозой национальной безопасности.

Ажубалис придал версии Ландсбергиса о «советской агрессии» псевдоправовой характер. Он первым аргументировал претензии к России за январские события 1991 г. ссылкой на «Договор об основах межгосударственных отношений между Россией и Литвой», подписанный президентом Б. Ельциным 29 июля 1991 г. (Текст договора см. в части VIII).

По мнению Ажубалиса, наличие этого договора позволяет утверждать, что «вооружённые силы СССР 11–13 января 1991 г. совершили акт агрессии против независимого Литовского государства и его жителей». В 2007 г. предложение Ажубалиса депутаты литовского Сейма не поддержали.

Их позицию выразил тогдашний председатель Комитета по международным делам социал-демократ Юстинас Каросас (J. Karosas). Он сказал, что новой претензией *«мы унизим ту часть России, которая чистосердечно помогла нам на пути к свободе»*.

Однако в январе 2010 г. депутаты Сейма, избранного в 2008 году, без поправок приняли Резолюцию, предложенную Ажубалисом. Этой резолюцией на законодательном уровне был подтверждён факт советской агрессии 1991 г. Она обязывает правительство Литвы официально обратиться к России, как к правопреемнице СССР, с требованием выплатить компенсации семьям погибших и получивших ранения во время январских событий 1991 г. в Вильнюсе.

Известно, что депутаты Сейма Литвы в августе 2008 г. безоговорочно поддержали агрессию Грузии против Южной Осетии. Она преподносится в Литве как правомерная акция по наведению конституционного порядка в мятежных районах Грузии. Если исходить из такой логики, то получается, что союзные власти в январе 1991 года для наведения конституционного порядка в Литовской ССР имели право нанести по Вильнюсу огневой удар из реактивных систем залпового огня «Град», а потом на улицах города устроить охоту на уцелевших жителей, расстреливая их из пулемётов?

Предъявляя претензии к России, литовская сторона полностью игнорирует тот факт, что только благодаря позиции российского президента Бориса Ельцина в январе 1991 г. силовая акция в Литве была остановлена. Как упоминалось, Ельцин 13 января прибыл в Таллин и обратился оттуда с призывом к русскоязычному населению и к военным, проходящим службу в Прибалтике, быть благоразумными. Позиция Ельцина во многом обусловило то, что Горбачёв дал обратный ход акции по наведению конституционного порядка в Литве.

Таллинское заявление Ельцина стало одним из первых в цепочке предательских решений и действий российского президента, в результате которых 25 миллионов русских оказались бесправными заложниками в национальных республиках. Русских убивали, грабили, выгоняли из квартир, подвергали самым диким унижениям. И это всё при безучастной позиции российского руководства. В прибалтийских республиках этот процесс был более «цивилизованным», но от этого не менее унижительным.

Вот таким образом, стимулируемый равнодушной позицией официальной России, Сейм Литвы в 2010 г. принял Резолюцию о «советской агрессии». В своё время Россия также не отреагировала на Закон, подтверждающий «советскую оккупацию» 1940–1990 гг., принятый Сеймом в 2000 г. В результате Литва, используя тактику «шаг за шагом», создает «букет» документов для предъявления претензий России.

Между тем известно, что **в политике, как в болезни, упустил время, готовясь к серьёзным проблемам.** Возможно, что своевременная чётко обозначенная и аргументированная позиция России по январским событиям 1991 г. остановила бы правовую вакханалию в Литве и не допустила бы появления прецедента с предъявлением российским гражданам обвинений в совершении «военных преступлений и преступлений против человечности».

Желаемое за действительное

После того, как была доказана несостоятельность основных правовых утверждений, на которых базируется литовское обвинение, сформулированное в «Определении», можно перейти к конкретным обвинениям, которые инкриминируются полковнику Ю. Меля и другим подозреваемым россиянам.

Прежде всего, отмечу, что в «Определении» акцентируется, что Мель в январе 1991 г. являлся членом КПСС и лишь затем констатируется, он являлся командиром взвода 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии Минобороны СССР. Это равносильно тому, как, если бы обвинение в США прежде всего акцентировало бы цвет кожи или вероисповедание подозреваемого, а не его данные. Это вызвало бы вселенский скандал.

Налицо явная политизированность обвинения, предъявляемого Мелю. Иначе как понимать акцентирование членства Ю. Меля в КПСС? Или для литовских прокуроров это членство является преступным? Как известно, КПСС никогда и никем не признавалась преступной организацией.

Как известно, Всеобщая декларация прав человека, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 10 декабря 1948 г., статьями 2-ой и 14-ой категорически запрещает преследование людей по расовым, половым, языковым, национальным, социальным и политическим признакам.

Помимо этого, литовские прокуроры сформулировали в «Определении» абсурдное и недоказуемое утверждение о том, что все подозреваемые, умышленно совершая преступления против ЛР и её граждан, якобы знали:

что Литва между двумя мировыми войнами являлась независимым государством;

что 15 июня 1940 г. СССР её «оккупировал»;

что 11 марта 1990 г. Верховный Совет (ВС) Литовской Республики провозгласил независимость;

что с этого момента на территории республики не действовала «конституция никакого другого государства».

Подкрепляя вышеизложенное, в «Определении» перечисляются практически все основные правовые акты, которые принял ВС Литвы в ночь с 11 на 12 марта 1991 г. и, о которых также якобы знали все подозреваемые. Это полный абсурд. Получается, что советские военнослужащие, переброшенные в январе 1991 г. в Вильнюс для восстановления конституционного порядка, были обязаны знать о правовых актах, принятых Верховным Советом Литвы в ночь на 12 марта 1990 г. ЛР. Это утверждение просто не то что не серьёзно, но свидетельствует о серьезных проблемах у литовских прокуроров с психикой.

Помимо этого в своих обвинениях литовские прокуроры исходят из другого недоказуемого утверждения, что все подозреваемые также были информированы о том, что руководство СССР и КПСС в ответ на провозглашение Литвой независимости, стало осуществлять политику на свержение «законно сформированной власти Литвы».

При этом, по убеждению литовских прокуроров, подозреваемые якобы знали, «что при осуществлении указанной политики были приняты следующие правовые акты СССР». В «Определении» перечисляются Указы Президента СССР, Законы СССР и Постановления СМ СССР по вопросам, связанным с ультимативным провозглашением Литвой независимости.

Вряд ли большинство подозреваемых в январе 1991 г. знали о вышеперечисленных правовых актах советского руководства. Однако об одном правовом акте они, безусловно, знали, но в «Определении» почему-то не упоминается. Это Постановление третьего Съезда народных депутатов СССР от 15 марта 1990 г., в котором была дана следующая правовая оценка факту провозглашению Верховным Советом Литвы восстановления независимого Литовского государства: ***«Съезд народных депутатов рассматривает упомянутые решения Верховного Совета Литовской ССР, принятые 11–12 марта 1990 г., как не имеющие законной юридической силы. Съезд народных депутатов СССР констатирует, что в соответствии со статьями 74 и 75 Конституции СССР суверенитет Союза СССР и действие Конституции СССР продолжают распространяться на территорию Литвы, как союзной Советской Социалистической Республики».*** Сказано более чем определенно.

Однако судья Д. Гризицкас предпочёл не заметить эту более чем явную оплошность литовских прокуроров. Тот же Гризицкас, подтверждая абсурдные обвинения литовских прокуроров, согласился с фантастическим утверждением о том, что большинству подозреваемых также было известно, что «министр обороны СССР Дмитрий Язов, министр внутренних дел СССР Борис Пуго, председатель КГБ СССР Владимир Крючков и член Политбюро, секретарь ЦК КПСС Олег Шенин в конце 1990 г. создали «организованную группу, в которую вовлекли 159 военнослужащих и политических деятелей».

Не вызывает сомнений, что литовские прокуроры не оставляют надежды включить в список подозреваемых всех 159 военнослужащих и политиче-

ских деятелей. Помимо этого, следует иметь в виду, что в «Определении» говорится о 919-ти десантниках из Псковской 76-ой дивизии ВДВ, а также о неустановленном числе военнослужащих Алитусской воинской части 10999 ВДВ, 42-ой дивизии ВВ МВД СССР и 107-ой мотострелковой дивизии МО СССР и о 180 дружинниках, участвовавших в январской силовой акции. Несложный подсчёт показывает, что **литовская Фемида готова в будущем преследовать около 1500 бывших советских военнослужащих и граждан.**

Продолжу разбор «Определения». В нем утверждается, что лейтенант Мель и остальные подозреваемые российские граждане должны были знать, что О. Шенин в «преступную организованную группу» привлёк руководство Компартии Литвы/КПСС, а также восемь сотрудников аппарата ЦК КП Литвы/КПСС.

Для подтверждения этого обвинения перечисляются «противоправные» действия, которые ЦК КП Литвы/КПСС совершил для реализации «постановлений съездов народных депутатов СССР». При чтении таких перлов, возникает вопрос, а всё ли в порядке с мышлением у прокуроров С. Слашинскаса и Г. Пашкявичюса, ведавшими подготовкой «Уведомления», на основе которого суд принял «Определение»?

Далее в «Определении» сообщается, что в начале января 1991 г. члены КПЛ/КПСС М. Бурокаявичюс, В. Швед, А. Науджюнас, Ю. Ермалавичюс, И. Кучеров, Ю. Куолялис и др. (в «Уведомлении» 2006 г. в этом перечне фигурировал и М. Головатов) разработали план введения в Литве президентского правления.

Ай да, «могучая кучка»! Села и в течение пары дней придумала план, который предполагал задействование целого ряда союзных структур, не говоря уже о республике. Да, ещё, по мнению литовских прокуроров, сообщила об этом всем подозреваемым?!

В «Определении» также утверждается, «что Д. Язов совместно с создавшими организованную группу Б. Пуго, В. Крючковым и О. Шениным, каждый в соответствии с подчиненностью, выбрали и привлекли ответственных лиц» для исполнения вышеназванного плана введения президентского правления.

Одним из таких ответственных лиц в «Определении» назван бывший замминистра обороны СССР, ныне покойный, Владислав Ачалов. Он якобы «привлёк находившегося в его подчинении заместителя командира 76-ой воздушно-десантной дивизии МО СССР полковника Василия Кустрьо, который во исполнение указаний Д. Язова и В. Ачалова вовлёк в организованную группу и других 43 (сорока трёх) офицеров 76-ой воздушно-десантной дивизии... Далее перечисляются фамилии этих офицеров, в том числе называется ранее упомянутый старший лейтенант Владимир Котляров.

Затем отмечается, что Дмитрий Язов «привлёк заместителя командующего Прибалтийским военным округом Сухопутных войск МО СССР генерал-майора Виктора Овчарова, который привлёк...». Далее перечисляются фамилии командира 107-ой мотострелковой дивизии генерал-майора Владимира

Усхопчика и 21 офицера этой дивизии, якобы вовлечённых в организованную группу.

В «Определении» также приводятся фамилии 66 военнослужащих из Группы специального назначения КГБ СССР «Альфа», которых «привлёк в организованную группу» Председатель КГБ СССР Владимир Крючков. Кстати, официально Группа «Альфа» изначально называлась Группой «А».

Не забыт в «Определении» и министр внутренних дел СССР Борис Пуго, который также якобы «привлёк в организованную группу находившегося в его подчинении замминистра внутренних дел СССР генерал-лейтенанта Николая Демидова, который привлёк находившегося в его подчинении начальника Управления внутренних войск МВД СССР по Северо-Западу и Прибалтике Василия Савина». Те, в свою очередь, привлекли командующего 42-ой дивизией МВД СССР генерал-майора Александра Житникова, дислоцированной в Вильнюсе, а тот привлёк одиннадцать офицеров этой дивизии.

Но вернусь к «Определению». В нём прокуроры дописались до невероятного. Они утверждают, что *«Члены организованной группы, в целях проведения и содействия политике другого государства – СССР, а также иностранной организации – КПСС и его подразделения в Литве – КПЛ/КПСС, незаконной смены конституционного строя Литовского государства, покушения на его независимость, нарушения территориальной целостности, приняли решение осуществить это путём совершения преступлений против человечности и военных преступлений, с нарушением обычаев международного права и других международных обязательств, предусмотренных...»*.

Вот так, без тени сомнения, литовские следователи представили структуру силовых ведомств Союза ССР, как некую преступную организованную группу, которая в январе 1991 г. выполняла личные указания противников независимости Литвы: Д. Язова, В. Крючкова, Б. Пуго и О. Шенина. И подобное якобы происходило в одном из самых централизованных государств мира?! Это уже не политические домыслы, а маразм литовских прокуроров.

Замечу, что желание литовских следователей представить руководство силовых ведомств СССР преступной «организованной группой» понятно. Известно, что преступления участников организованной группы караются более сурово. Помимо этого, согласно статье 3-ей Договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР от 29 июля 1991 г., Россия и Литва обязались «сотрудничать в области борьбы с организованной и международной преступностью».

На основании этой договоренности, Литва после заочных процессов потребует от России сотрудничества в деле поиска и наказания виновных в январских событиях, вплоть до их выдачи. Замечу, что намёк на российско-литовский договор 1991 г. содержится уже в первых строках «Определении» о признании подозреваемыми. Там говорится *«о признании подозреваемым гражданина иностранного государства... в связи с совершением преступлений,*

**Президент СССР
М.С. Горбачёв и Министр
обороны Маршал Д.Т. Язов**

за которые ответственность предусмотрена на основании международных договоров Литовской республики...».

Для того, чтобы придать обвинениям членов «организованной группы» правовую обоснованность в «Определении» перечисляются международные Хартии, Декларации, Пакты, Акты, Конвенции, Протоколы, которые якобы намеривались нарушить и нарушили члены ранее упомянутой преступной «организованной группы во главе с Д. Язовым, реализуя план введения в Литве президентского правления.

Особо подчёркивается, что «преступные деяния членами группы были совершены в соответствии с ранее разработанным

организаторами планом и с чётким распределением ролей». Прямо какая-то банда «Чёрная кошка» государственного уровня.

Поражает следующая формулировка литовских прокуроров относительно деятельности вышеуказанной «организованной группы». *«Прикрываясь указанными в «Уведомлении» (ещё раз напомним. Определение суд принимал на основе Уведомления Генпрокуратуры ЛР – В. Ш.) законами, указами, декретами органов власти и управления СССР и вышеперечисленными законами, разработанным КПЛ/КПСС планом «Введения в Литве президентского правления СССР», Д. Язов совместно с В. Крючковым, Б. Пуго и О. Шениным поручили неустановленным следствием лицам из, соответственно, Генерального штаба МО, МВД и КГБ СССР разработать план перехвата власти в Литве...».*

Оказывается Д. Язов и его «сообщники» организовывали не выполнение Постановления третьего Съезда НД. СССР, Указов Президента и Законов СССР, а **прикрывались ими**, решали свои сугубо личные задачи «по захвату власти в Литве». Да, полёт фантазий литовских следователей поистине безбрежен.

На самом деле у этого утверждения есть реальное объяснение. Пытаясь представить силовую акцию в Литве, как некую самостоятельность глав силовых структур Союза СССР, Генпрокуратура Литвы тем самым выводит из-под удара бывшего Президента СССР М. Горбачёва. Без сомнения, это реализация указаний из Вашингтона.

Известно, что силовая акция в Литве была не первой в СССР, а третьей, после Тбилиси и Баку. Поэтому без согласия Президента СССР она никак не могла состояться. Иначе бы головы военачальников полетели. Известно, как лихо расправился Горбачёв в мае 1987 г. с военной элитой Советской Армии за посадку на Васильевском спуске самолёта М. Руста.

Напомню, что за силовую акцию в Баку, якобы проведенную без его ведома, Горбачёв удостоил Д. Язова звания Маршала СССР. Как тут поверить, что Язов действовал в Баку и Вильнюсе без согласия Президента СССР? Но литовские прокуроры и слышать не хотят об этом.

Подводя итог вышеизложенному, можно сделать вывод, что литовский истеблишмент, стремясь доказать советскую агрессию против «независимой Литвы, якобы организованную некоторыми высокопоставленными деятелями Союза СССР, пытается выдать желаемое за действительное. В мировой истории подобных попыток насчитывается немало. Но все они, рано или поздно, заканчивались полным фиаско. Такая участь, без сомнения, ожидает и потуги литовских властей.

* * *

В этой связи такой неприятный прогноз для литовских властей. Вдруг политическая ситуация в республике изменится, как это нередко бывало и реальные обстоятельства дела «13 января» выяснятся. Тогда на скамью подсудимых сядет нынешнее руководство Литвы и их юридические помощники. Вероятно, их будут судить, как членов преступной организованной группы. Прецедент-то они сами создали. Известно, что в Грузии против бывшего президента М. Саакашвили уголовное дело уже возбудили.

В рамках такого прогноза представляется интересным, каким будет выглядеть Уведомление о подозрении этих понасов (господ) в совершении преступных деяний, направленных на сокрытие истинных обстоятельств трагических январских событий 1991 г., если для его формулирования использовать логику литовских прокуроров.

Итак, начинаю. Бывший Председатель Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис подозревается в том, что в декабре 1990 г., имея целью войти в историю Литвы, как политический деятель, приведший республику к независимости, создал преступную организованную группу в составе своего заместителя по ВС Казимераса Мотеки (К. Moteka) и генерального директора Департамента охраны края Аудрюса Буткявичюса (А. Butkevičius), которая спровоцировала в Вильнюсе трагические события в январе 1991 г.

Члены этой преступной группы в январе 1991 г., призывая гражданское население на защиту стратегических объектов в Вильнюсе, сознательно нарушали 28-ю статью Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны. Международное право и вышеупомянутая Женевская конвенция квалифицирует подобное, как военное преступление.

Упомянутый К. Мотека 12 января 1991 г. безответственно и преступно заявил, что Литва находится в состоянии войны с Советским Союзом. Это заявление во многом обусловило дестабилизацию общественно-политической ситуации в республике, что впоследствии привело к трагическим событиям. По указанию В. Ландсбергиса гендиректор ДОК А. Буткявичюс привлек в организованную преступную группу подчиненных ему служащих ДОК, которые в ночь с 12 на 13 января 1991 г. не только расстреляли гражданских

лиц у вильнюсской телебашни, но и предприняли действия по выталкиванию граждан под гусеницы советской бронетехники.

Помимо этого, А. Буткявичюс с согласия В. Ландсбергиса подготовил здание ВС Литвы к поджогу в случае советского штурма, разместив в подсобных помещениях большое количество ёмкостей с горючими жидкостями. Учитывая, что в здании ВС, по утверждению А. Буткявичюса («Lietuvos rytas», 12.01.2014), находилось 3200 человек и оно располагало лишь четырьмя частично заблокированными мешками с песком выходами, в случае пожара счёт жертвам пошёл бы на тысячи. Несомненно, подобное следует квалифицировать, как попытку подготовки особо тяжкого преступления с большим количеством жертв.

После январских событий В. Ландсбергис, замечая следы и пользуясь своим положением главы ВС привлёк в преступную организованную группу Генерального прокурора Литвы А. Паулаускаса (A. Paulauskas), поставив тому задачу обеспечить фальсификацию обстоятельств январских событий с целью представления ответственными за эти события советских военных и политических деятелей.

Упомянутый А. Паулаускас привлёк в преступную организованную группу подчиненных им следователей и прокуроров, поставив перед ними задачу организовать фальсификацию обстоятельств январских событий. Это было осуществлено и позволило объявить ответственными за гибель людей у телебашни советских военнослужащих, принимавших непосредственное участие в силовой акции по восстановлению действия Конституции СССР в Литве, осуществленную в январе 1991 г.

В 1994 г. В. Ландсбергис сумел вовлечь в преступную группу прокурора Генпрокуратуры Литвы Кястутиса Бетингиса (K. Betingis), ведущего уголовное дело «13 января», который согласился основную концепцию этого уголовного дела основать не на результатах объективного расследования событий 13 января, а на домыслах В. Ландсбергиса, ставящих целью отвести от себя подозрение в организации трагических январских событий и изложенных в его книге «Laisvės byla» («Дело свободы»). Данный факт зафиксирован в уголовном деле «13 января» (т. 252, с. 153).

В 1998–1989 гг. В. Ландсбергис, используя своё положение Председателя Сейма ЛР, вовлек в преступную организованную группу судей Окружного суда г. Вильнюса, принуждая их вести уголовный процесс по делу руководителей Компартии Литвы/КПСС, не обращая внимания на обстоятельства, подтверждающие их невиновность и игнорируя явные свидетельства причастности В. Ландсбергиса и его окружения к инспирированию и организации январских событий в 1991 г.

Весной 2009 г. В. Ландсбергисом, став европарламентарием и оставаясь лидером консерваторов Литвы вовлёк в свою преступную организованную группу кандидата в президенты ЛР Даля Грибаускайте, вступив с ней в преступный сговор, целью которого являлось сокрытие подлинных преступников за трагические январские события.

Грибаускайте в обмен на поддержку консерваторами Литвы её кандидатуры на президентских выборах 2009 г., обещала, что в случае своей победы, она обеспечит дальнейшее уголовное преследование российских граждан, бывших участников вышеупомянутой силовой акции в январе 1991 г в Вильнюсе.

Став Президентом ЛР и выполняя обещание, данное В. Ландсбергису, Д. Грибаускайте в декабре 2010 г., привлекла в преступную организованную группу Председателя Сейма ЛР Ирену Дегутене (I. Degutienė), которая обеспечила оперативное принятие необходимых поправок в Уголовный Кодекс ЛР, внесенных на рассмотрение Сейма президентом Грибаускайте. Эти поправки позволяли обвинить участников вышеупомянутой силовой акции в Вильнюсе в совершении военных преступлений, что обуславливало их бессрочное уголовное преследование.

Тем самым была исключена возможность проведения расследования причастности В. Ландсбергиса и его окружения к трагическим событиям, произошедшим в январе 1991 г. в Вильнюсе.

В организованную группу, возглавляемую В. Ландсбергисом, Д. Грибаускайте привлекла Генерального прокурора ЛР Дарюса Валиса (D. Valys), который в свою очередь привлёк в эту группу находившегося в его подчинении старшего прокурора Департамента уголовного преследования Генпрокуратуры Симонаса Слапшинскаса (S. Slapšinskas).

Тот в свою очередь привлёк в организованную группу прокурора того же Департамента Гинтаутаса Пашкявичюса (G. Paškevičius) и других прокуроров Генпрокуратуры ЛР, продолживших фальсификацию обстоятельств и свидетельств январских событий 1991 г.

Целью вышеназванной преступной организованной группы являлось **осуждение российских граждан для окончательного сокрытия реальных виновников январской трагедии и создания дополнительного псевдоправового основания для предъявления материальных претензий к России.**

Хочется верить, что когда-нибудь «Уведомление» с подобным текстом получают все участники преступного сговора, пытающиеся скрыть подлинных виновников трагических январских событий в 1991 г. Известно, что главари нацистской Германии никогда не думали сесть на скамью подсудимых. Однако сели.

Спорные объекты

Одним из центральных вопросов противостояния Литвы и СССР в январе 1991 г. явился спор относительно принадлежности основных объектов, обеспечивавших информирование населения республики. Это Дом печати, обеспечивавший типографическое издание большинства газет и журналов республики, здания Комитета радио и телевидения и вильнюсская телебашня, транслировавшая радио и телепередачи на территорию республики.

После 11 марта 1990 г. они оказались под полным контролем сепаратистов и формировали неприязнь и экстремистские настроения в отношении союзных властей и противников ультимативного выхода республики из Союза ССР. В результате ситуация противостояния в республике, как отмечалось, приблизилась к критическому уровню.

Между тем известно, все эти объекты были созданы на средства КПСС или союзного бюджета. В этой связи необходимо рассказать об истории их создания.

Начну с Дома печати. В советский период он назывался «Издательство ЦК Компартии Литвы». В 1983 г. в вильнюсском микрорайоне Виршулишкес на средства ЦК КПСС было выстроено новое 16-этажное здание этого издательства с мощной типографией. После объявления независимости правительство К. Прунскене 26 марта 1990 г. своим решением объявило это издательство Государственным издательским предприятием «Spauda» (Пресса). Проще говоря, по-большевистски реквизирировало.

Право печатать там продукцию получили лишь издания «Саюдиса» или подконтрольные ему: «Atgimimas» («Возрождение»), «Respublika» («Республика»), «Gimtasis kraštas» («Родной край») и др. Эти издания заняли конфронтационную позицию в отношении СССР и стали на путь разжигания в республике розни по национальным и политическим мотивам.

Газеты левой ориентации «Литва Советская», «Tarybų Lietuva» («Советская Литва»), «Litva radziecka» («Литва Советская») были вынуждены печататься в Минске. Саюдистская пресса нагнетала обстановку в республику, преподнося любые шаги Кремля как агрессию и давление. Ситуация была возмутительной ещё и потому, что средства, на которые был сооружен Дом печати, как отмечалось, были выделены Управлением Делами ЦК КПСС.

Известно и документально подтверждено, что строительство всех крупных объектов, стоящих на балансе ЦК КП Литвы, финансировалось ЦК КПСС. Такими были: вышеуказанный Дом печати, новое здание ЦК Компартии Литвы, комплекс недостроенного Дома политпросвещения (в настоящее время это Вильнюсский Дворец конгрессов), здание Вильнюсской Высшей партшколы.

Напомню, что доходы Компартии Литвы с 1946 г. по 1988 г. составили 300,6 млн. рублей и все они пошли на выплату зарплат партийным работникам республики и текущие расходы. Общие же расходы Компартии Литвы за это время составили 414,5 млн. рублей.

То есть члены КПСС, в основном из российских краевых и областных парторганизаций, фактически спонсировали коммунистов Литвы на сумму в 113,9 млн. руб., которые в основном были использованы на строительство зданий для партийных нужд. Например, расходы на строительство упомянутого Дома печати составили 29,8 млн. руб. («Известия». 13.04. 1990).

28 марта 1990 г. СМ СССР принял постановление «О мерах по защите собственности КПСС на территории Литовской ССР». В соответствии с

этим постановлением военнослужащие 42-ой дивизии внутренних войск МВД СССР, дислоцированной в Вильнюсе, взяли под охрану здания ЦК Компартии Литвы, Горкома партии и Высшей партшколы.

Почему 28 марта 1990 г. не был взят под охрану Дом печати, ответа до сих пор нет? Своевременное изъятие у саюдистов этого объекта, возможно, сделало бы общественно-политическую ситуацию в Литве значительно спокойнее. Но только 11 января 1991 г. из Москвы пришёл приказ взять под охрану Дом печати.

Что же касается других объектов, взятых под охрану, то многие из них являлись союзной собственностью, или их строительство осуществлялось в основном из средств союзного бюджета. Например, вильнюсская телебашня. Она была спроектирована и построена силами специалистов, направленных из разных уголков Советского Союза. Строительство этой телебашни финансировалось из союзного бюджета. Литва таких расходов не потянула бы.

Близнец этой башни в Свердловске, нынешнем Екатеринбурге, так остался недостроенным из-за нехватки средств. Вот такими были «советские оккупанты», от себя отрывали и Литве отдавали. В эксплуатацию вильнюсская телебашня была введена в январе 1981 г.

Как видим, литовские власти, возведя принцип защиты собственности в абсолют, в первые же дни обретения независимости его нарушили, присвоив ряд объектов собственности КПСС и Союза ССР. При этом какое-либо участие в использовании этой собственности представителям союзных структур, находящимся в Литве, было исключено.

Представляет интерес участь партийной собственности, спор по поводу которой не лучшим образом сказался на отношениях Литвы и Кремля. В эту собственность входили не только здания партийных комитетов, но и гостинцы, автохозяйства, дома отдыха и дачи, автомашины, оргтехника, мебель и т. д. Литовская республика от собственности КПСС, которая до сих пор не дает покоя литовским прокурорам, не получила никакой выгоды. Зато несколько функционеров из партии А. Бразаускаса на основе этой собственности создали себе миллионные состояния.

Об этом 18 апреля 1995 г. сообщила газета «Республика» (№ 31/308) в статье Алдоны Квядарене «Клан». В ней упоминаются фамилии людей, нагrevших руку на собственности Компартии. Это бывший председатель Демократической партии труда Литвы (ДПТЛ – бывшая самостоятельная КПЛ) Альгирдас Бразаускас (A. Brazauskas), его зам. по КПЛ/ДПТЛ Владимирас Березовас (V. Beriozovas), другой зам. по ДПТЛ Гедиминас Киркилас (G. Kirkilas), управляющий делами ДПТЛ Альфонсас Навицкас (A. Navickas), функционер ДПТЛ Римантас Купляускас (R. Kupliauskas) и др. Знакомые фамилии. Помнится, все они были истовыми коммунистами. А упомянутый Г. Киркилас славился своими ортодоксальными марксистскими убеждениями.

Все вышеупомянутые лица приняли активное участие в разделе бывшего партийного имущества. В этих целях ими были созданы фирмы «Ида», «Герма», «Эло» и др. Правда, вскоре они исчезли и унесли с собой тайну пропавшего партийного добра. Кстати, в 1994 г. в одном из минских офисов мне довелось посидеть на роскошных кожаных креслах и диванах, до августа 1991 г. украшавших фойе здания ЦК КП Литвы. Их владелец сообщил мне, что приобрел их в Вильнюсе по случаю, весьма дешево, так как платил наличными долларами.

В этой связи обвинения литовских прокуроров по поводу некоего ущерба, нанесенного республике действиями Компартией Литвы/КПСС, выглядят просто не серьезно. Большинство реальных «прихватизаторов» и расхитителей партийной собственности безбедно проживают в Литве. Там их следует и искать.

«Запрещённые» военные атаки и пытки

Главными виновниками гибели людей в ночь на 13 января 1991 г. в Вильнюсе Генпрокуратура и власти Литвы изначально, без всякого расследования, назначили сотрудников Группы специального назначения «А» КГБ СССР. Им они приписывают целый спектр использования «запрещённых» и преступных методов.

Ещё раз перечислю их. Это «запрещенные международным гуманитарным правом военные атаки против гражданских лиц», использование «запрещённых международными договорами военные патроны калибра 5,45 мм с пулей со смещённым центром», убийства гражданских лиц, лишение их свободы и применение пыток.

Правда, литовские прокуроры не сумели привести конкретных примеров, подтверждающих применение запрещенных методов, а так же не соизволили объяснить, каким образом во время кратковременной военной атаки возможно лишать людей свободы и применять к ним пытки?

Демонизация «альфовцев» выработало у представителей литовских властей неадекватную реакцию на любое упоминание Группы «А». Известно, что 12 января 2011 г. литовский МИД направил МИДу России дипломатическую ноту. В ней литовская сторона выразила протест по поводу памятника сотрудникам спецподразделений КГБ СССР, установленного в подмосковных Химках. Якобы наличие на памятнике надписи о подразделении антитеррора «А» («Альфа»), участвовавшего в штурме вильнюсской телебашни 13 января 1991 г., является оскорблением памяти погибших защитников телебашни.

Вот так! Литовские власти считают себя вправе указывать России, какие памятники ей следует воздвигать. Если бы Россия последовала бы примеру Литвы и направляла бы ей протесты по поводу возведения памятников нацистским коллаборационистам и военным преступникам, участвовавшим в

массовых казнях мирного населения, то этого, вероятно, хватило бы для того, чтобы загрузить половину российского МИДа подобной писаниной.

Что же инкриминирует Генпрокуратура Литвы сотрудникам группы «А» и другим советским военнослужащим, действовавшим в январе 1991 г. в Вильнюсе? В «Определении» от 10.06.2013 г. сообщается: *«В. Крючков привлёк и вовлёк в организованную группу заместителя начальника 3-го главного управления КГБ СССР генерал-майора Юрия Калганова и не менее 66 (шестидесяти шести) находившихся в его подчинении лиц из Группы специального назначения «Альфа» (в дальнейшем Группа «А») – подполковников Михаила Головатова, Евгения Чудеснова...».*

Далее перечисляются 64 фамилии сотрудников Группы «А». Отмечено, что *«расследование в отношении перечисленных членов Группы «А», кроме М. Головатова и Е. Чудеснова, выделено в отдельное производство за не установлением точных личных данных».*

В том же «Определении» сообщается, что 6–11 января 1991 г. в Вильнюс прибыло не менее 67 (шестидесяти семи) военнослужащих Группы «А» КГБ СССР». Затем говорится о том, что Группе «А» под командованием М. Головатова при поддержке десантников 76-ой дивизии ВДВ, было поручено захватить телебашню.

Группе «А» под командованием Е. Чудеснова, при поддержке сводных экипажей 107-ой мотострелковой дивизии и учебной роты специального назначения конвойного полка ВВ МВД СССР – захватить здания Литовского радио и телевидения (ЛРТ).

Затем перечисляются события, произошедшие в период с 8 по 12 января 1991 г. Акцентируется, что СССР начал вооружённую агрессию 11 января с «захвата» Алитусской технической школы ДОК (Департамента охраны края), в которой советские военнослужащие завладели боеприпасами. О том, кто и на каком основании хранил там боеприпасы, прокуроры умалчивают. Затем *«в 12.00–13.00 час. военнослужащие 107-ой мотострелковой дивизии под командованием В. Усхотчика с использованием военной техники... заняли административное здание ДОК в Вильнюсе».*

Здесь следует сделать пояснение. Известно, что здание штаба ДОКа было построено на средства ЦК ДОСААФ СССР и его в советский период занимало ЦК ДОСААФ Лит. ССР. Но после 11 марта 1990 г. доковцы самовольно его захватили. Возврат здания законному владельцу не является захватом.

Ну, а заявление о том, что генерал В. Усхотчик руководил операцией по захвату этого здания, просто фантастично. В СССР генералы никогда не занимались подобными вещами. Для этого у них было достаточно подчиненных. Налицо явный дилетантизм литовских следователей. Хотя на самом деле, это явная попытка приписать Усхотчику хотя бы один эпизод его личной «преступной деятельности».

Далее в «Определении» сообщается, что 11 января 1991 г. около 12 час., то ли двести, то ли сто военнослужащих (в «Определении» приводятся разные

цифры) 76-ой воздушно-десантной дивизии под командованием В. Кустрьо и четыре танковых экипажа 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии «начали агрессию и вооружённый конфликт, а также запрещённую международным гуманитарным правом военную атаку против гражданских лиц, защищавших стратегический объект информирования населения – Дом печати».

Сразу хочу обратить внимание на то, что литовские прокуроры сообщают, что стратегические объекты в Вильнюсе в ночь на 13 января защищали гражданские лица. Ещё раз напомним, что согласно 28 статьи Женевской конвенции 1949 г. о защите гражданского населения во время войны привлечение гражданского населения на защиту стратегических объектов является военным преступлением.

То есть лица, призвавшие людей на защиту стратегических объектов: глава Верховного Совета Литвы Витаутас Ландсбергис, его заместитель Казимерас Мотека, глава Департамента охраны края Аудрюс Буткявичюс, должны быть привлечены к уголовной ответственности, как военные преступники. Но литовским прокурорам, постоянно ссылающимся на международные правовые акты, до этих преступников дела нет. Они выполняют другой политический заказ – ищут преступников среди советских военнослужащих.

Вернусь к «Определению». В нём перечисляются объекты, взятые под охрану советскими военнослужащими 11 и 12 января 1991 г. После этого следует описание военных атак в ночь на 13 января, в которых принимали военнослужащие группы «А». В «Определении» утверждается, что *«13 января 1991 г. около 1 ч. 30 мин. военнослужащие Группы «А», (далее следуют 11 фамилий) совместно с 30 вооружёнными неустановленными военнослужащими 76-ой воздушно-десантной дивизии захватили цех радиотехники Центра радиовещания и телевидения Литвы, находящийся по адресу: Вильнюс, ул. Туя, д. 2, и удерживали его до 23 августа 1991 г.»*.

В вышеизложенной формулировке вызывает сомнение странное утверждение о том, что военнослужащие Группы «А» удерживали цех радиотехники до 23 августа 1991 г. Достоверно установлено, что все военнослужащие группы «А» отбыли из Вильнюса 14 января 1991 г.

Далее в «Определении» утверждается: *«Продолжая преступления против человечности и военные преступления, в ходе осуществляемой агрессии СССР и вооружённого конфликта вечером 12 января 1991 г., в точно неустановленное время, штаб командования приказал продолжать запрещённые международным гуманитарным правом военные атаки против гражданских лиц и захватить стратегические объекты информирования населения – телевизионную башню и ЛРТ, а также поручил выполнение планируемых военных действий»*.

Затем перечисляются воинские соединения, которые должны были выполнить эту задачу: триста четыре военнослужащих 76-ой воздушно-десантной дивизии, тридцать военнослужащих 107-ой мотострелковой дивизии, пятьдесят четыре военнослужащих группы «А» КГБ СССР под командовани-

ем заместителя командира М. Головатова и шестьдесят три военнослужащих 42-ой дивизии МВД СССР.

В «Определении» описывается, каким образом были распределены силы подразделений Группы «А» под командованием М. Головатова и Е. Чудеснова для выполнения поставленной задачи.

Уникальным по бездоказательности является описание военной атаки советских военнослужащих, в том числе и сотрудников Группы «А» на защитников здания ЛРТ, изложенное в «Определении». Якобы в ходе этой атаки, они: *«бесчеловечно обращались с лицами, находящимися под защитой международного гуманитарного права: преследовали гражданских лиц по политическим и национальным мотивам, запрещённым международным правом, убивали их, причинили тяжкий вред их здоровью, причинили заболевания, лишали их свободы, подвергали пыткам, а также применяли средства устрашения и террора и запрещённые международными договорами военные средства, а именно;*

Военнослужащие группы «А» против гражданских лиц собравшихся возле здания Радио ЛРТ и в самом здании применяли гранатомёты РГС-50, светозвуковые гранаты ГСЗ, специальные средства – специальные жидкостные пистолеты ПСЖ...

*Все военнослужащие против гражданских лиц применяли как звуковые, так боевые боеприпасы, а также приёмы ближнего боя – толкая, **нанося удары кулаками, ногами**, нанося неустановленное количество ударов гражданским лицам в разные части тела оружием и иными приспособленными для причинения телесных повреждений средствами...»* (выделено мною. Цитируется с соблюдением оригинальной орфографии – В. Ш.).

Поясню, что «страшный» гранатомёт РГС-50 стреляет 50-мм гранатами со слезоточивым газом или светозвуковыми гранатами. Его аналоги широко применяются полицией на Западе. Эти эпизоды довольно часто демонстрирует зарубежная телехроника.

Отмечу, что обвинения «альфовцев» и других советских военнослужащих в убийствах, лишении свободы, пытках гражданских лиц в ходе «запрещённых» военных атак многократно повторяются в тексте «Определения», однако конкретных свидетельств, подтверждающих данные обвинения, не приводится.

Сделано это умышленно, так их не существовало. Но для литовских прокуроров главным является подобная формулировка обвинений, так как в этом случае они попадают в правовое поле статьи 100 УК ЛР, предполагающей уголовную ответственность за военные преступления и преступления против человечности.

В этой связи остается пожелать Генпрокуратуре Литвы найти тех литовских граждан, которые обеспечивали функционирование «секретной тюрьмы» ЦРУ в Антавилай под Вильнюсом, в которой изощённо пытали не осужденных преступников, а всего лишь подозреваемых.

**«Мирные» участники январских событий
1991 года — литовские добровольцы**

боеприпасов в нем утверждается, что в ходе военных атак против гражданских лиц военнослужащие Группы «А» стреляли «из автоматов калибра 5,45 мм, используя запрещённые международными договорами военные патроны калибра 5,45 мм с пулей со смещённым центром».

О ложном и необоснованном утверждении о том, что пуля 5,45 мм якобы была запрещена каким-то международным договором, поговорим позже.

Далее в «Определении» сообщается, что *«в это время другая часть – двадцать военнослужащих Группы «А» (перечисляются их фамилии), начала нападение на гражданских лиц, собравшихся у возле 9-этажного Телевидения ЛРТ и работавших в нём...»*. Затем повторяется описание методов «террора и устрашения», которые якобы применяли «альфовцы».

Примечание. В «Определении» речь идёт о двух группах военнослужащих Группы «А». Первая штурмовала здание Радио, вторая – здание Телевидения.

Обвинения «альфовцы» и советских военнослужащих в применении запрещённых боеприпасов, убийствах, пытках и лишении свободы в «Определении» повторяются 4 раза. В подтверждении этих обвинений лишь сообщается, что *«военнослужащие группы «А» и учебной роты специального назначения ... причинили тяжкий вред здоровью Кестутису Бредялису и Альбинасу Валентинавичюсу»*. И вновь ни одного конкретного факта убийств, пыток и лишения свободы.

В «Определении» также сообщается, что *«все участвовавшие в военной атаке военнослужащие общими действиями причинили тяжкий вред здоровью Пятрасу Лапенасу, Валдасу Басявичюсу, Кристине Чепкаускаене, получившей огнестрельное ранение обеих бёдер, левой голени и обеих ступней, а также вред здоровью Вацлавасу Бузаса, от огнестрельного ранения верхней трети правого бедра»*.

Вновь удивляет отсутствие логики в вышеприведённом отрывке. Из него следует, что при штурме зданий ЛРТ 25 специально подготовленных офицеров Группы «А» при поддержке 210 десантников и солдат внутренних войск, «умышленно стреляя и убивая» из автоматов Калашникова и снайперских

Документально подтвержденные факты пыток в этой тюрьме были изложены в докладе Сената США, опубликованном в декабре 2014 г. Там они достаточно красноречиво описаны. Литовским прокурорам следует внимательно прочитать этот доклад, чтобы в будущем не допускать «ляпов» в документах.

Но вернусь к «Определению». Для подтверждения применения советскими военнослужащими запрещённых международным правом

винтовках СВД в гражданских лиц, сумели нанести огнестрельные ранения лишь вышеперечисленным В. Бузасу и К. Чепкаускене?

Причём не установлено, кто в них стрелял, так как существуют свидетельства, что в толпу у зданий ЛРТ стреляли неизвестные снайперы из окон дома, расположенного напротив. Но этот аспект не волнует литовских прокуроров.

А где же горы трупов, которые должны были быть в случае ведения масштабного огня на поражение? Для того, чтобы явственнее представить масштабы той трагедии, которая была бы в случае стрельбы боевыми патронами на поражение, напомним тбилисские события 9 марта 1956 г.

Тогда грузинская молодёжь, протестуя против решений XX съезда КПСС, осудивших культ личности Сталина, захватила в Тбилиси Дом связи, смяв дежуривших на входе солдат Советской Армии. Одного из солдат пытались заколоть. Он нажал на курок автомата. В результате – 21 труп. Вот что такое стрельба на поражение в толпе.

Ну, а теперь напомним Советскую Армию. Известно, что над каждой воинской части в Советском Союзе брали шефство трудовые коллективы. Делегации из них были гостями на многих армейских мероприятиях. Активно участвовала в этом деле и Литва. В литовских школах юношей учили, что советский солдат должен быть примером для всех.

Я вспоминаю свою юность, которая прошла в маленьком литовском городке Утена. Это 1950–1960-е годы. Литовские и русские юноши, отслужившие в Советской Армии, появлялись в городке на танцах как герои, возмужавшие не только физически, но и нравственно. Они сразу же становились желанными женихами.

Разве можно представить, что такие же ребята в январе 1991 г. в упор расстреливали бы людей. Да, и кто мог отдать такой приказ? Тем более известно, что во избежание случайностей у солдат в рожках автоматов были холостые патроны.

Помимо этого, после известных событий в Тбилиси и Баку каждый советский офицер знал о крайне негативной реакции советского руководства и общественности на гибель людей. Любой из них также знал, что офицер,

**Бойцы внутренних войск МВД
прикладами автоматов
и резиновыми палками
оттесняют демонстрантов
от телебашни**

отдавший необоснованный приказ стрелять боевыми патронами, будет немедленно разжалован и предан трибуналу.

Тем не менее, литовские прокуроры квалифицируют смерть январских жертв у телебашни, как умышленное убийство, совершённое советскими военнослужащими. В июле 2001 г. в интервью «Белорусской газете» (09.07.2001) прокурор департамента по борьбе с организованной преступностью и коррупцией Генпрокуратуры Литвы Сигитас Гедвилас (S. Gedvilas), не моргнув глазом, заявил, что «приказом на открытие стрельбы боевыми патронами по митингующим явилась фраза в эфире «Бросай горох!».

Понятно желание литовских прокуроров представить советских руководителей и офицеров преступниками, но демонстрировать свой дебилизм, что это делает Гедвилас и его «соратники» по Генпрокуратуре, это нечто. Неужели трудно понять, что если бы «горох» был боевым, то у телебашни были бы горы трупов.

Оценивая вышесказанное, ещё раз вернёмся к вопросу, каким же образом **235 военнослужащих, в том числе и специально подготовленные «альфовцы», стреляя на поражение, зверски избивая гражданских лиц, сообщавшие сумели нанести тяжёлые травмы лишь шестерым пострадавшим?** Неужели в очередь к ним выстраивались? Правда, помимо этого утверждается, что **«все»** советские военнослужащие «причинили умышленный вред здоровью небольшой тяжести 108 гражданским лицам» и «умышленный незначительный вред здоровью 346 гражданским лицам».

Не вызывает сомнений, что обвинения литовских прокуроров о «преступном штурме здания ЛРТ» и «умышленном расстреле» защитников этого здания, подтвержденные Вильнюсским участковым судом, являются вымыслом и реализацией литовскими прокурорами политических указаний сверху.

Известно, что опытные фальсификаторы всегда стремятся разбавить правду ложью, а в «Определении», что ни утверждение, то неприкрытая ложь. Да, измельчали кадры в литовской прокуратуре. Да и сами руководители Литвы выглядят не лучшим образом в ситуации с расследованием январскими событиями. Не будили бы они лихо, пока оно тихо. Ведь если темой январских событий займется государство Российская Федерация, исход для Литвы при таких правовых документах может быть плачевным.

Добавлю, что у зданий ЛРТ по официальным данным погибли два человека: лейтенант Группы «Альфа» КГБ СССР Виктор Шатских от выстрела неустановленного литовского савонориса (добровольца) и некий Альвидас Канапинскас (A. Kanapinskas). Лейтенант погиб от выстрела сзади, а литовский доброволец подорвался на собственном взрывном устройстве.

Вокруг гибели А. Канапинскаса литовские прокуроры создали целый клубок невероятных обвинений против советских военнослужащих. Поэтому об обстоятельствах гибели этого человека расскажем подробнее.

Застрелен или подорвался?

В 1994 г. в Литве за причастность к гибели А. Канапинскаса пытались осудить группу так называемых советских дружинников в составе инженера-лазерщика Александра Бобылева и др. В 2013 г. в гибели Канапинскаса были обвинены уже советские военнослужащие Группы «А» и учебной роты специального назначения конвойного полка 42-ой дивизии ВВ МВД СССР.

Между тем достоверно установлено, что причиной гибели Канапинскаса явился взрыв самодельного взрывного устройства. Это следует из выводов литовского эксперта, установившего, что части взорвавшегося устройства, обнаруженных в теле А. Канапинскаса «не являются деталями взрывных устройств, находящихся на вооружении Советской Армии».

Эти выводы в виде официальной справки присутствуют в уголовном деле № 09-2-068-91 (дело В. Иванова и др.). В этом же деле находятся фото поэтапного снятия одежды с трупа Канапинскаса в морге. Эти фото литовский следователь Юдицкас в 1993 г. демонстрировал вышеупомянутому А. Бобылеву.

По утверждению Бобылева на фото было видно, что взрыв произошёл в правой части грудной клетки А. Канапинскаса, рядом с подмышечной областью. Края рваного отверстия чёрной куртки пострадавшего торчали наружу, а клочья полосатого свитера были вдавлены в рану на груди. Это явное свидетельство, что Канапинскас погиб от самодельного устройства, взорвавшегося у него под курткой.

Известно, как погиб Канапинскас. Он пытался достать из-под куртки взрывное устройство и бросить его в советских десантников. Но один из них нанёс ему удар. Канапинскас упал и раздался взрыв. Этот факт был подтверждён рядом свидетелей и зафиксирован в том же уголовном деле. Но, несмотря на это, против А. Бобылева и его товарищей сумели сфабриковать другие обвинения, по которым они получили сроки заключения.

**Суд над активистами
интернационального движения
«Vienybė-Единство-Jedność»
по делу «13 января».**

**Слева на право:
председатель движения
историк В. Иванов,
инженер-физик А. Бобылёв,
активист движения В. Орлов,
бывший военнослужащий
Х. Дзагоев, наладчик
В. Шорохов, инженер
А. Смоткин. Фото 1994 г.**

Как выше отмечалось, в 2013 г. Генпрокуратура Литвы, несмотря на вышеупомянутые выводы литовского эксперта криминалиста о самодельном взрывном устройстве, нашла новых виновных в смерти Канапинскаса.

В «Определении» утверждается, что *«военнослужащие Группы «А» (20 человек – В. Ш.) и учебной роты специального назначения (63 человека – В. Ш.), применив светозвуковое устройство возле здания ЛРТ убили Альвидаса Канапинскаса, который скончался от острой кровопотери, произошедшей в результате травмы грудной клетки, раздробления рёбер правой стороны и размозжения средней и нижней долей правого лёгкого».*

По версии литовских прокуроров получается, что кто-то из 83-х (!) советских военнослужащих держал Канапинскаса за руки, а кто-то засунул светозвуковую гранату ему за пазуху и там её взорвал. Остальные «соучастники» якобы каким-то образом участвовали в этой «процедуре». Абсурд.

Между тем известно, что основная задача группы «Альфа» всегда состояла в обезвреживании террористов и взятии их живыми. Действовать альфовцам приходилось в основном в закрытых помещениях: в самолётах, автобусах, автомобилях, вагонах поездов, то есть в ограниченном пространстве и при наличии заложников.

В силу этого светозвуковые безосколочные гранаты ГСЗ, которые использовала «Альфа», оказывали на человека в основном психофизиологическое воздействие (вспышка света и звуковой импульс), имея при этом крайне низкое механическое воздействие.

По мнению экспертов, светозвуковое устройство, которые использовали «альфовцы», не могло нанести тех механических травм, которые присутствовали у Канапинскаса. Максимум, что он мог получить от взрыва гранаты ГСЗ – травму мягких тканей груди и обширный кровоподтёк. Вне всякого сомнения, под курткой у Канапинскаса взорвалось самодельное взрывное устройство, изготовлению которых боевиков Буткявичюса обучил бывший американский «зелёный берет» Эндрю Эйве или Андриус Эйтавичюс. Тот об этом неоднократно заявлял в своих интервью.

Помимо этого известно, что литовские следователи изначально стремились сфальсифицировать обстоятельства гибели Канапинскаса. Так, 13 января 1991 г., исполняющий обязанности следователя прокуратуры г. Вильнюса З. Бурокас с 4 час. 50 мин. – до 5 час. 00 мин. произвёл в морге по ул. Полоцкая, д. 6а осмотр трупа А. Канапинскаса и зафиксировал в протоколе *«стреляную рану на правом боку».*

Судмедэксперт С. Козловский в том же морге, практически в то же время (с 4 часов 30 минут – до 5 часов 30 минут) зафиксировал в Акте судмедэкспертизы совершенно иное. Он установил, что смерть А. Канапинскаса наступила в результате *«повреждения взрывным устройством: рвано-ушибочная рана правой боковой поверхности груди».*

Абсолютно ясно, что прокурор обширную рану от взрыва «принял» за стреляную только потому, что следовал заранее полученным инструкци-

ям – найти следы стрельбы советских десантников. Вот такими наглыми фальсификациями создавалась «доказательная база» для обвинения военнослужащих группы «А» в военных преступлениях.

Фальсификаторы

Фальсификация обстоятельств гибели январских жертв и манипуляция информацией о причинах их гибели у телебашни в Литве началась сразу же с момента объявления об их смерти. Главный судмедэксперт ЛР А. Гармус (A. Garmus) днём 13 января 1991 г. заявил, что к 15 часам исследование трупов погибших у башни закончено, при этом вина советских солдат не вызывает сомнений. Утверждалось, что к 15 часам в морге на ул. Полоцкой, 6а находилось **10 трупов**, в том числе, как писала газета «Республика», один юноша, раздавленный танком пополам.

После заявления Гармуса я, как депутат Верховного Совета Литвы и председатель Комитета граждан Лит. ССР попросил корреспондентов ТАСС, «Комсомольской правды», «Красной звезды» и «Советской Литвы» (к сожалению, запомнилась лишь фамилия фотографа — В. Клоповский) выехать в морг на ул. Полоцкой.

Однако там им в районе 16 часов предъявили не десять, а **восемь трупов. Причём двое из них, как заявил врач, не имели отношения к событиям у башни, т. к. погибли в автоавариях. Смерть третьего, по фамилии Макулка (Матулка), наступила в результате инфаркта.**

Причины смерти остальных пятерых погибших на момент прибытия журналистов литовские судмедэксперты ещё не установили. На фото, которые сделал Клоповский, было ясно видно, что эти пятеро находились в морге одетыми. То есть их вскрытие ещё не проводилось. Аналогичные снимки были опубликованы в газете «Respublika» от 13 января 1991 г. (№ 8 /339).

Кстати, о Макулке (Матулке). Согласно фото, сделанному в морге, а затем опубликованному в литовской прессе сразу после январской ночи, это был мужчина лет 60-ти («Республика» № 3, «Летувос Ритас» № 3, 1991 г.). А вот Альвидас Матулка, похороненный 16 января как январская жертва, вдруг оказался молодым человеком 35 лет, также умершим от инфаркта. Странная трансформация, видимо, обусловленная тем, что социальные параметры старого Матулки не вписывались в требования литовской прокуратуры.

Не вызывает сомнений, что главный судмедэксперт А. Гармус, делая заявление о причинах гибели январских жертв, лгал, выполняя чьё-то политическое указание. Мои попытки довести эту информацию до сведения литовской общественности оказались безрезультатными. Литву и СССР захлестнула настоящая истерия о вине Советской Армии за вильнюсские жертвы.

Впоследствии литовский писатель и бывший председатель Комитета Сейма Литвы по национальной безопасности Витаутас Петкявичюс (V. Pet-

kevičius) в интервью газете «Ekspress nedėlia» (27.01.2006) утверждал, что в ночь на 13 января в морги Вильнюса *«привезли 18 человек. Некоторых чёрт знает откуда. Один попал где-то под «Москвич», другой стал жертвой самодельного пиротехнического устройства. Свежих трупов оказалось только 13»*. Вот таким образом в Литве создавались нужные документальные подтверждения ответственности советских военнослужащих за гибель людей у телебашни.

Это объясняет, почему поведение литовского правосудия в январские дни 1991 г. напоминало поведение преступников, пытавшихся в спешке скрыть улики. Тогдашний Генеральный прокурор Литвы А. Паулаускас (A. Paulauskas) сразу же после январских событий обратился к гражданам Литвы с призывом не сотрудничать с советским следствием и не давать показаний советским следователям. По этому поводу он даже издал официальное распоряжение. Видимо, у Паулаускаса и его покровителей были серьёзные основания бояться правдивых показаний очевидцев. Тем самым он совершил не только должностное, но и уголовное преступление.

В январе 1991 г. Генпрокуратура Литвы приняла меры к тому, чтобы следователи из Москвы не получили доступа к информации о январских событиях и к свидетелям. Впоследствии выяснилось, что в это время происходила спешная корректировка историй болезни и результатов анатомических вскрытий январских жертв, подготовка свидетелей в плане согласованности их показаний и т. д.

Важнейшим документальным свидетельством, уличающим ландсбергистов в заранее спланированной кровавой акции, являются карточки вызова машин скорой медицинской помощи в ночь на 13 января 1991 г. Будучи документами строгой отчётности, они позволяют утверждать, что 13 января 1991 г. **в Вильнюсе всё было готово для того, чтобы обвинить советских военнослужащих в убийстве не 14, а 72 человек.**

Для этого было необходимо лишь одно. Советские десантники должны были пойти на штурм здания Верховного Совета Литовской Республики и там должны были должны были «появиться» 58 погибших от рук «советских варваров». Но этого не произошло. А 58 подготовленных трупов остались. На них тоже были заготовлены карточки вызова скорой медицинской помощи.

Это показал несложный анализ карточек, заполненных врачами скорой медпомощи в ночь на 13 января 1991 г. Его осуществил Валерий Иванов, бывший лидер интернационального движения «Vienybė-Единство-Jedność» (См. книгу В. Иванова «Гекатомба. Трилогия»). Он установил, что одной из первых в больницу от телебашни была доставлена Лорета Асанавичюте (L. Asanavičiūtė). Это произошло в 2 часа 30 минут 13 января 1991 г. На неё в больнице «Красный крест» была заполнена карточка № 5164.

На труп Витаутаса Вайткуса (V. Vaitkus), доставленного машиной скорой помощи в морг по ул. Полоцкой, д. 6а в 2 часа 50 минут 13 января 1991 г., то есть спустя двадцать минут после доставки Асанавичюте в больницу, была

заполнена карточка уже за № 5222. Можно ли поверить, что за 20 минут были доставлены, неясно куда, 58 пострадавших у телебашни (5222-5164=58)? Тем более, что карточки вызова за №№ 5165-5221 до сих пор так и не удалось обнаружить. Несомненно, они были уничтожены.

Исчезновение 58-ми человек литовские прокуроры объясняли тем, что «советы» похищали людей в ту ночь и где-то уничтожали. Родственники пропавших ходили искать их даже на объекты, занятые советскими солдатами. Но...

Данных об этой акции боевиков «Саюдиса» не сохранилось. Однако газета «Vilniaus laikraštis» («Вильнюсская газета») в номере от 17–24.01.1991 г. сообщила о 15 погибших, 164 раненых и 57 пропавших без вести в ночь на 13 января людей. Но никаких попыток розыска пропавших литовские власти так и не предприняли.

Литовские прокуроры не рискнули этих пропавших «записать» на счёт Советской Армии. Видимо, понимали, что афера в этом случае будет неминуемо раскрыта.

Символично, что суперсовременное здание Генпрокуратуры Литовской Республики возведено в виде чёрного многоэтажного куба с косыми окнами. Архитектор как бы изначально намекал, что из этого черного здания невозможно смотреть на мир не искривленным взглядом.

Опыт литовских сепаратистов в плане скрытия реальных обстоятельств гибели январских жертв в мае 2014 г. успешно использовали киевские власти, скрывая свою причастность к кровавой расправе над сторонниками федерализации Украины в Одессе. Там скрывались трупы с огнестрельными ранениями, а также трупы убитых и сгоревших в Доме профсоюзов женщин. Удивительно, но у этих жертвы были обгоревшие руки и они обгорали лишь до пояса.

Абсолютно ясно, что людей обливали горячей жидкостью, а потом поджигали. Тем не менее, киевская власть ответственность за эти злодеяния пытается возложить на самих погибших. Всё как в Литве. Но подлинных виновников кровавых событий в Одессе и Вильнюсе выдает один «почерк».

Наглая ложь

В целях подкрепления обвинения военнослужащих группы «А» в гибели людей, прокуроры в «Определении» не стали ссылаться на фантастическое свидетельство начальника центральной аппаратной Альгирдаса Раманаускаса (A. Ramanauskas) о стрельбе «альфовцев» с верхних этажей телебашни, изложенное в книге Ландсбергиса «Kaltė ir atpirkimas...», а привели новое. «Альфовцам» приписали убийство Игнаса Шимулёниса (I. Šimulionis), защитника телебашни.

Известно, что обстоятельства гибели И. Шимулёниса фальсифицировались изначально. В уголовном деле (у. д. № 10-09-057-96, т. 8, л. д. 60-61,) ранее упомянутый В. Иванов, осуждённый в 1997 г. за «глумление над памятью погибших 13 января», обнаружил несколько официальных документов о причинах смерти И. Шимулёниса.

В них в качестве причин его смерти перечислялись, то «стреляная рана головы», то «перелом костей черепа» то, наконец, «повреждение головного мозга»?! Как это понимать? Вразумительного ответа нет.

Между тем литовский судмедэксперт С.М. Плисский изначально установил, что характер смертельной травмы Шимулёниса – «сдавливание черепа», которое «наблюдается при перекачивании колёс транспортного средства». То есть он являлся жертвой обычной автоаварии. Кстати, стреляная рана в голове Шимулениса, на которой вначале настаивали литовские прокуроры и мать покойного, так и не была обнаружена.

«Точку» в этом споре в 2013 г. попыталась «поставить» новая следственная бригада. В «Уведомлении», сформулированном этой бригадой, утверждается, что **Шимулёниса в упор расстрелял неустановленный военнослужащий группы «А», а затем раздробил ему голову дулом автомата.** Но это была крайне неудачная идея литовских прокуроров представить человека, погибшего в автоаварии, жертвой «альфовца».

Прочитав обстоятельства его гибели, как они излагаются в «Определении», то есть в «Уведомлении», подтвержденным судом. *«Во время данного нападения (на телебашню – В. Ш.) неустановленный военнослужащий группы «А» умышленно из автоматического оружия АКС-74 произвёл серию выстрелов в защищавшего телебашню и направлявшего струю воды на нападавших военнослужащих Игнаса Шимулёниса. После падения последнего стволом автомата нанёс ему удар по голове, причинив потерпевшему рваную рану в затылочной части левой стороны головы, 7 входящих и выходящих огнестрельных ран, кровоизлияние в мягкие ткани головы, в височной части справа и в височно-теменно-затылочной области, многооскольчатые переломы основания и свода черепа, разрыв твёрдой оболочки мозга и кровоизлияние под ней, массивное субарахноидальное кровоизлияние, ушиб головного мозга, его травматическое повреждение и частичное устранение, повреждение петель тонкого кишечника, кровоизлияния в ворота левой почки и за брюшину, вследствие чего в результате многооскольчатого перелома основания и свода черепа с повреждением головного мозга, слепого пулевого огнестрельного повреждения живота с повреждением петель тонкого кишечника, сквозных пулевых ранений груди, рук и ног, вызывавших осложнение в виде острой кровопотери, И. Шимуленис скончался, т. е. совершил его умышленное убийство».*

О логике изложения обвинения говорить не приходится. Но главное в том, что вышеизложенное обвинение не соответствует выводам, изложенным в справке литовской судмедэкспертизы № 29 от 06.02.1991 г. за подписью А. Гармуса. Прочитав выводы судмедэксперта полностью, дабы фальсификация литовских прокуроров была очевидна всем:

«Шимулёнис Игнас, Зигмо /1973 г. р./

1. Слепое пулевое ранение живота /входное отверстие на передней брюшной стенке слева, раневой канал проходит спереди назад в брюшную полость с повреждением петель тонкого кишечника/ (*ранение спереди – В. III.*).

2. Сквозное пулевое огнестрельное ранение грудной клетки /входное отверстие по лопаточной линии в верхней трети груди справа, выходное отверстие на передней поверхности левого плеча, раневой канал проходит сзади наперёд, несколько снизу вверх и изнутри наружу через мягкие ткани/ (*сзади, сбоку, снизу вверх – В. III.*).

3. Сквозное пулевое ранение верхней трети правого бедра /входное отверстие на задней поверхности в верхней трети, выходная рана на передней поверхности, раневой канал проходит сзади наперёд справа налево и сверху вниз через мягкие ткани/ (*сзади, сбоку, сверху вниз – В. III.*).

4. Сквозное пулевое ранение левой руки /входящая рана на задней поверхности в верхней трети, выходящая на задней поверхности плеча в нижней трети, раневой канал идёт снизу вверх/ (*сзади, снизу вверх – В. III.*).

5. Сквозное пулевое ранение верхней трети левого предплечья /входящая рана на задней поверхности, выходная на передней поверхности, раневой канал идёт сзади наперёд через мягкие ткани/ (*сзади – В. III.*).

6. Сквозное пулевое ранение левого предплечья /входящая рана на задней поверхности в средней трети, выходящая ниже его на 2,5 см., раневой канал идёт сверху вниз/ (*сзади, сверху вниз – В. III.*).

7. Сквозное пулевое ранение левого предплечья /входящая рана на наружной поверхности в верхней трети, выходящая рана соединяется с одним из выше указанных раневых каналов/. Кости левого предплечья в виде множества костных осколков (*спереди – В. III.*).

Кроме того, у потерпевшего имеется черепно-мозговая травма /рана затылочной области, кровоизлияние в мягкие ткани головы, многочисленные переломы костей свода и основания черепа, разрывы твёрдой мозговой оболочки, ушиб головного мозга и кровоизлияние под оболочку мозга/.

Таким образом, имеется: **6 сквозных пулевых ранений конечностей и грудной клетки и 1 слепое пулевое ранение живота**. Многопрофильность переломов свода и основания черепа с уплощением его в боковых направлениях, частичное травматическое удаление вещества головного мозга говорят о том, что в данном случае имело место сдавливание головы между двумя поверхностями в боковом направлении. Обычно такая травма наблюдается **при перекачивании колёс транспортного средства**».

Кратко эти выводы звучат так. Шимулёнису было нанесено семь огнестрельных ранений, сделанных с разных сторон и разной высоты. Причём два ранения были нанесены спереди, пять – сзади. В ранениях, нанесённых сзади, два раневых канала идут сверху вниз, а два – снизу вверх и один – горизонтально.

Доктор юридических наук и многолетний криминалист И.Д. Кучеров (умерший в литовской тюрьме в ожидании суда) 14 января 1991 г. исследовал фотографии трупа И. Шимулёниса в морге. Выводы профессора были опубликованы в газете «Гласность» (24.01.1991 г. Москва). Вот они: *«Обобщая сказанное, сформулируем первый вывод: множественность пулевых ран на теле человека, изображенного на фотоснимках, их взаимное расположение и направление раневых каналов – все эти факторы в совокупности исключают причинение ран одновременно и в натуральных условиях.*

/.../

Вглядитесь в фотографию раны на бедре. Её снимок достаточно чёткий. Наблюдается зияющее крестообразное входное отверстие внутри круглого «пояска осаднения» и с вывороченными наружу краями кожи по кругу. Выходное отверстие тоже открытое, круглое, зияющее. Края кожи ровные – ткань будто выбита круглым штампом.

*Такие резкие различия между наблюдаемыми признаками ранений и признаками, которые всегда присутствуют при ранении живого человека, объясняются одним: огнестрельные раневые отверстия причинены на неживой ткани, т. е. на теле **мёртвого человека**.*

*Чёткая крестообразная форма входного отверстия на бедре, «поясок осаднения» и вывороченная наружу круглая кожная окаемка доказывают, что выстрелы в мёртвое тело производились **или в упор, или почти в упор**. В этих случаях пороховые газы вслед за пулей врываются в рану, вздувают мягкие ткани вокруг раны, выпячивая их наружу.*

Происхождение «пояска осаднения» объясняется воздействием на мертвую ткань с близкого расстояния пламени, пороховых газов, несгоревших частиц пороха, возможным прижатием ткани тела к срезу ствола оружия.

Таким образом, ненатуральные, искусственные условия ранений состоят в том, что выстрелы произведены в неживое тело в упор или почти в упор».

Вывод профессора однозначен: тело Шимулёниса, погибшего в автоаварии, было расстреляно «неизвестными людьми» с разных сторон, под разными углами и использовано в качестве подтверждения «зверств советских оккупантов».

Таковыми являются реальные обстоятельства гибели Шимулёниса. Ведь поверить, что офицер «Альфы» в ходе кратковременной атаки мог нанести ранения с разных сторон и под разными углами, просто невозможно. Более того, полагать, что прошедший спецподготовку офицер расстрелял в упор безоружного человека, также невероятно. Только в воспаленном мозгу литовских прокуроров могла родиться такая мысль.

Ну, а нанесение стволом автомата АКС-74У, которыми были вооружены «альфовцы», таких повреждений черепа, как утверждается в «Определении», это из области фантастики. Додуматься, чтобы представить травму головы от перекатывания автомобильного колёса травмами от ударов воронкообразным пламегасителем на укороченном стволе автомата АКС-74У, это нечто!

Кстати, эти автоматы должны были сохраниться в некоторых подразделениях литовской полиции. Поэтому следователи могли бы провести следственный эксперимент по нанесению травм стволом этого автомата, например, голове барана и понять, что такое невозможно.

Одним словом в ситуации с Шимулёнисом литовские прокуроры крупно «прокололись» и, соответственно подставили Литву и её руководителей. За такую оплошность следственную бригаду Генпрокуратуры Литвы следовало бы расформировать и отправить в отставку без пенсии.

«Запрещённая» пуля калибра 5,45 мм?

Дилетантский подход литовских прокуроров к расследованию январских событий 1991 г. наиболее наглядно высвечивает ситуация с пулей 5,45 мм для автомата АКС-74У. Версию о том, что данная пуля является запрещённой международными договорами, ещё в 1991 г. озвучил тогдашний глава ВС Литвы В. Ландсбергис.

Эту информацию ему сообщили некие «эксперты» из правозащитной организации «Щит», которыми руководил капитан 1-го ранга запаса Александр Евстигнеев. Членами этой «комиссии» являлись: подполковник запаса И. Бычков, полковник С. Кудинов, капитан 2-го ранга запаса, доктор юридических наук, профессор Г. Мелков и майор запаса Н. Московченко.

Комиссия прибыла в Вильнюс в феврале 1991 г. для «независимого, демократического» расследования январских событий. На основании заявлений членов этой комиссии Ландсбергис в упомянутой книге «*Kalte ir atpirkimas...*» утверждает, что *«Армия использовала пули калибра 5,45 мм, отличающаяся особой конструкцией (пуля рвётся на части), которая многократно усиливает мучения человека...»*.

Это заявление повторили литовские прокуроры в «Уведомлении», которое затем перекочевало в «Определение» суда. Оно ярко характеризует дилетантизм не только «экспертов» «Щита», но и литовских экспертов, которые не удосужились изучить официальные документы о пуле 5,45 мм.

Легенды об этой пуле имели в своё время хождение не только в СССР, но и за рубежом. Утверждалось, что такая пуля, «попадая в плечо, могла выйти через пятку». Однако заявление о том, что пуля калибра 5,45 мм для автомата АК-74 была запрещена каким-то международным договором, является банальной ложью. Тем не менее, оно в «Определении» многократно повторяется.

Известно, что в 1963–1964 гг. в США был принят на вооружение 5,56 мм патрон М193 к винтовке М16А1. Вслед за США переход на оружие калибра 5,56 мм произошел в ФРГ, Италии, Израиле и т. д. В 1974 г. в русле модернизации стрелкового оружия в СССР был принят на вооружение автомат АК-74 и к нему 5,45 мм патрон 7Н6.

В 1980 г. депутаты германского Бундестага сделали запрос министру обороны ФРГ о «негуманности» советских пуль 5,45 мм, используемых советскими войсками в Афганистане. Озабоченность депутатов была вызвана тем, что тогда в ГДР стояла мощная группировка советских войск, на вооружении у которых находился автомат АК-74. Однако министр ответил, что у германских специалистов по поводу советских пуль 5,45 мм претензий нет.

В 1981 г. в адрес Советского правительства вновь поступил аналогичный запрос от Международного Красного Креста и ООН. По результатам широких сравнительных испытаний СССР предоставил этим организациям данные, подтверждающие, что по убойному и поражающему действию советские пули 5,45 мм значительно уступают пулям 5,56 мм, предназначенным для американской винтовки М16.

Советская пуля калибра 5,45 мм в телах жертв не разрывалась. Эксперты утверждают, что незначительное смещение центра тяжести назад в этой пули было предпринято для увеличения стабильности полёта, а не для того, чтобы она кувыркалась в теле жертвы, как полагают некоторые дилетанты. Хотя следует признать, что при попадании пули в тело жертвы её траектория несколько искривляется.

Свойством разрываться обладает американская пуля калибра 5,56 мм. Она проходит в тканях жертвы головной частью вперед расстояние около 12 см. Затем разворачивается на 90 градусов, сплющивается и разламывается на множество осколков, которые разлетаются в стороны, существенно увеличивая область поражения.

Не известен ни один международный акт или договор, который бы осуждал или запрещал применение пуль калибра 5,45 мм для автоматов Калашникова АК-74 и 5,56 мм для винтовки М16А1. Ссылка литовских прокуроров на часть 2-ю статьи 35-ой Дополнительного протокола к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 г., касающегося жертв международных вооружённых конфликтов, не корректна.

В этом протоколе пули калибра 5,45 мм и 5,56 мм вообще не упоминаются. Помимо этого не следует забывать, что Литва в январе 1991 г. не была субъектом международного права. Естественно, применение положений Дополнительного протокола к Женевским Конвенциям от 12 августа 1949 г. для январской ситуации 1991 года в Литве неправомерно.

Пули 5,45 мм и 5,56 мм не упоминаются и в протоколе III-ей Женевской конвенции от 1983 г. «О запрещении или ограничении использования конкретных видов обычных вооружений, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими не выборочное действие». Но для литовских прокуроров главное было сослаться на документ международного уровня.

Кстати, известно, что армия современной Литовской Республики (если верить официальному сайту «Lietuvos kariuomenė») вооружена американскими винтовками М16 А1, стреляющими пулями калибра 5,56 мм. Литовским

поборникам международного гуманитарного права пора беспокоиться тем, почему армия Литвы использует эти варварские пули. Ведь они, как известно, проникая в тело жертвы, разрываются и наносят ей ужасные раны и заставляют страдать.

Ещё раз повторю, что данные пули используют армии США и НАТО. А у них, как говорилось, даже фосфорные бомбы и снаряды с сердечниками из обеднённого урана считаются нормальным вооружением. В январе 2015 г. донецкие ополченцы обнаружили в здании разрушенного донецкого аэропорта, оставленное военнослужащими украинской армии американское оружие, в том числе разрывные пули, запрещённые международными конвенциями. В случае, если Литва захочет предъявить к России претензии в части применения советскими военнослужащими «запрещённых» пуль калибра 5,45 мм в январе 1991 г., то получит достойный ответ.

Другим наглядным примером дилетантизма литовских прокуроров является пятичасовой допрос полковника Меля в Генпрокуратуре Литвы, состоявшийся 27 марта 2014 г. Вела допрос прокурор Юрга Зенюте (J. Zieniūtė). Её чрезвычайно интересовало, а не командовал ли 22-летний лейтенант Мель в 1991 г. танковой дивизией, действовавшей у телебашни?

Не сомневаюсь, что любой россиянин подобную постановку вопроса расценил бы, как издевательскую. Это же насколько надо быть ограниченной в знаниях, если не понимать, что лейтенант в Советской Армии не мог командовать дивизией!

Дальше, больше. Зенюте без тени смущения требовала сообщить ей, когда и сколько раз Мель разговаривал с министром внутренних дел СССР Борисом Пуго. Мель решил отшутиться: *«Я с генералом чаи не гонял, поэтому не мог знать его планы»*. Но прокурорша едва не восприняла его ответ, как подтверждение разговоров с Пуго. Видимо, в Литве любой лейтенант, или как он там называется, может запросто звонить по телефону Министру обороны или Генпрокурору.

О том, что Мель к Б. Пуго не имел никакого отношения, я даже не говорю. Высшим начальником для Меля был Министр обороны СССР, Маршал СССР Д. Язов. Выглядит всё вышеизложенное смешно, если бы не было так грустно. Мелю при «высококомпетентных» прокурорах в Литве реально грозит пожизненное заключение.

Подтасовки литовских прокуроров

Особый упор в «Определении» сделан на «запрещённых международным гуманитарным правом военных атаках» на стратегические объекты в Вильнюсе: Дом печати, здания Литовского Радио и Телевидения (ЛРТ) и телебашню.

Якобы именно во время этих атак советские военнослужащие применяли весь арсенал преступных деяний, которые статья 100 УК ЛР квалифицирует

как военные преступления и преступления против человечности: бесчеловечное обращение, преследование людей по политическим и национальным мотивам, лишение их свободы и подвержение пыткам.

Ещё раз зададимся вопросом, каким образом в ходе кратковременных атак советские военнослужащие умудрялись выяснить национальность защитников, лишая их свободы и подвергать пыткам? Но литовских прокуроров это мало волновало, а подтасовать обвинение, чтобы оно соответствовало нужным статьям УК ЛР, для них дело техники.

Хочу обратить внимание на утверждение об убийствах гражданских лиц, которые советские военнослужащие якобы осуществляли в ходе военных атак на здания ЛРТ и телебашню. Оно неоднократно повторяется в «Определении». Прочитую лишь одно из них: *«Во время запрещенной международным гуманитарным правом военной атаки против гражданских лиц участвовавшие в ней совместно лица убивали гражданских лиц...»*.

Известно, что в этих «атаках» на эти объекты участвовало несколько сотен советских военнослужащих. Все они были вооружены автоматами Калашникова, не считая пулемётов, которые стояли на бронетехнике.

Между тем, литовской судмедэкспертизой установлено, что жертвами огнестрельных ранений у телебашни стали лишь 9 человек. Это Витаутас Вайткус (Vytautas Vaitkus), Игнас Шимулёнис (Ignas Šimulionis), Витас Мацюлявичюс (Vytas Maciulevičius), Виргиниюс Друскус (Virginijus Druskis), Дарюс Гербутавичюс (Darius Gerbutavičius), Римантас Юкнявичюс (Rimantas Juknevičius), Аполинариус-Юозас Повилайтис (Apolinarijus-Juozas Povilaitis), Титас Масюлис (Titas Masiulis), Витаутас Концявичюс (Vytautas Koncevičius).

Согласно выводам литовских криминологов, пули, нанешие ранения этим жертвам, были не только пулями от автомата Калашникова, но и от охотничьих и малокалиберных ружей, а также от винтовки Мосина образца 1891/1930 г.

О характере и происхождении семи огнестрельных ранений Игнаса Шимулёниса уже говорилось. Ещё раз повторяюсь. Он погиб в результате бытовой автоаварии. Затем кто-то расстрелял мёртвое тело с разных сторон и с разной высоты, имитируя «зверства» советских военнослужащих.

Пять огнестрельных ранений, идущие под разными углами, литовские судмедэксперты установили и у Д. Гербутавичюса. Направление смертельного раневого ранения грудной клетки этой жертвы идет слева направо и сверху вниз под углом не менее 40 градусов. В бедро ему стреляли справа. В правую голень – также справа, но тоже сверху. В предплечье ему стреляли справа. Помимо этого, у него пулей были повреждены пальцы левой кисти.

Между тем известно, что прокурор и свидетели на заседаниях Вильнюсского окружного суда по делу «13 января» (1966–1999 гг.) утверждали, что Д. Гербутавичюс получил ранения, находясь в толпе. Каким же образом советские десантники, находясь перед толпой, могли расстрелять Гербутави-

чюса с разных сторон? Или же эти выстрелы производились, как и в случае с Шимулёнисом, не в толпе и в уже мёртвое тело?

Советских десантников также обвинили в умышленном убийстве защитника телебашни В. Мацюлявичюса. В ранее упомянутом июньском (1991 г.) Заявлении Генеральной прокуратуры Литвы были изложены обстоятельства его гибели у вильнюсской телебашни. В качестве основного свидетеля этого эпизода там фигурировал брат погибшего.

В «Заявлении...» говорилось: *«Свидетель Мацюлявичюс показал, что десантники дали боевыми патронами 3–4 залпа над головами мирных защитников в цементный козырёк башни. После одного из залпов он увидел, как стоящий рядом его брат упал и с его щеки фонтаном брызнула кровь».*

Брат Мацюлявичюса погиб от ранения сверху вниз, от рикошетирующей пули, калибр которой соответствует калибру пуль, которые применяли десантники. То, что Мацюлявичюс был убит на глазах брата военными от рикошетирующей пули, подтвердили и другие свидетели, которые помогли вынести тело погибшего».

Между тем литовские криминалисты установили, что В. Мацюлявичюс был убит «пулей калибра 7,62 мм образца 1908 г., предназначенной для винтовок Мосина 1891–1930 гг. выпуска, карабинов и пулемётов», выпущенной сверху (с крыши или башни). Ясно, что советские десантники не могли быть вооружены таким оружием.

Между тем, в журнале «Karys» («Воин», № 3, 1991) было опубликовано фото, на котором были запечатлены литовские боевики, вооруженные винтовками Мосина. Однако этот факт так и не заинтересовал литовских прокуроров. Но, тем не менее, в «Определении» от 10.06.2013 г. В. Мацюлявичюс представлен жертвой советских военнослужащих.

Удивительны приключения с пулей, извлечённой из тела погибшего Друскиса. Она поразила погибшего сверху вниз под углом 40 градусов. Но удивляет не это. Судя по актам судебных экспертиз, находящихся в уголовном деле, эта пуля в этих документах трижды

Литовский журнал «Karys» («Воин») №3, 1991 г. опубликовал фото вооружённых защитников парламента – боевиков «Саюдиса»

«меняла» свой калибр, подобно тому, как менялись причины смерти Шимулёниса?! Причём, якобы будучи выстреленной из АК, она не покрылась характерной окалиной, а осталась блестящей и оранжево-жёлтой, так как если бы была извлечена не из тела Друскиса, а из рожка автомата?

Как это понимать? А понимать это следует так. Судя по информации, прозвучавшей на судебных заседаниях Окружного суда Вильнюса по делу о «13 января и госперевороте» (1996–1999 гг.), несколько пуль, извлечённых из тел январских жертв были идентифицированы, как пули от охотничьих и малокалиберных ружей, не говоря уже о пуле, выпущенной из винтовки Мосина.

Эти факты были зафиксированы в приговоре Окружного суда от 23.08.1999 г. по этому делу на стр. 117 и 122. Видимо, к таким относилась и пуля, извлеченная из тела Друскиса. Поэтому усилиями прокуроров она превратилась в пулю от автомата Калашникова. Однако результаты исследований литовских судмедэкспертов и криминологов орудий убийства, послуживших причиной смерти, позволяют утверждать, что к гибели январских жертв советские военнослужащие не причастны.

Тем не менее, Генпрокуратура Литвы и Вильнюсский окружной суд категорически возражают против версии о стрельбе неизвестных снайперов с телебашни и крыш домов, хотя существуют неопровержимые свидетельства этой стрельбы.

Так, в материалах дела «13 января» фигурирует документально зафиксированный сотрудниками Департамента Государственной безопасности Литвы (ДГБ) радиоперехват переговоров советских военнослужащих. Достоверность этого документа не может вызывать сомнений у литовской стороны. Итак, цитаты из документа: *«Я Гурзуф-74, приём. Не понял, повторите, Гурзуф-74, работаю внутри здания, работаю внутри здания. Из соседнего белого здания, с пятого этажа, в меня стреляют, я держусь».*

*«...Я Гурзуф-74, приём, напротив здание, из которого стреляют за спинами людей с оптическим, с оптическим, приём – нет, вы поняли? Приём, Гранит, вы поняли?...Я Гурзуф-74, приём, вы поняли, приём. **Нас обстреляли со стороны города, приём. Вы поняли, приём, Паркет, огонь одиночными выстрелами. Приём – одиночными, приём 38-ой, да, люди укрыты»** (у. д. 09-2-91, т. 298, л. д. 64–66).*

В том же уголовном деле зафиксированы радиопереговоры сотрудников группы «А», находившихся 13 января в телебашне со штабом силовой операции, расположенном в Северном городке. Разговор шёл о том, что они не могут покинуть объект из-за сильного автоматного огня с крыш домов. В итоге из Северного городка для эвакуации «альфровцев» из телебашни были высланы три бронетранспортёра.

В материалах уголовного дела 18/5918-19, возбужденного Прокуратурой СССР по расследованию январских 1991 г. событий в Вильнюсе, фигурируют показания ряда свидетелей, утверждавших, что по советским военнослужа-

щим у телебашни велась интенсивная стрельба из автоматического оружия, в том числе трассирующими пулями. Об этом же говорилось и в информационной записке Генерального прокурора СССР Н. Трубина от 28 мая 1991 г., направленной в Верховный Совет СССР.

Окружной суд г. Вильнюса, рассматривая уголовное дело 09-2-91 (1996–1999 гг.), не принял во внимание многочисленные свидетельства советских военнослужащих о стрельбе с крыш. Они зафиксированы в томе 117-ом этого уголовного дела (л. д. 11, 12, 24, 40, 49, 81, 139) и в томе 118-ом того же дела (л. д. 48, 81, 116, 172) (цитируется по книге Ю. Куолялиса «Дело на стыке столетий», М.; 2011).

Известно, что в ходе того же уголовного процесса ряд свидетелей заявили о стрельбе с крыш. Это С. Шикторова (у. д. 09-2-91, т. 131, л. 11), Г. Ветерилас (там же, л. 54), Г. Крылова (там же, л. 168). Однако эти свидетельства Окружной суд признал недостоверными.

Помимо этого, ещё раз напомним, что на процессе А. Палецкиса 12 свидетелей заявили о стрельбе с крыш, а свидетельства двух из них – Д. Раугайлене и Я. Лекаса, Верховный суд ЛР в ноябре 2013 г. признал соответствующие тому, что они наблюдали в ночь на 13 января.

Особо следует отметить выводы литовских криминалистов о том, что траектории стреляных ранений в телах большинства январских жертв идут сверху вниз под углом 40–60 градусов, то есть стрельба по ним велась с крыш. Это зафиксировано в приговоре Окружного суда от 23.08.1999 г. (стр. 110). Полагаю, что приведённых примеров достаточно, чтобы сделать однозначный вывод. В уголовном деле, призванном выявить причины гибели январских жертв, налицо сплошные подтасовки.

Вывод о подтасовках при расследовании январских событий, подтверждает видеофильм режиссера Б. Талочки (ЛТВ–1995 г. Авторы: С. Штикялис, Б. Талочка, режиссёр Б. Талочка, оператор Л. Григонис), показанный в январе 1997 г. по Литовскому ТВ. В этом фильме все эпизоды снимались в режиме фиксации реального времени съёмки.

Так вот, сопоставление временных параметров кадров этого видеофильма с временными параметрами уголовных эпизодов, зафиксированными литовским следствием, показало, что **трупы одних и тех же январских жертв ночью 13 января 1991 г. якобы раздвоились и одновременно находились в различных местах Вильнюса...**

Мистика, да и только. На самом деле литовские следователи при подтасовке следственных материалов и назначении выгодного для официальной версии временного интервала свершения событий ночью 13 января, не учли, что эти события были зафиксированы на видеоплёнке с указанием точного времени. Какие после этого могут быть разговоры об объективности расследования литовской стороной январских событий.

Вышеизложенный факт установил неоднократно упомянутый Валерий Иванов. Литовское следствие так и не смогло опровергнуть его выводы.

Однако в ходе судебного заседания, закончившегося обвинением Иванова в оскорблении памяти январских жертв, они были просто проигнорированы. Это ещё одно подтверждение фактов фальсификации в ходе литовского расследования причин гибели январских жертв.

Назначенный преступником № 1

Известно, что вплоть до 2013 г. литовские прокуроры заявляли лишь об одном факте расстрела неустановленным советским офицером защитника телебашни А. Повилайтиса. Об этом сообщалось в уже упомянутом июньском (1991 г.) «Заявлении Генеральной прокуратуры Литовской Республики».

Оно было опубликовано в газете «Республика» (10–17 июня 1991 г.) и являлось ответом на Информационную записку Генерального прокурора СССР Н.С. Трубина «О ходе расследования уголовного дела о событиях, имевших место г. Вильнюсе 13 января 1991 г.» от 28.05.1991 г., направленную в Верховный Совет Союза ССР (см. часть VII).

В «Заявлении...» сообщалось об обстоятельствах гибели А. Повилайтиса. Свидетель И. Татарюнас якобы показал: *«Повилайтис что-то хотел сказать солдату, толкавшего его прикладом. Когда солдат ударил его в грудь, то он от удара отпрянул, сделал шаг назад и задел светловолосого офицера. Тот отскочил и из автомата серий выстрелил в Повилайтиса, после чего Повилайтис упал».*

В Акте литовской судебно-медицинской экспертизы № 26 от 6 февраля 1991 г. констатируются три огнестрельных ранения А. Повилайтиса, два в грудь и левое предплечье и одно касательное кожи груди.

Вызывает удивление, что через 22 года, в «Определении» от 10.06.2013 г. А. Повилайтис фигурирует в общем списке, как жертва огнестрельного ранения, но уже без указания обстоятельств его гибели. А что же «светловолосый офицер» и свидетель И. Татарюнас, который так подробно рассказывал о расстреле Повилайтиса? Почему они исчезли? Чем это было обусловлено?

Но свято место пусто не бывает. В «Определении» вместо А. Повилайтиса появился защитник телебашни И. Шимулёнис, якобы убитый неустановленным офицером Группы «А». Об этом говорилось выше. Напрашивается вывод. Такая замена, видимо, произошла для того, чтобы подтвердить обвинения сотрудников Группы «А» в совершённых преступлениях.

В том же «Определении» излагаются обстоятельства расстрела (не смертельного) защитника Дома печати Витаутаса Лукшиса (V. Lukšys). Его якобы совершил зам. командующего 76-ой дивизией ВДВ, полковник Василий Кустрьо: *«...Руководивший операцией В. Кустрьо, умышленно из автоматического оружия АКС-74, применяя запрещённые международными договорами военные средства – патроны калибра 5,45 мм с пулей со смещённым центром тяжести, произвёл очередь выстрелов в защищавшего Дом печати*

и направившего струю воды на наступающих военнослужащих сотрудника ДОК (Департамента охраны края – В. Ш.) Витаутаса Лукшиса, чем причинил ему тяжкое расстройство здоровья, выразившееся в огнестрельном сквозном ранении левой стороны лица...».

Это описание ещё раз свидетельствует о полном отсутствии логики у литовских прокуроров. Ведь если бы пуля 5,45 мм была бы со смещённым центром и обладала свойством кувыркаться в теле жертвы, то при попадании в голову Лукшиса она бы превратила её в фарш. А она пробила голову навывлет.

Следует также напомнить, что семь лет назад в «Уведомлении» от 03.08.2006 г. утверждалось, что защитнику Дома печати В. Лукшису был причинён тяжкий вред здоровью. Но не указывалось кем. И вдруг, спустя более двадцати лет, выясняется, что в него стрелял полковник В. Кустрьо, да ещё пулей со смещённым центром?!

Крайнее недоумение вызывает утверждение, что зам. командующего 76-ой дивизией ВДВ В. Кустрьо лично, с автоматом наперевес, участвовал в атаке на Дом печати. Подобное категорически запрещал «Боевой устав сухопутных войск СССР», который регламентировал поведение командиров воинских соединений и подразделений СА во время боя или военной операции. Согласно ему командир воинского соединения должен осуществлять руководство операцией, а не конкретно участвовать в ней в качестве рядового исполнителя.

Невозможно поверить, чтобы советский офицер, полковник-десантник позволил бы себе выстрелить в безоружного человека. Это очевидно для всех, кто знает о системе требований к офицерам и, особенно десанникам, в Советской Армии. Достаточно было бы дать хорошего пинка этому доковцу или использовать приклад.

Так, судя по видеосъёмкам, в основном и кончались все стычки у телебашни. Это подтверждают кадры из видеофильма, в которых советский десантник бьёт прикладом доковца, намеревающегося бросить бутылку с «коктейлем Молотова» в танк. За кадром слышен голос этого бросающего: «Aš jį padeginsiu!» («Я его подожгу!»).

Эти кадры вот уже 23 года в годовщину январских событий в Вильнюсе показывают по литовскому и российскому ТВ. Но кадров, где советские офицеры и десантники в упор расстреливают защитников телебашни, не присутствуют ни в одном видеофильме, зафиксировавшем события января 1991 г.

Вспоминаю, что осенью 1991 г. во время допросов в Генпрокуратуре Литвы мне грозились показать видеокадры расстрела советскими военнослужащими защитников телебашни в упор. Однако этого показа я так и не дождался. Ясно одно, таких видеокадров не существовало и не могло быть.

Насколько я помню, в литовской прессе того периода факт «расстрела» в упор защитника Дома печати не описывался. Хотя небылиц на эту тему публиковалось более чем достаточно. Особенно часто приводились «свидетельства очевидцев», которые утверждали, что десантники и «альфовцы» якобы были невменяемыми, с остекленевшими глазами и с бедра стреляли в толпу.

Известно также, что в 1991 г. факт расстрела защитника Дома печати В. Лукшиса нигде не фигурировал. Фамилия полковника В. Кустрьо, руководившего операцией по взятию под охрану Дома печати, также не упоминалась ни в одном свидетельстве, ни в одной публикации. Не фигурировала она и в «Уведомлении» от 03.08.2006 г. Почему же она возникла спустя 22 года? Вразумительного ответа нет.

Возникает вопрос, каким образом новая бригада литовских прокуроров, начавшая работу в декабре 2010 г., спустя 20 лет установила причастность полковника Кустрьо к травме Лукшиса? Можно предположить, что конкретные фамилии советских военнослужащих, якобы совершившие те или иные «конкретные преступления» в январе 1991 г. в Вильнюсе, брались прокурорами из списка, обвиняемых в военных преступлениях и подгонялись под обстоятельства тех или иных «преступлений».

Проще говоря, литовские прокуроры пошли по пути «назначения» преступников. Этот, числящийся в списке подозреваемых, будет ответственным за такое преступление, этот – за такое и так далее. И чем выше воинское звание подозреваемого, тем лучше.

Видимо, это был ответ литовских прокуроров на критику независимых исследователей вильнюсских событий о том, что в уголовном деле 13 января отсутствуют «конкретные виновники конкретных преступлений», совершённых в январе 1991 г. Вот литовские прокуроры по истечению 20 лет решили «обнародовать» «конкретных виновников».

Между тем, и в «Определении» литовские прокуроры признают, что зам. командующего 76-ой дивизии ВДВ Кустрьо отдавал приказы военнослужащим 234-го и 237-го полков этой дивизии, действовавшим у Дома печати. Помимо этого подтверждается, что В. Кустрьо находился в штабе командования силовой операцией по взятию под охрану ЛРТ и телебашни. Значит, полковник Кустрьо, в соответствии с Боевым уставом командовал операцией. А как же тогда его личное участие в «военной атаке»?

Продолжая тему, отмечу, что жители Вильнюса, пришедшие на защиту Дома печати, здания радио и телевидения и телебашни были уверены, что советские солдаты не будут стрелять в них. Тем более, что накануне событий глава ДОКа Литвы Аудрюс Буткявичюс (A. Butkevičius) ездил по Вильнюсу с мегафоном, крича о том, что солдаты будут вооружены только холостыми патронами.

Следует иметь в виду, что за 45 лет советской власти около полумиллиона литовских юношей прошли службу в Советской Армии. Они помнили братские отношения армии и народа. Поэтому литовцы были уверены, что советские солдаты не станут стрелять в граждан своей страны и без страха ждали десантников у телебашни.

Кстати, об этом свидетельствуют и комментарии на мои статьи о январских событиях бывших советских десантников-литовцев, ныне живущих в Литве.

«Свидетели – очевидцы»?

Особого разговора заслуживают утверждения литовских прокуроров и так называемых «очевидцев» «зверств» советских военнослужащих. В этой связи, невозможно умолчать о «свидетелях – очевидцах», воспоминания которых размещены в книге бывшего главы ВС Литвы Витаутаса Ландбергиса «*Kalte ir atpirkimas. Apie Sausio 13-ąją*» («Вина и искупление. О 13-м января»). Именно эти свидетельства в январе 1991 г. тиражировались мировыми СМИ, как доказательство «советских зверств».

Центральным свидетельством в вышеназванной книге Ландсбергиса является сообщение так называемого литовского «пограничника» Еугениуса Шепетиса (E. Šepetis), защищавшего телебашню. Это он 13 января, примерно в 4 час. 15 мин. утра доложил депутатам Верховного Совета Литвы о ситуации с захватом группой «А» телебашни. Сообщение Шепетиса зафиксировано в стенограмме 92-го заседания Верховного Совета Литвы 13 января 1991 г. (См. http://www3.lrs.lt/pls/inter3/dokpaieska.showdoc_l?p_id=251249).

Оно также размещено и в книге «*Kalte ir atpirkimas...*». Итак, перевод сообщения Е. Шепетиса: *«Охраняем телевизионную башню... в начале окружили бронемашины, танки, стреляли из орудий, но холостыми, выбили все окна. На людей, кольцом окруживших, падали стекла. Потом десантники, вооружённые автоматами... Первая штурмовая группа (Группа «А» – В. Ш.) была вооружена автоматами и ножами, кинжалами на автоматах. Они прорвались через людей, бросились внутрь, напали на наших защитников баррикад. Всех других бронемашины, под стрельбу других военных оттеснили от башни дальше, пока не вытолкали за забор.*

*В начале, как я понял, стреляли только холостыми патронами, затем, и я могу это подтвердить, стреляли боевыми патронами, трассирующими пулями. Стреляли в людей и бегущих людей... Окна на первом этаже здания все выбиты. Отступая, эти так называемые «освободители» (Группа «А» – В. Ш.), в начале бросили в толпу людей дымовое устройство, затем, **заехав на танке, крутясь, давили людей...***

...Погибшие есть, думаю, не мало. К сожалению, у меня не было времени считать. Сам я видел только одного погибшего. Но мы последнего вывезли из башни. Там тогда уже было много погибших и раненых...».

Перевод я сделал практически дословный, чтобы не исказить суть сказанного Шепетисом.

Его сумбурное и лишённое логики сообщение на первый взгляд выглядит почти достоверным. Но, как говорится, «дьявол кроется в деталях». А вот с деталями Шепетис напутал. Не учёл этого и психолог Буткявичюс, который, без сомнения, инструктировал пограничника перед его выступлением в Верховном Совете.

Шепетис, докладывая о событиях у телебашни, допустил несколько небольших, но роковых ошибок, которые свидетельствуют о том, что он сознательно лгал.

Начну с того, что во время штурма телебашни Группой «А», армейской бронетехники, прежде всего танков, у телебашни ещё не было. Окна на верхних этажах телебашни, как известно, были целы. Стёкла, соответственно, не могли сыпаться на людей. Далее, бойцы группы «А», проникшие в телебашню, были вооружены ножами разведчика, которые не могли быть примкнуты к автомату Калашникова. Более того, укороченная модификация автомата Калашникова АКС-74У, которыми были вооружены «альфовцы», вообще не предусматривает примыкание штык-ножа.

Заявление Шепетиса относительно погибших более чем странное. То он заявляет, что видел только один труп. То, по его словам, в башне вдруг оказалось много погибших и раненых. Однако в цокольном помещении телебашни, о котором вел речь Шепетис, не могло быть раненых и убитых. Оно была под контролем Группы «А». И уж совсем невероятно заявление о том, что «альфовцы» туда въехали на танке и устроили «кровавую мясорубку». Известно, что Группа «А» от телебашни уезжала на БТРах.

Однако комиссии, побывавшие после январской ночи в цокольном помещении телебашни, не выявили следов въезда туда танка и никаких следов кровавой расправы. Не зафиксировали ничего подобного и многочисленные фотографии и видеооператоры, которых 13 января у телебашни было более чем достаточно. Вновь явная ложь.

Не менее лживо свидетельство другого «очевидца», начальника центральной аппаратной телебашни А. Раманаускаса. По его словам, десантники (так Раманаускас, как и Шепетис, называл «альфовцев»), ворвавшись в телебашню, якобы «построили весь персонал у стены с поднятыми руками».

После этого они, *«зверски разбили окна, испортили аппаратуру и, стоя у открытых окон, стреляли боевыми патронами в людей»*. («Kaltė ir atpirkimas...», стр. 277–278). Ландсбергис в своем комментарии на это свидетельство, торжествуя, отмечает, вот, мол, откуда у январских жертв пулевые ранения сверху вниз. Однако это явная ложь, которая без труда опровергается.

Известно, что саванорисы (добровольцы) Буткявичюса, находившиеся в башне, после её захвата «Альфой», успели открыть противопожарные резервуары с фреоном. Естественно, в заполненной фреоном башне выстраивать вдоль стены персонал, а тем более стрелять вниз было просто невозможно.

В подтверждение приведу свидетельство из секретного отчёта Группы «Альфа» о действиях в Вильнюсе. Он был обнародован в 1991 г. и сегодня не представляет тайны. *«Лишь восемь сотрудников из группы подполковника Е. Чудеснова проникли на 2-й этаж телецентра, прервали передачу из центральной аппаратной... Отступив на второй этаж, охрана включила противопожарную систему и в помещение под давлением стал подаваться газ фреон»*.

Напомню, что в ноябре 2008 г. на российской атомной подводной лодке «Нерпа» сработала аварийная система пожаротушения и подала газ фреон в один из отсеков лодки. 20 человек потеряли сознание и умерли, так и не успев включить надетые кислородные аппараты, а 21 человек получили серьёзные ожоги дыхательных путей. Вот так действует фреон. Бойцы «Альфы» чудом избежали такой же участи. А о какой стрельбе из помещения, заполненного фреоном, может идти речь?

**Санитарам Литовского
Красного Креста пока делать нечего**

Лживыми являются два других «свидетельства», которые представлены в книге «Kalte ir atpirkimas...». Их авторы Аудрюс Сяурусявичюс и некий Чесюс. В своих «свидетельствах» они утверждали, что советские танки у телебашни умышленно давили (traiške) людей. Читаешь и мороз по коже. Неужели такое могло быть?

Итак, «свидетельство» тогдашнего корреспондента радио «Свободная Европа» Аудрюса Сяурусявичюса (A. Siaurusevičius). Свой репортаж об «ужасных предсмертных криках раздавленных людей» ночью 13 января он передал по телефону московскому корреспонденту английской газеты «The Guardian» (См. «Kalte ir atpirkimas...», стр. 189–190). Репортаж был опубликован на следующий день (14.01.1991) и растиражирован другими зарубежными СМИ. Впоследствии выяснилась лживость этого репортажа, но Сяурусявичюс и сегодня, уже в качестве главы Литовского радио и телевидения, стоит на том, что видел, как «танки давили людей». Но подтверждения этому так и не были обнаружены.

Другим сфальсифицированным свидетельством является письмо некого Чесюса (Česius) в США родственникам. Его год за годом тиражирует в своих книгах В. Ландсбергис. До этого оно было неоднократно перепечатано в американских СМИ и попало в книгу некого Р.И. Крицкуса «Showdown. The Lithuanian Rebellion and Breakup of Soviet Empire» («Крах. Литовское восстание и крах советской империи»).

Вот что писал Чесюс в своём письме, ссылаясь на то, что он был очевидцем событий у телебашни. «Люди шагнули в сторону, но двое, которые запрыгнули на танк, погибли под его гусеницами. Они даже не вскрикнули. Мой друг стоял в двух метрах от человека, которого раздавили. Танк переехал грузовик и два автомобиля и остановился. Вдруг он резко повернул на холм и раздавил девушку в точке «3» («Kalte ir atpirkimas...», стр. 201–202).

При этом для пущей «достоверности» Чесюс указал точки «гибели» людей на весьма подробной карте местности, которую он приложил к своему

письму. Но всё, что писал Чесюс и, что так действовало на впечатлительных американцев, было ложью.

Судя по сообщениям Сяурусавичюса и Чесюса, танки у телебашни «раздавили» почти десяток человек. Однако материальных подтверждений этого, как говорилось, так и не было обнаружено. Останки людей, раздавленных танками, если они были, бесследно исчезнуть не могли. Слишком много свидетелей и журналистов было у телебашни.

Между тем, в 1991 г. Генпрокуратура Литвы официально утверждала, что **жертвами наезда советских танков стали четыре человека**. 13 января в морг были доставлены трое мужчин, которые якобы были смертельно травмированы танками: Альгимантас Пятрас Каволюкас (Algimantas Petras Kavoliukas), Игнас Шимуленис (Ignas Šimulionis) и Роландас Янкаускас (Rolandas Jankauskas). Их травмы литовские судмедэксперты квалифицировали, как следствие обычных автоаварий.

Четвертая, Лорета Асанавичюте (Loreta Asanavičiūtė) была доставлена в больницу «Красный крест» живой и даже слегка улыбающейся (она была вытолкнута из толпы и бронемашина лишь притёрла её к проволочной изгороди).

Кстати, в «Определении» 2010 г. И. Шимулёнис почему-то не фигурирует в литовском списке погибших от наезда танка. Напомню, что официальная квалификация причин смерти январских жертв была завершена 6 февраля 1991 г. подписанием начальником Республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы А. Гармуса (A. Garmus) справки № 29 о причинах смерти январских жертв. Но литовские прокуроры не пожелали ею руководствоваться. Они предпочли исполнять указания «сверху».

Фото, уличающие фальсификаторов

Сегодня ясно, что использование танков в силовой операции в Вильнюсе было большой ошибкой руководства СССР. Литовские сепаратисты хорошо обыграли этот аспект. Фото советских танков и их «постановочных наездов на людей» заполнили страницы мировой прессы, а также экраны телевизоров.

Обвинения советских танкистов в военных преступлениях и бесчеловечности являются одними из основных в «Определении» вильнюсского суда от 10 июня 2013 г. В этом документе отмечено, что в «военной атаке» на телебашню в январскую ночь 1991 г. участвовали четыре танка Т-72 с бортовыми номерами 502, 513, 541 и 544.

Танк с бортовым номером 502 под командованием подполковника Н. Астахова и танк с бортовым номером 513 под командованием С. Воронина устраняли заграждения из транспортных средств, препятствующие проходу к телебашне.

Далее в «Определении» утверждается, что после устранения заграждений, танки с бортовыми номерами 502, 513 и следовавший за ними танк с борто-

вым номером 541 под командованием В. Шеховцева сломали ограждение, окружавшее телебашню и, «опасно маневрируя», въехали на территорию, где находились митингующие. Эти танки вновь стреляли холостыми зарядами, пускали дымовые завесы и светили прожекторами. Сообщается, что аналогичные действия производил танк под бортовым номером 544, которым командовал лейтенант Ю. Мель.

Здесь следует особо отметить следующее. В «Определении» 2013 г. перечисляются номера всех танков, действовавших у телебашни и у зданий радиотелецентра. Между тем известно, что в 1996 г. ранее упомянутый Валерий Иванов, готовясь к судебному процессу, получил доступ к материалам уголовного дела «13 января». К его удивлению, в них тогда отсутствовали данные о башенных номерах танков.

Также напомним, что 13 января 2011 г. на заседании Сейма Литвы, посвященной годовщине январских событий, президент Литвы Д. Грибаускайте заявила, что танки у телебашни были с «воровски покрашенными номерами». Получается, что 20 лет в Литве были неизвестны номера танков, участвовавших в силовой операции в Вильнюсе, и вдруг они были установлены. Всё это весьма странно, как странно и непоследовательно само расследование январских событий, осуществлённое Генпрокуратурой Литвы в 2010–2013 гг.

Продолжу рассказ об обвинениях, предъявляемых советским танкистам. Центральным из них является утверждение о том, что танк с бортовым номером 502, действиями которого якобы руководил командир 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии Н. Астахов, в районе телебашни совершил одновременный наезд на Лорету Асанавичюте (L. Asanavičiutė), Лорету Тручиляускайте (L. Tručiuliauskaitė), Ангеле Марию Пладите (A. M. Pladytė) и Антанаса Сакалаускаса (A. Sakalauskas).

В качестве неопровержимых «документальных свидетельств» этого наезда танка 502 на людей литовские прокуроры ссылаются на два цветных фотоснимка, сделанных фотографом Альгирдасом Сабаляускасом (A. Sabaliauskas) у телебашни в ночь на 13 января. Попробую оценить степень достоверности ситуаций, которые «зафиксировал» Сабаляускас.

**На этом танке отчётливо
виден бортовой номер**

Анализ фотоснимков так называемого наезда танка я буду осуществлять, сопоставляя утверждения литовских прокуроров, изложенные в «Определении», с характером наезда танка и степенью тяжести травм, якобы нанесённых жертвам этим наездом.

В «Определении» наезд танка Астахова описан так: *«Танк, бортовой номер которого 502, опасно маневрируя через толпу гражданских лиц, их запугивая и терроризируя, не менее одного раза выстрелил из орудия холостыми зарядами на южной территории телебашни, поехал к зданию телебашни, где корпусом выбил окна конференц-зала на первом этаже».*

Продолжая опасно маневрировать возле объекта, на который велось нападение, данный танк совершил наезд на Л. Асанавичюте, вследствие чего последняя от сильного сдавливания таза и ног с переломами костей таза и множественными повреждениями мягких тканей нижней части живота – таза и ног, что повлекло обильное кровоизлияние из разорванных тканей таза и некомпенсируемый травматический шок, умерла, т. е. потерпевшая была умышленно убита».

В то же время указанный танк совершил наезд на Л. Тручиляускайте, А. Пладите и А. Сакалаускаса, вследствие чего здоровью последних был причинен умышленный тяжкий вред: Л. Тручиляускайте – открытый перелом правой бедренной кости, размозжённые раны правого бедра и правой голени, сдавливание мягких тканей левого бедра и левой голени; А. Пладите – рваные раны на левой голени с оскольчатым открытым переломом большой берцовой кости и двойным открытым малой берцовой кости, а также обширные множественные подкожные кровоподтеки на правой голени и бедре; А. Сакалаускасу – множественные рвано-размозжённые раны на голенях обеих ног с открытыми переломами трубчатых частей большой и малой берцовых костей, а также закрытым переломом верхнего конца правой малой берцовой кости».

Судя по изложенной в «Определении» ситуации ясно, что прокуроры пытаются доказать одномоментный наезд танка на четырех человек. Если следовать их логике, то танк вначале раздавил Асанавичюте, затем раздробил ноги Пладите и Тручиляускайте, а в завершение переломал ноги Сакалаускасу.

Однако, исходя из характера травм всех четырёх пострадавших, описанных в «Определении», получается следующая картина. Танк с бортовым номером 502 должен был слегка придавить Асанавичюте и отъехать назад, так как для последующего наезда на Пладите и Тручиляускайте ему пришлось бы переехать Асанавичюте полностью. Далее он также должен был придавить Пладите и Тручиляускайте, затем отъехать назад и затем придавить, а не наехать на Сакалаускаса, переломав тому ноги.

Представьте себе, как реагировали бы люди у телебашни при виде «взбесившегося» танка,двигающего то вперед, то назад и давящего людей? После первой же жертвы перед ним не оказалось бы ни одного человека. Как же танку после первой жертвы удалось придавить ещё троих? Свои умозаключения по этому поводу литовские прокуроры скрывают.

Особо отмечу, что травмы пострадавших, описанные в «Определении», абсолютно не соответствуют даже такому «щадящему» наезду 41-тонного танка. Хирурги, с которыми я консультировался, утверждают, что налицо травмы от наезда автомобилей. Сразу же возникают сомнения, а был ли наезд танка у телебашни в действительности?

Прежде всего, вызывает сомнение, что командир 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии Н. Астахов в ночь на 13 января 1991 г. решил непосредственно «поручить» отдельным танком? Налицо грубейшее нарушение Боевого устава ВС СССР.

Кстати, в «Определении» сообщается, что 11 января 1991 г. к Дому печати «по указанию Н. Астахова прибыли 4 танка 106-го танкового полка, под командованием Г. Иванова». Возникает вопрос, почему же Астахов у Дома печати «руководил», а у телебашни «участвовал» в силовой акции? Ясно, что литовские прокуроры перемудрили, пытаясь найти «конкретных» виновников «конкретных» преступлений.

Они, ссылаясь на фотоснимки Сабаляускаса и мифических свидетелей, утверждают, что танк Астахова совершил наезд на четырёх человек. Эти снимки под номерами 2 и 3 размещены на стр. 394–395 книги, а в цветном исполнении – на последней стороне обложки. Что же вызывает сомнение в фотоснимках «наезда»?

Во-первых, это отсутствие на фото бортового номера танка Астахова. Не думаю, что фотограф был настолько не профессионален, чтобы не понимал значение бортового номера танка для будущего следствия.

Во-вторых, это отсутствие присутствия на фотоснимках двух жертв – Л. Асанавичюте и А. Сакалаускаса.

В-третьих, отсутствие фотоснимков **травм** «жертв» после переезда их танком. Это было бы бесспорным доказательством «зверств советских танкистов». Но такого снимка нет. Почему? Видимо, потому, что такого наезда в реальности не было.

В этой связи напомним одну ситуацию, связанную с этими фотоснимками. Как я уже упоминал, в январе 1991 г. мне довелось встречаться в Париже с заместителем Председателя Социалистической партии Франции Аленом Мадленом. Настроен он был просто враждебно. Бросил на стол газету, где на цветном фотоснимке был запечатлён советский танк, якобы давящий людей (фото А. Сабаляускаса). Я спросил, а почему в газете нет снимка после того, как танк переехал этих людей? Мадлен задумался. И только после этого началась наша трудная беседа.

В-четвёртых. Несоответствие характера травм «жертв», описанных в «Определении» тем, которые они должны были получить, если исходить из расположения их тел под танком, запечатлённых на фото 2 и 3. Даже беглый анализ фотоснимков «наезда» танка позволяет сделать вывод об их постановочном фальсификационном характере. Сами фотоснимки предательски выдают фальсификаторов. Это следует из следующего.

Буду исходить из версии литовских прокуроров – танк 502 был в движении, когда наезжал на «жертвы». Если он двигался со скоростью пешехода – 5 км в час, то его скорость составляла примерно 1,4 м/секунду. Судя по изменению положения ног женщин, лежащих под танком, зафиксированных на фотоснимках № 2 и № 3, танк между этими двумя снимками должен был сдвинуться примерно на 0,5 м. То есть, наезд танка на лежащих произошёл бы (если он был) в течение 0,3 сек. Что же произошло за это время, судя по изменениям на фотоснимках 2 и 3?

Итак, фотоснимок 2. На нём запечатлена правая гусеница танка, под ней левая нога А. Пладите в красной юбке и чёрном сапожке. Рядом с ногой Пладите находится ещё одна нога в тёмных брюках и светлом сапожке. Это левая нога Л. Тручиляускайте. Правая нога её не видна, но всё говорит о том, что она находится под гусеницей танка. Если же это не так, то это уже явная постановка, так как при зафиксированном на фото положении левой ноги Тручиляускайте при наезде танка её правая нога неизбежно должна была бы попасть под гусеницу танка.

Особое внимание хочу обратить на положение ног Пладите. Их положение свидетельствует о том, что девушка лежала на спине, а под ней находилась Тручиляускайте. Левая нога Пладите, измазанная под кровь кетчупом и направленная назад, была перекинута через левую ногу Тручиляускайте и засунута под гусеницу. Правая её нога, направленная вперёд, была также перекинута через левую ногу Тручиляускайте, при этом ступня, а точнее подошва левого сапожка Пладите, была направлена вверх, на час дня.

Такое положение ног лежащих девушек должно было, по мнению, постановщиков «фотосессии» свидетельствовать о том, что танк сбил их в момент убегания. Поэтому ноги девушек постановщики решили своеобразно «переплести». Однако горе-постановщики не учли, что в этом случае правая нога Тручиляускайте должна была бы неизбежно попасть под гусеницу танка, что предполагало последующее объяснение, каким образом эта нога не оказалась полностью разможенной.

Продолжу разбор фото 2. Над Пладите, лежащей под танком, склонился, судя по размеру зимнего сапога, мужчина в синем плаще и синих джинсах. Рискнул бы он это делать, если бы танк двигался? Рядом с этим мужчиной видна рука в кожаной перчатке, упирающаяся в брызговик танка. Это рука некого В. Пецюкониса (V. Peciukonis), который, как писала литовская пресса, якобы пытался остановить танк «озверевших оккупантов». Особо отмечу, что на переднем плане фотоснимка 2 запечатлён лежащий на земле женский цветастый зонтик.

Теперь перейду к фотоснимку 3. На нём зафиксированы уже лишь две ноги, торчащие из-под гусеницы. Левая, в светлом сапожке – Тручиляускайте и правая, в чёрном сапожке – Пладите. Такое положение ног должно было предполагать, что танк продвинулся вперёд, как минимум на полметра. Соответственно, левая нога Пладите оказалась под гусеницей. Там же уже должна

была находиться правая нога Тручиляускайте. То есть, судя по фотоснимку 3, правая нога Тручиляускайте и левая нога Пладите, если бы танк двигался вперёд, должны были полностью быть раздробленными.

Однако, судя по описанным в «Определении» травмам Пладите и Тручиляускайте, этого не произошло. Их ноги, побывав под танком, отделались лишь переломами костей! Подобное достойно занесения в книгу рекордов Гиннеса. Хотя при неподвижном танке и не такое возможно.

Рассуждения о том, что травмы от наезда танка могут быть незначительными, так как удельное давление гусеницы танка на почву меньше давления грузовой автомашины и поэтому танк лишь придавливает, а не раздавливает жертву, дилетантизм. При наезде на любую выпуклость, ногу, тело человека, если поверхность достаточно твердая, танк обрушивает на неё всю свою 41-тонную тяжесть. В январе 1991 г. в районе вильнюсской телебашни почва была подморожена и достаточно твёрдой.

В августе 2014 г. мне довелось беседовать с медсестрой Е.А. Могилевич, работающей в Волынской больнице. Она во время военных действий в Афганистане была свидетельницей случайного наезда бронемшины (БМП) на советского солдата. Бедро солдата, по словам медсестры, превратилось в кроваво-костную массу, впечатанную в почву. Спасти его не удалось. А ведь на него наехал не танк, а более легкая боевая машина пехоты.

Но вернусь к фотоснимку 3. Положение левой ноги Тручиляускайте по сравнению с положением, зафиксированным на снимке 2, несколько изменилось. Получается, что танк при наезде несколько продвинул эту ногу вперёд.

При наезде автомашины такой сдвиг возможен, но гусеница танка не это не способна. Она не сдвигает предмет на пути, а ложится на любое препятствие. Этого «постановщики» не учли.

Не учли они и того, что изменение положения правой ноги Пладите на снимке 3 позволяет утверждать, девушка повернулась на левый бок. Об этом свидетельствует то, что стопа правой ноги Пладите теперь расположилась параллельно земле. Однако при реальном наезде танка этого проделать было бы невозможно. На фото 2 ясно видно, что правая нога Пладите, а соответственно и тело, при любом продвижении танка вперед намертво зафиксировались бы гусеницей. Возможность менять положение тела и ног Пладите могла лишь при неподвижном танке.

О неподвижности танка свидетельствует также следующее. На фото 3 согнувшийся мужчина, зафиксированный на фото 2, выпрямился, а ранее упомянутый зонтик перед танком исчез. Странно, что кто-то решил рискнуть жизнью ради него и за 0,3 секунды вытащил его из-под «движущегося» танка.

Далее, на фотоснимке 3 справа, прямо перед танком, запечатлён стоящий мужчина в куртке и с перчаткой в правой руке. В отличие от мужчин, упершихся в левый брызговик танка и имитирующих крайнее напряжение сил, он спокоен и даже позволил себе небрежно снять перчатку. При движущемся танке такое было бы невозможно.

Отмечу ещё одну мелочь. Рука Пецюкониса, мужчины в берете на фото 3 сдвинулась вниз, почти к краю брызговика. Если бы танк двигался вперёд, то его рука, скользя по брызговiku, неизбежно сдвинулась бы вверх, а не вниз.

Справа: увеличенные фрагменты фото 1 и 2

Необъяснимо также изменение положения белой тряпки на земле, зафиксированной на фотоснимках 2 и 3. Кто захотел бы сделать это в момент, когда танк «давил» людей?

Неподвижность танка в момент съёмок убедительно подтверждают фотоснимки, сделанные литовским фотографом Виргилиусом Усинавичюсом (Virgilijus Usinavičius). Он, видимо, стремясь увековечить своё имя, поспешил зафиксировать моменты, которые фальсификаторам следовало бы скрывать. В настоящей книге они помечены номерами 1, 5, 6.

Рассмотрю снимок 1. Впервые его опубликовал журнал «Švyturys» («Маяк») в феврале 1991 г. Эта фотография также размещена в фотоприложении к статье «Литва отмечает 20-ю годовщину событий 13 января» (<http://ru.delfi.lt/news/live/litva-otmechaet-20-yu-godovschinu-sobytij-13-yanvarya.d?id=40756441>).

Не вызывает сомнений, что Усинавичюс сумел сделать свой снимок 1 на несколько секунд ранее снимка 2, сделанного Сабаляускасом. На снимке Усинавичюса явно видна подготовка к фотосъёмке. А. Пладите уже находится под танком, под ней лежит Л. Тручиляускайте. Лицо Пладите на этом снимке достаточно хорошо видно. Она с кем-то спокойно разговаривает и её глаза обращены на этого человека.

Справа на фотоснимке 1 запечатлены ноги и спина мужчины, одетого в коричневую кожаную куртку. Он наклонился к Пладите, левая нога которой уже измазана кетчупом и подсунута под гусеницу танка. Сам мужчина находился прямо перед танком, что также свидетельствует о неподвижности танка. Прошу также обратить внимание на положение риски в виде прямоугольника, которая отчетливо видна на ведущей звёздочке танка выше сквозного отверстия в этой звёздочке. Она направлена вниз на полшестого.

Аналогичную картину зафиксировал и Сабаляускас на фото № 2. Только на его снимке мужчина справа уже отсутствует, лица Пладите не видно, но вокруг неё копошатся какие-то люди. Судя по незначительному изменению ситуации на снимках 1 и 2, разница во времени между этими снимками весьма небольшая.

При этом есть все основания утверждать, что в момент фотоснимков 1 и 2 танк был неподвижен. Для этого достаточно сравнить положение ранее упомянутой риски на звёздочке танка. На снимках 1 и 2 её положение не изменилось, то есть танк в момент фотосъёмки был неподвижен. Это уже неопровержимый факт.

Известно, что согласно инструкции, полученной танкистами накануне силовой акции, танки должны были двигаться к объектам с зажжёнными фарами, регулярно подавая звуковые сигналы ревуном и останавливаясь на перекрестках и перед скоплением людей. Затем, при возобновлении движения танк должен был подать звуковой сигнал ревуном и лишь спустя некоторое время начать движение. Остановка танка обычно длилась в пределах мину-

ты – двух. Времени у фальсификаторов было немного. Поэтому учесть все нюансы они не смогли.

Перейду к анализу фото 4. На нём частично видна Пладите в длинной до сапог красной юбке и чёрных сапогах, лежащая перед танком. Её лицо и верхняя часть туловища не видны. Обращу внимание, что юбка Пладите на фото 4 аккуратно расправлена и натянута до сапог. Отчётливо виден неповрежденный левый сапог Пладите. А ведь, судя по «Определению», она должна была истекать кровью из разможжённой левой ноги.

Напомню, что в «Определении» утверждается, что у Пладите были *«рваные раны на левой голени с оскольчатым открытым переломом большой берцовой кости и двойным открытым малой берцовой кости»*. Такие травмы по утверждению хирургов сопровождаются сильным кровотечением, грозящим смертью. Ничего подобного на фотоснимке 4 не зафиксировано.

Большой интерес представляют фотоснимки 5 и 6. Их автор уже упомянутый В. Усинавичюс. Они размещены в книге «Sausio 13-oji. Išsaugoję Laišvę» («13 января. Спасшие Свободу»), изданной В. Ландсбергисом и его командой специально для европарламентариев в 2013 г.

Составители этой книги преподносят фото 5 и 6, как документальные свидетельства, подтверждающие гибель Л. Асанавичюте от наезда советского танка. Однако, как выяснилось, на этих фото запечатлена Л. Тручиляускайте, светлые сапожки которой и тёмные, слегка полосатые брюки видны были на фото 2. На фото 6, помимо сапожек и брюк, просматривается лицо этой девушки. Тем не менее, везде, где экспонируются фото 5 и 6, их представляют, как фото гибели Асанавичюте.

Отмечу, что фото 5 и 6 полностью исключают наличие травм ног у Тручиляускайте, описанных в «Определении». Там утверждается, что у неё был «открытый перелом правой бедренной кости, разможженные раны правого бедра и правой голени, сдавливание мягких тканей левого бедра и левой голени». При таких травмах Тручиляускайте не могла бы лежать на земле, согнув ноги в коленях, как это зафиксировано на фото 5. И уж никак её не могли нести мужчины на руках, как зафиксировано на фото 6. Тем более, что один мужчина поддерживал её за бедро правой ноги, где у неё, судя по «Определению», должны были быть разможженные раны и открытый перелом.

Также не следует забывать, что постановщики «фотосессии» создали ситуацию, по которой Пладите в реальности должна была бы лишиться левой ноги, а Тручиляускайте – правой. Асанавичюте же в этой ситуации должна была умереть непосредственно под танком, который по сценарию «постановщиков» её переехал. Но постановщики «фотосессии» Сабаляускаса у телебашни, а затем и прокуроры не предполагали, что фотоснимки А. Сабаляускаса и В. Усинавичюса вместо доказательств станут неопровержимым подтверждением фальсификации наезда танка.

Абсолютно ясно, что так называемый наезд танка с бортовым номером 502 на людей, является плодом злого измышления литовских прокуроров. Вышеизложенное с большой степенью вероятности позволяет утверждать,

что фотоснимки 1, 2, 3 зафиксировали постановочную имитацию наезда танка, которая осуществлялась путём изменения ракурса фотографирования и положения ног людей, находящихся под гусеницей танка.

В этой связи следует рассказать о «технологии изготовления» постановочных фотоснимков «наездов» советских танков на защитников телебашни в ночь на 13 января. Она была раскрыта в статье литовского журналиста Эдмундаса Ганусаускаса (E. Ganusauskas), в которой были процитированы показания В.П. Яреца, данные суду под присягой: *«Приблизительно в пяти метрах от меня танк остановился, т. к. дорогу ему перегородила большая толпа людей, которая кричала солдатам: “Фашисты!” Как только танк остановился, группа приблизительно из пяти человек взяла за руки мужчину в возрасте приблизительно пятидесяти лет и, с его согласия, повалила на спину, лицом вверх.*

Затем этот мужчина был положен спереди, под правую гусеницу. Мужчины, которые подсовывали его под танк, держали этого человека под мышки, изображая, что хотят вытащить из-под танка. Но танк стоял на месте, а стоящая перед ним толпа кричала, что под танк попал человек.

Мужчины, изображавшие гибель человека, и вся эта инсценировка фотографировались. Мужчина лежал под танком приблизительно минуту... Мужчина изображавший смерть под танком, был одет в куртку коричневого цвета. Было довольно темно, я не разглядел его черт. Опознать этого мужчину не смог бы.

После фотографирования толпа разошлась, и танк медленно тронулся вперёд. Как только танк отъехал, неизвестно откуда появилась машина скорой помощи “Латвия”. Когда этого человека клали на носилки, он, расслабив тело, изображал раненого или убитого. Я категорически утверждаю, что танк стоял на месте и начал двигаться только после того как сфотографированный мужчина был отодвинут в сторону» (газета «Lietuvos rytas» № 79, от 04.04.1996).

Показания В.П. Яреца присутствуют в уголовном деле лидера движения «Единство» В. Иванова № 09-2-068-91, (т. 10, л. д. 168), возбужденного по факту клеветы, якобы допущенной им в отношении памяти январских жертв в книге «Литовская тюрьма». (В.В. Иванов. «Литовская тюрьма». МП «Палея», 1996).

Вышесказанное позволяет сделать вывод. Литовские прокуроры решили «назначить» убийцей подполковника Николая Астахова, командира 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии. Основанием для этого они, видимо, сочли утверждение, содержащееся в записке Генпрокурора СССР Н. Трубина Верховному Совету Союза ССР от 28 мая 1991 г. Там отмечалось, что «для исключения различных случайностей, в том числе наездов на людей, экипажи танков были укомплектованы в основном офицерами».

Однако в 106-ом полку было достаточно опытных офицеров, чтобы укомплектовать ими экипажи семи танков полка, задействованных в ночь на 13 января 1991 г. Ещё раз напомним, что согласно Боевому Уставу ВС СССР командир полка всегда должен был осуществлять общее руководство операций.

Невероятные свидетельства и травмы

Важное место в доказательной базе литовских прокуроров играют свидетельства потерпевших. В этой связи перейду к анализу свидетельств А. Пладите и Л. Тручиляускайте, как «жертв» «наезда» танка. Они были изложены в февральском номере за 1991 г. журнала «Švyturys» № 4 в статье Станисловаса Бальчюнаса (St. Balčiūnas). Статью сопровождал один из фотоснимков, запечатлевший так называемый «наезд» танка Т-72 на А. Пладите и Л. Тручиляускайте.

Вот что рассказала А. Пладите, обладательница ног в чёрных сапогах, запечатленных на фото № 2 (*перевод не литературный, а дословный – В. Ш.*). *«Не почувствовала, как попала под танк. Мне казалось, что убежала, но чувствую, подо мною две упавшие девочки. Пытаюсь выбраться, но почувствовала, что по ногам идут гусеницы танка. Слышала, как трещат кости. Мужчины бросились к танку – ругались, умоляли ехать назад, а я рвала на себе волосы, чтобы не потерять сознание. Мужчины пытались вытащить меня из-под танка. К счастью, тянули несильно, так как одна нога, оказывается, была так разможена, что её питала лишь одна артерия, кожа была нечувствительная, открытый перелом. Когда танк отодвинулся и мужчины понесли меня, обуяло чувство, что этот танк нас ещё догоняет».*

Напомню, что на ранее упомянутом снимке 1 зафиксировано, что Пладите спокойно лежит под танком, разговаривает и не рвёт на себе волосы. В интервью она упоминает двух девушек, которые якобы оказались под ней (Л. Асанавичюте и Л. Тручиляускайте). Однако на фотоснимках 1, 2, 3 видна лишь нога Тручиляускайте в светлом сапожке. Каких-либо признаков присутствия Асанавичюте под танком не зафиксировано. Не вызывает сомнений, что Пладите упомянула об Асанавичюте по требованию литовских прокуроров, которым следовало получить свидетельство о том, что та была раздавлена танком у телебашни. Поэтому Пладите была вынуждена подтвердить наличие третьей жертвы.

А что же вспоминала Лорета по фамилии Тручиляускайте? *«С Лоретой Асанавичюте, сотрудницей того же объединения, где работала и я, у телебашни мы были всю субботу, только вечером сбегали домой погреться... Мы с подругой крепко сцепились руками. Отодвигаясь от движущегося на нас танка, её рука вырвалась из моей. Я упала навзничь. Над головой успела увидеть дуло пушки танка. Кто-то упал на меня. Я почувствовала, что гусеницы танка зажали мою ногу. Почувствовала весь этот ужасный вес и сквозь боль слышала треск ломающихся костей. Но сознания не потеряла. Вырваться не могла. Видела, как кто-то махал, кричал и показывал, чтобы танк ехал назад. Но он долго не двигался. Потом от боли не поняла, куда он поехал, вперед или назад. От боли кричала. Меня кто-то схватил и понёс. По дороге в больницу почувствовала пальцы ног и обрадовалась, что нога жива...»*

Только через несколько дней узнала, что моей подружки Асанавичюте нет. Лорета, как могу судить по другим фотографиям, видимо, попала под гусеницы

того же танка. У неё были сломаны кости таза и грудной клетки, раздавлены ноги. Когда её везли в больницу, она ещё назвала номер домашнего телефона...».

Тручиляускайте в отличие от Пладите, утверждавшей, что под ней оказались две девушки, сообщила, что в момент «наезда» танка не видела и не чувствовала Л. Асанавичюте. Но затем, якобы по каким-то фотографиям она пришла к выводу, что подруга попала под тот же танк.

Кстати, фотографий наезда танка на Асанавичюте, о которых говорит Тручиляускайте, до сих пор никто не видел. Видимо, информацию о таких фотографиях ей сообщили литовские прокуроры. Но демонстрировать их общественности они не желают. Не вызывает сомнений, что утверждения о том, что танк с бортовым номером 502 совершил наезд на Асанавичюте является злонамеренной ложью.

Что же касается травмированных танком А. Пладите и Л. Тручиляускайте, то сообщу следующее. В 1997 г., обвиненный в оскорблении памяти январских жертв Валерий Иванов потребовал пригласить их на судебное заседание.

Пладите не явилась, а Тручиляускайте пришла в суд достаточно бодро, не хромая и без палочки. А ведь при реальном наезде танка Тручиляускайте должна была лишиться правой ноги, а Пладите – левой.

11 января 2001 г. на канале НТВ в программе «Независимое расследование» Николая Николаева участвовал тот самый Антанас Сакалаускас, ноги которого якобы попали под гусеницы танка. Говоря о своих травмах, он ссылаясь на рентгеновские снимки, которые якобы доказывали, что ноги ему собрали по косточкам.

Но это известный приём. Его нередко используют липовые «пострадавшие» в автоавариях. Они находят рентгеновские снимки с нужными травмами и предъявляют их как свои. Сломанные кости фамилий ведь не имеют. Замечу, что в 2001 г. Сакалаускас по студии передвигался, практически не хромая. Вряд ли это была заслуга литовских медиков. Это, видимо, заслуга литовских прокуроров и фотографов, сумевших здоровые ноги Сакалаускаса выдать за покалеченные.

Вышеизложенное позволяет утверждать, что танк под номером 502, если на фото 1, 2, 3, 4 был запечатлен он, стоял, менялись лишь ракурсы фотографирования и положение ног девушек, лежавших под танком. То, что девушки под танком имели возможность менять положение ног, является ещё одним свидетельством его неподвижности.

Весьма убедительным аргументом того, что фото «наезда» танка были постановочными, являются лица двух улыбающихся юношей, зафиксированные на фото несколько правее центра. Эти ребята, наблюдая потуги суетившихся вокруг танка «режиссеров-неудачников», просто смеялись. Могло ли быть такое, если бы танк действительно давил людей?

Не вызывает сомнений, что если Россия потребует независимого медицинского освидетельствования последствий «наезда танка» на Пладите, Тручиляускайте и Сакалаускаса, то может выясниться, что их «травмы» являются плодом «творчества» литовских прокуроров.

Литовская Жанна д'Арк

В современной Литве героиней, равной французской Жанне д'Арк, считается Лорета Асанавичюте. Утверждается, что она, будучи в рядах митингующих у телебашни, бесстрашно встала на пути советского танка, который её безжалостно раздавил. Эта версия озвучена в «Определении» от 10.06.2013 г.

Повторюсь ещё раз. Там утверждается, что танк командира 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии Н. Астахова с бортовым номером 502 «совершил наезд на Лорету Асанавичюте, вследствие чего... она умерла, т. е. была умышленно убита». Хочу обратить внимание на суть изложенной в «Определении» констатации.

Она сформулирована так, что неизбежен вывод – Л. Асанавичюте умерла от полученных травм прямо у телебашни. Однако ситуация с гибелью этой девушки была совершенно иной. В 1997 г., в канун очередной годовщины январских событий, по Литовскому телевидению был показан уже упомянутый видеофильм режиссёра Б. Талочки. Там зафиксирован момент доставки Асанавичюте в больницу.

Она в сознании и пытается улыбнуться в видеокамеру. Лорета чётко ответила на вопросы медика относительно адреса своего местожительства: назвала улицу, номер дома, номер квартиры. И это после наезда 41-тонного танка? (видеофильм был приобщён к материалам у. д. № 09-2-068-91/дело Иванова/).

Тем не менее, Лорету изначально пытались представить полураздавленной советским танком. Для этого даже сфальсифицировали не только её историю болезни, но и результаты судмедэкспертизы. Вот что записано в истории болезни Лореты, заполненной на неё в больнице «Красный Крест». Возможность ознакомиться с этой историей получил ранее упомянутый В. Иванов в 1996 г. в ходе уголовного процесса против него. Она размещена в его книге «Гекатомба». Книга вторая. «Страшная ночь». А в 1997 году его осудили за оскорбление памяти январских жертв, которую он якобы совершил, написав книгу «Литовская тюрьма».

В истории болезни Лореты «зафиксировано», что она была привезена в клинику Минздрава «Красный крест» в 2 часа 30 минут 13 января 1991 г. якобы без пульса и с не измеряемым кровяным давлением (у. д. № 09-2-068-91, т. 3, л. д. 155). Возникает вопрос, как же Лорета «без пульса» отвечала на вопросы медперсонала? Но литовских фальсификаторов это не интересует.

В той же истории болезни Л. Асанавичюте не указаны переломы костей таза, бёдер и каких-либо других костей. Это согласуется с логикой поведения врача машины скорой медпомощи, доставившей пострадавшую в клинику. Врач не счёл нужным фиксировать ногу, бедро или тело Л. Асанавичюте шиной или шинами, которыми бригада МСМП обычно фиксирует тело пострадавшего, если есть малейшее подозрение на перелом костей или вывих сустава.

Не случайно в истории болезни Асанавичюте отсутствуют рентгеновские снимки, так как хирурги были уверены, что внутренних переломов у неё нет.

Отсутствие переломов у Асанавичюте не было зафиксировано и во время хирургической операции. Вот выдержка из описания этой операции: *«У Асанавичюте Л. была вскрыта область живота. В тазу и слева на пояснице найдены гематомы. перевязаны две бедренные артерии, выведена наружу гофрированная трубка. Глубокие рваные раны в промежности, с местами обнажённой костью, затампонированы. Операция продолжалась до 4 ч. 20 мин...»* (там же).

Однако в Акте литовской судмедэкспертизы № 29 от 06.02.1991 г. зафиксировано следующее: *«Асанавичюте Лорета, Стяпо /1967 г.р./ – сильное сдавливание таза, обеих бёдер и правой голени: ссадины нижней части живота, лобковой области и обеих бёдер; подкожные кровоизлияния на передней поверхности правой голени и задних поверхностях обеих бёдер, разрыв промежности, кровоизлияние с отслоением кожи в крестцово-поясничной области, кровоизлияние в мягкие ткани брюшной стенки и таза, в левую околопочечную клетчатку с разрывом брюшины, кровоизлияние в стенки мочевого пузыря, разрывы лонного сочленения и правого крестцово-позвудушного, перелом крестца, кровоизлияние в мышцы передней поверхности таза и бёдер, точечные кровоизлияния под кожей лица и грудной клетки, а также шеи у 2-ки Асанавичюте Л.С. возникли ... [далее в напечатанном на машинке тексте справки идёт обрыв строки и строкой ниже вписано] от действия тупых, твёрдых предметов, каковыми могли быть части движущегося автотранспортного средства, например, гусеница подвижного тяжёлого механизма».*

Посмертное обнаружение перелома крестца, зафиксированное судмедэкспертом, вызывает крайнее недоумение. Как и допечатанная странная концовка заключения, в которой говорится о некоем «гусеничном автотранспортном средстве», которое могло быть причиной нанесения травм Асанавичюте. Она, видимо, была внесена судмедэкспертом по чьему-то указанию позже.

Известно, что ширина гусеницы танка Т-72 около полуметра. Поэтому наезд танка на область таза неминуемо должно было одновременно повредить или живот, или ноги потерпевшей. Существует видеофильм, на котором Лорета запечатлена на больничной койке сразу после смерти (<http://www.youtube.com/watch?v=ls23l7eqSwI> – «Sausio 13-oji. In memoriam»).

Видеокадры свидетельствуют о том, что живот и ноги Лореты не пострадали от гусениц. Заметны лишь косые рваные раны на бедрах обеих ног, которые, видимо, оставили острые концы порванной проволочной изгороди, к которой она была прижата. Выдавать их за следы от гусениц просто глупо. На кадрах отчётливо видно, что тело Асанавичюте не искалечено танковыми гусеницами и полностью держало форму.

Обстоятельства смерти Асанавичюте представляются весьма странными, особенно, когда знакомишься со свидетельством некоего водителя автопарка Вайнилко Г.В. Он заявил, что: *«Мишкинис, который работает водителем*

машины скорой медицинской помощи, а в нашем парке подрабатывает дополнительно (автобусный парк), говорил о том, что вёз Лорету Асанавичюте с места получения травмы в больницу. Асанавичюте была в сознании и рассказывала о том, что её толкнули под бронемашину. Она, по словам Мишкиниса, знала людей, которые сделали это. Всё это она рассказывала медперсоналу».

Существуют и другие очевидцы, которые утверждают, что Асанавичюте была специально вытолкнута из толпы под движущую бронемашину, которая не переехала её, а лишь притёрла к проволочной изгороди, сооружённой вокруг телебашни.

О такой ситуации у телебашни рассказала Агота Янкявичене-Грибаускайте (A. Jankevičienė-Grybauskaitė), многолетний директор Историко-этнографического музея Литвы, которая была известна своей принципиальностью в отстаивании культурного наследия Литвы. В книге «*Mano prisiminimų kraite*» («Лукошко моих воспоминаний») она вспоминала, что на утро после январских событий к ней пришёл сотрудник музея, который рассказал, что ему едва удалось спасти свою жену, участвовавшую в митинге у телебашни. Он с трудом успел вытащить свою жену из *«цепи, устроенной молодыми мужчинами около телебашни, которые, сцепившись руками, сжимали свое кольцо, стараясь толкнуть стоящих людей под танки и бронетранспортеры...»*.

Вот так было на самом деле. Поэтому, видимо, были те, кто был заинтересован в молчании Лореты об обстоятельствах получения ею травмы. То, что эти обстоятельства гибели Асанавичюте были сфальсифицированы, подтверждают не только свидетели и видеофильм, но и изложение этих обстоятельств в «Определении».

Известно, что ландсбергисты делали всё для того, чтобы в январскую ночь пролилась невинная кровь. И она пролилась. В этой связи возникает вопрос, кто же был подлинным виновником этой крови? Когда-то Цицерон сформулировал знаменитый принцип римского права – «Ищи кому выгодно?».

Не вызывает сомнений, что смерть Лореты была выгодна Ландсбергису, который изначально назначил её на роль главной жертвы Литвы.

Как тут не вспомнить странный укол, который был сделан Асанавичюте в машине скорой помощи перед увозом в больницу. К этому ещё раз напомним, что Ландсбергис, дав согласие на поджог здания Верховного Совета Литвы в случае штурма советскими десантниками, фактически обрекал на гибель большинство из 3,5 тысяч человек, находившихся там. На этом фоне жизнь одной девушки для него ничего не значила.

Почему в качестве жертвы была выбрана Асанавичюте? Видимо, потому, что она более других подходила на эту роль. Высокая, статная, красивая, достойная звания «Мисс Литва». Люди именно такими представляют своих героев, особенно отдавших жизнь за свободу.

Известно болезненное пристрастие В. Ландсбергиса к историческим параллелям. Вполне возможно, что в декабре 1990 г. в ходе обсуждения сценария будущих кровавых событий на заседании Президиума ВС Литвы, о котором рассказал бывший член этого Президиума Алоизас Сакалас, про-

звучала реплика: **«Нужна литовская Жанна д'Арк!»**. А уже в ходе январской провокации выбор остановился на Лорете Асанавичюте.

Но это не умаляет её заслуг перед Литвой. К телебашне Лорета пришла защищать независимость Литвы. Свою жизнь она положила на алтарь этой Независимости. Она по праву героиня. Поэтому честные люди должны найти подлинных виновников её гибели.

Странные жертвы танковых «наездов»

В «Определении» сообщается, что *«один из танков, устранявших загромождение (т. е. 502 или 513 – В. Ш.), прижал к автомашине ЗиЛ-130 Альгимантаса-Пятраса Каволюкаса, вследствие чего от совокупности травм головы, головы, тела и конечностей, а также от вызванных этим множественных переломов костей скелета и осложнения в виде травматического шока, отека головного мозга, легких и внутреннего кровоизлияния тот скончался»*.

Странно, литовские прокуроры установили, кто сидел в танках с бортовыми номерами 502, 513, какими были траектории их движения у телебашни, а вот номер танка, который «раздавил» Каволюкаса, так и не выяснили?

Судя по информации, изложенной в «Определении», большинство костей скелета Каволюкаса должны были быть переломанными. Ведь 41-тонный танк имеет большую инерцию и не может мгновенно остановиться. Однако в Акте литовской судмедэкспертизы № 26 от 06.02.1991 г. зафиксировано следующее. *«Каволюкас Альгимантас, Юозо /1939 г.р./ – ушибленные раны головы, ссадины головы, туловища и конечностей, кровоизлияние в мягкие ткани головы, туловища и конечностей: вычленение 1–3 рёбер слева из позвоночника, перелом 2–5 рёбер справа по среднеключичной линии, перелом позвоночника между 11–12 позвонками с повреждением спинного мозга, разрыв лонного сочленения в обоих крестцово-повздошных, полный вывих костей в левом го-*

**На этих двух фотоснимках – БМП-2 у телебашни.
Перед ней видна искореженная проволоочная изгородь**

леностопном суставе, перелом обеих костей правой голени в средней трети у потерпевшего образовались при ударе выступающими частями движущегося автотранспортного средства в заднюю поверхность тела пострадавшего, находящегося в вертикальном, или близко к вертикальному положению с последующим отбрасыванием тела и перекатыванием колеса через тело г-на Каволюкаса А.Ю.».

Литовский судмедэксперт без колебаний констатировал, что Каволюкас стал жертвой обычной автомобильной аварии. Возникает вопрос, на что рассчитывали литовские прокуроры, столь явно игнорируя результаты литовской судмедэкспертизы. Видимо, на то, что их подтасовки никто не заметит. Ведь Генпрокуратура РФ не отреагировала на абсурдные обвинения российских граждан, изложенные в не раз упомянутом «Уведомлении» о подозрении от 03.08.2006 г., направленном Генпрокуратурой Литвы в Россию.

Жертвой наезда советского танка числится 22-летний Ромуальдас Янкаускас (R. Jankauskas). Обстоятельства гибели этого юноши в «Определении» излагаются так: *«После того, как во время запрещённой международным гуманитарным правом военной атаки один из четырёх танков Т-72 выстрелил из танкового орудия холостым зарядом и Р. Янкаускас от ударной волны упал на землю, его переехала опасно маневрирующая на территории телебашне гусеничная военная техника, вследствие чего последний от сильного сдавливания тела между твёрдыми тупыми предметами, множественных переломов черепа и других костей скелета, разрывов внутренних органов, острого кровотечения в полость живота и груди скончался, т. е. потерпевший был умышленно убит».*

Однако обстоятельства гибели Р. Янкаускаса, изложенные в «Определении», не соответствуют характеру травм, описанных в Акте судмедэкспертизы № 26 от 06.02.1991 г.: *«Янкаускас Ромуальдас, Брониславо /1969 г.р./ – сжатие тела между твёрдыми предметами – ушибленные раны головы, кровоизлияние в мягкие ткани головы, ссадины головы, многочисленные переломы костей свода основания и лицевого черепа, сдавливание головного мозга с кровоизлияниями под мягкой оболочкой мозжечка, правой затылочной доли.*

Множественные ссадины и кровоизлияния груди, спины, живота и конечностей, перелом правой ключицы, правой лопатки; перелом 2–7 рёбер справа по передней подмышечной линии, 2–7 рёбер справа по околопозвоночной линии, перелом 2–5 рёбер слева по среднеключичной линии и 4–5 рёбер слева по околопозвоночной линии с повреждением межрёберных мышц и пристеночной плевры, кровоизлияния у ворот правой почки и селезёнки – у г-на Янкаускаса Р.Б. возникли от действия /сдавливание/ тупых твёрдых предметов, каковыми могли быть колёса транспортного средства».

Как уже говорилось, вес танка Т-72 составляет 41 тонну, гусеничной боевой машины пехоты БМП-2 – 14 тонн, гусеничной боевой машины десанта – около 9 тонн, БТР-80 – 13,6 тонны. Переезд человека любым из этих транспортных средств означал бы не сжатие между твёрдыми предметами и

переломы, а полное раздробление костей скелета и головы. У Р. Янкаускаса подобное не зафиксировано. Вновь явная ложь литовских прокуроров, подтвержденная Вильнюсским городским участковым судом. Но от этого ложь не стала правдой.

Существуют фотоснимки тела того же Р. Янкаускаса (с обнажённой грудью и животом) в морге на ул. Полоцкой, 6а. Они были опубликованы в ряде литовских газет и, в частности, газете «Республика» (<http://www.photoshare.ru/office/image.php?id=6703506>). На этих фотографиях отчетливо видно, что тело Р. Янкаускаса, одетого в куртку и тельняшку, не пострадало от гусениц бронетехники. Зато лицо, хотя и сохранило форму, но сильно травмировано, а на лбу у него отчетливо просматривалась серьёзная рана.

Исходя из вышеизложенного, можно утверждать, что литовские прокуроры, формулируя свои обвинения, абсолютно не считались ни с логикой, ни с выводами судмедэкспертизы, ни с существующими объективными свидетельствами, в том числе и фотоснимками.

Это обоснованно позволяет заявить, что Генпрокуратура Литвы в представленном в Вильнюсский участковый суд «Уведомлении» о подозрении умышленно исказила обстоятельства получения травм Лоретой Тручиляускайте (Шлекене), Ангеле-Марией Пладите и Антанасом Сакалаускасом, а также обстоятельства смерти Лореты Асанавичюте и Ромуальдаса Янкаускаса, пытаясь представить, что они погибли от наезда советской бронетехники. Также есть все основания полагать, что Тручиляускайте и Пладите участвовали в инсценировке наезда на них танка.

О вздорных обвинениях Литовской Фемиды

Правовую несостоятельность обвинений граждан РФ в совершении преступлений, изложенных в «Определениях» о признании россиян подозреваемыми, подтверждают и обвинения, предъявленные мне, как депутату Верховного Совета Литвы, 2-му секретарю ЦК КП Литвы/КПСС, члену ЦК КПСС и Председателю Комитета граждан СССР в Литве.

Меня обвиняют не только в подготовке и руководстве силовой акцией в Вильнюсе в январе 1991 г., но и в создании и участии в деятельности нелегальных и запрещённых политических организаций, которыми якобы являлись Компартии Литвы на платформе КПСС и Комитет граждан СССР в Литве.

О моём отношении к силовой акцией 1991 г. по восстановлению действия Конституции СССР в Литве скажу следующее. Живя с 1947 г. в маленьком литовском городке Утена, в самый разгар так называемой «партизанской», а на самом деле бандитско⁴⁵⁵ войны, я понял, что Литву легко ввергнуть в хаос военного сопротивления властям. В такой период никто не может гарантировать безопасную жизнь ни себе, ни своим близким. Все сторонники Литвы в СССР, в том числе и я, прекрасно это осознавали.

Поэтому я был за применение союзным руководством законных правовых действий против литовских сепаратистов, прежде всего, привлечение их к уголовной ответственности. При этом я выступал за самую широкую самостоятельность республики в решении вопросов организации её жизнедеятельности, вплоть до предоставления Литве статуса, аналогичного статусу Гонконга в Китае.

В этой связи приведу цитаты из докладов, с которыми я выступал в 1990 г. 28 апреля того года я выступил с докладом на Учредительном съезде Гражданских комитетов Литовской ССР. Вот что там было сказано по поводу независимости Литвы и возможности её выхода из СССР. *«Гражданский Комитет считает, что дальнейшее развитие Литвы наиболее перспективно в составе обновленной советской федерации. Выход Литвы из состава Союза самым негативным образом скажется на социальном и экономическом положении абсолютного большинства жителей республики. Это наглядно показывают события последних дней.*

Тем не менее, Гражданский комитет считает, что если народ Литвы (а не руководство в лице Верховного Совета) решит выйти из состава Союза – это его право. Но оно должно реализовываться в рамках Конституции СССР и Закона СССР о выходе союзной республики из Союза».

Аналогичные мысли были высказаны и в докладе «О проектах платформы ЦК КПСС к XVIII съезду КПСС и Устава КПСС», с которым мне было поручено выступить на втором этапе XXI съезда Компартии Литвы/КПСС, состоявшемся 2 июня 1990 г. О независимости Литвы там было сказано следующее: *«Компартия Литвы/КПСС выступает за социалистическую Литву, независимую от любых форм диктата, бюрократического давления, полностью самостоятельную в решении республиканских проблем, свободно и добровольно входящую в советскую федерацию на основе обновленного Союзного договора.*

С учётом достигнутого Литовской ССР уровня политической, экономической и социальной культуры, Компартия Литвы/КПСС будет выступать за предоставление Литовской ССР особого статуса в рамках советской федерации в решении политических, экономических и социальных проблем, но без создания каких-либо привилегий за счёт других союзных республик».

В таком же контексте на третьем завершающем этапе XXI съезда Компартии Литвы/КПСС, состоявшемся 15–16 сентября 1990 г. были приняты итоговые документы съезда, касающиеся независимости Литвы в обновленном Союзе, в частности Резолюция «О государственности Литвы». В ней сказано: ***«Компартия Литвы выступает за социалистическую Литву, в полной мере обладающую реальным государственным суверенитетом, самостоятельную в решении своих проблем».***

К тому времени стало ясно, что реальная независимость любого государства в современном мире выражается, прежде всего, в свободе и возможности выбирать форму зависимости от других государств. Ведь не случайно Литва, только выйдя из Союза ССР, тут же бросилась в объятия Евросоюза.

Поэтому в резолюции XXI съезда было сказано, что Компартия выступает за **«сохранение принадлежности республики к Союзу суверенных социалистических государств»**.

Это обуславливается усиливающейся интеграцией мирового хозяйственного механизма, с каждым десятилетием приобретающей всё более глобальный характер. При этом экономическая интеграция с каждым годом политизируется. Об этом свидетельствуют события последних лет.

Но вернемся в годы перестройки. Мелочная опека и чрезмерный диктат Кремля не нравились многим русским, проживавшим в республике. Будучи партийным работником, курировавшим экономику, я поражаюсь, когда руководители предприятий рассказывали, какие мелкие вопросы они вынуждены были согласовывать с союзными министерствами. Я надеялся, что в будущем максимально самостоятельная Литва станет своеобразным мостиком для укрепления экономических связей между обновленным СССР, Европой и США.

Но для этого следовало поставить на место зарвавшихся сепаратистов во главе с Ландсбергисом. Это было не только моё мнение. Сошлюсь на Арвидаса Юозайтиса (A. Juozaitis), одного из бывших лидеров «Саюдиса». Как бронзовый призер XXI Олимпийских игр в Монреале (1976 г.) по плаванию он был весьма популярен в Литве. Помимо этого, к моменту создания «Саюдиса», Юозайтис уже был доктором философии. Именно он вместе с писателем Витаутасом Петкявичюсом в 1988 г. организовывал грандиозные массовые митинги, которые позволили «Саюдису» превратиться в мощную политическую силу.

Юозайтис, узнав, что 11 марта 1990 г. В. Ландсбергис был избран Председателем Верховного Совета Литвы, назвал это «исторической ошибкой», грозящей Литве многими бедами. («Lietuvos rytas». 15.03.1990). В июне 1990 г. он, как упоминалось, в той же газете опубликовал статью «Анатомия клики», в которой дал убийственную характеристику окружению Ландсбергиса, правда, не называя имён. Но в Литве все прекрасно поняли, о ком идёт речь.

Характерно, что впоследствии патриархи литовского диссидентского движения, прошедшие советские лагеря – Людас Дамбраускас (L. Dambrauskas) и Стасис Стунгурис (S. Stungurys) аналогичным образом оценили деятельность клики В. Ландсбергиса. Причём Л. Дамбраускас политику правящей литовской элиты определил **как «ландсбергизм»**. Об этом уже говорилось.

В конце 1990 г. не только я, но и большинство выступавших за Литву в составе СССР ждали конкретных действий Президента СССР, которые могли бы стабилизировать ситуацию в республике. Приезжавшие из Москвы «кремлёвские гонцы» из ЦК КПСС усиленно навязывали мысль о необходимости введения президентского правления в республике.

В ЦК Компартии Литвы/КПСС большинство понимало, что введение такого правления в республике оптимальным выглядит лишь на первый взгляд. Ведь было очевидно, что Компартия Литвы не обладает необходимым

интеллектуальным кадровым потенциалом для обеспечения функционирования администрации президентского режима в Литве. А «направленцы» из Москвы будут восприняты в республике враждебно. Соответственно, всем сторонникам Союза придется жить фактически во вражеском окружении.

К январю 1990 г. в ЦК Компартии Литвы сложилось четкое понимание, что следует обойтись без применения военной силы. Печальный опыт Тбилиси и Баку показал, что силовые операции неизбежно ведут к обострению межнациональных отношений. А ведь после такой акции придётся жить в Литве, на тех улицах, в тех же домах и квартирах и с теми же соседями. Поэтому бюро ЦК КПЛ/КПСС надеялось, что стабилизировать ситуацию в республике удастся правовым мирным путём.

19 августа 1991 г. подтвердило, что мирное восстановление советской власти в республике было возможно. Жесткое заявление ГК ЧП на полдня вернуло в Литву статус союзной республики без применения военной силы. На мирный исход возврата Литвы в СССР позволял также надеяться тот факт, что к январю 1991 г. значительная часть населения Литвы ещё не сделала окончательного выбора в сторону независимости.

Ещё раз напомню, что в январе 2013 г. бывший начальник обороны Верховного Совета Йонас Гячас (J. Gečas) в интервью информационно-аналитическому portalу «DELFI.lt» заявил о том, что в январе 1991 г. Литва не была едина в своём стремлении к независимости.

Также говорилось о том, что к январю 1991 г. серьезно встал вопрос о недоверии Верховному Совету Литвы и его главе В. Ландсбергису и о выборе нового Верховного Совета. В этой связи Ландсбергис и его окружение продолжали нагнетать напряженность в республике.

Единственным своим спасением ландсбергисты считали проведение Москвой силовой акции. Поэтому их воинственные заявления следовали одно за другим. Это дало плоды. Как ранее отмечалось, 6 января 1991 г. газета «Respublika» (Республика) оценила ситуацию в республике, как «состояние общественного психоза».

Горбачёву достаточно было умело применить силу законов СССР, вывести переговоры с республикой на новый качественный уровень, пойти на определенные уступки и ситуация могла стабилизироваться. В результате отстранение от власти «ландсбергистов» могло бы произойти демократическим путем, то есть избранием Сейма Возрождения, как это предлагалось в ранее упомянутом «Обращении» 20-ти интеллектуалов.

Ещё раз напомню, что вследствие провалов в социально-экономической политике **Верховный Совет Литвы, избранный в 1990 г., признал своё фиаско и досрочно самораспустился 11 октября 1992 г.**

В 1990–1991 гг. Горбачёв вместо того, чтобы привлечь на свою сторону умеренных литовских политиков и интеллектуалов, которые хоть и были сторонниками независимости республики, но не могли согласиться с ульт-

тимативно-конфронтационным курсом Ландсбергиса и его окружения в отношениях с Кремлём, пошёл на поводу у ландсбергистов, которым силовая акция нужна была как воздух.

12 января она началась по сценарию, который был наиболее выгоден тогдашнему Верховному Совету. Известно, что лишить сепаратистов радио и телевидения можно было без всякого шума. Но кому-то в Москве понадобилось «шоу» с шумом и громом, с холостыми выстрелами танков и сплющиванием легковых машин и все это под сверкание блицев зарубежных репортеров. В итоге рано утром 13 января Ландсбергис торжествующе вещал на весь мир: **«Горбачёв в крови с ног до головы!»**

Тем же утром в коридоре здания ЦК КП Литвы у дверей своего кабинета в ответ на вопрос журналиста Центрального телевидения Р. Кармена, что думаю о событиях прошедшей ночи, я заявил: **«Военная акция посадила Ландсбергиса на белого коня. Танки, прежде всего, раздавили литовских коммунистов. Выход Литвы из СССР – теперь вопрос времени»**. Но это противоречило установкам Москвы, которая делала вид, что по-прежнему контролирует ситуацию в Литве, и в эфир не пошло.

Более того, мои коллеги по ЦК КПЛ/КПСС сочли это заявление предательским и даже планировали моё отстранение от должности 2-ого секретаря. Но не успели, так как я был вызван в Москву, в связи с давно запланированной поездкой в Страсбург, в ПАСЕ (Парламентскую Ассамблею Совета Европы) по вопросам нарушения прав человека в Литве. 14 января 1991 г. я выехал в Москву, а 16 января вылетел в Париж.

Я и сегодня считаю, что сделав заявление ЦТ, поступил правильно. События январской ночи показали, что коммунисты Литвы стали для Москвы разменной пешкой. Не вызывало сомнений, что теперь даже наши тайные сторонники постараются отмежеваться от КПЛ/КПСС. Самым тягостным было чувство бессилия. Изменить уже ничего было нельзя. Ландсбергис получил то, чего ему крайне не хватало. Всеобщую поддержку литовской нации.

В этой ситуации призывать людей стоять на позициях Литва в Союзе ССР, которые мало интересовали советское руководство, становилось просто преступным. Было ясно, что как только Литва выйдет из Союза, начнётся полномасштабное преследование сторонников советской власти. Дальнейшее развитие событий в Литве и Союзе подтвердило мой прогноз.

Печальные последствия кровавых событий у телебашни для сторонников СССР в Литве были очевидны даже для простых людей. В этой связи приведу две цитаты из книги литовского писателя и переводчика Георгия Ефремова «Мы люди друг другу». Вот его впечатления от встречи с одним из жителей Вильнюса, после ночных событий у телебашни: *«Иду через мост почти в ногу с каким-то взъерошенным человечком. Судя поговору – белорус. Он всё что-то бормочет:*

– Столько людей созвал на свою защиту! Крови-то не жалеют... Без крови какая свобода! А сам теперь в героях будет ходить.

Это про Ландсбергиса. Спрашиваю:

– Думаете, надо было разойтись и послушно отдать телевидение?

– А Бог его знает, что надо. Я тем этой ночи никогда не забуду. Раньше можно было ещё гадать – отделимся, не отделимся, теперь-то уж всё! С такими разве можно в одной хибаре? А Ландсбергу они точно помогли! Как сговорились».

Вечером того же дня Ефремов встретил знакомого, который сказал ему следующее. *«Это не просто мерзость – это великая глупость! Теперь нет пути ни к какому компромиссу – за эту ночь Москве придется платить одним: уходом отсюда. Мы знаем, что ни русские, ни поляки, да и коммунисты ни в чем не виноваты, – но как им, как вам теперь жить? Как может великая держава доверяться проходимцам? Как можно, борясь с Ландсбергисом, давать ему такой шанс?».*

Яснее сказать о ситуации после январской ночи просто невозможно. Это понимали все, кто жил в Литве. Но мои коллеги по ЦК КПЛ/КПСС или не понимали этого или делали вид, что не понимают. Ведь надо было сохранять вид, что ничего не произошло, как это делали в Москве. Но в Литве ситуация была сложнее, так как коммунисты Литвы вели за собой людей, вселяя в них неоправданные надежды.

К сожалению, в 1992 г. по вине этих коллег мне пришлось пережить немало неприятных минут. В декабре того года бывший зав. идеологическим отделом ЦК КПЛ/КПСС профессор Юозас Ермалавичюс направил в газету «Орози́сја» письмо, а точнее донос, под названием «Шила в мешке не утаишь». В нем он представил меня всемогущим «серым кардиналом», который якобы самолично, вопреки установкам бюро ЦК КПЛ/Литвы, инициировал союзные акции, направленные против независимой Литвы.

По утверждениям профессора получалась следующая картина. Швед позвонил в Москву – ввели чрезвычайные санкции (блокаду) против Литвы, предложил – запланировали ввести в Литве президентское правление и т.п. По словам Ермалавичюса, руководству ЦК КПЛ/КПСС якобы удалось с большим трудом добиться отмены решений, инспирированных Шведом.

Хотя известно, что отмена той же так называемой «блокады» произошло без вмешательства бюро ЦК КПЛ/КПСС. ВС Литвы объявил мораторий на Акт независимости и промышленный, подчеркиваю промышленный, газ и нефть опять стали поставляться в республику в полном объеме на условиях СОЮЗНОЙ республики.

Правда, возникает вопрос, а почему своевольного Шведа ещё в 1990 г. не поставили на место? Ведь первый секретарь ЦК М. Бурокаявичюс был членом Политбюро ЦК КПСС, а Швед всего лишь членом ЦК. Депутатом ВС Литвы я стал только в декабре 1990 г. Чего ждали? Или ситуация всё же была иная и инициаторами антилитовских акций были другие люди?

Ермалавичюс договорился до того, что обвинил меня в том, именно я предложил Горбачёву выдвинуть к Литве «территориальные претензии

относительно Вильнюсского и Клайпедского краёв», хотя известно, что публично Горбачёв озвучил эти претензии ещё 5 марта 1990 г. в ходе встречи с Председателем Президиума ВС Лит. ССР А. Бразаускасом, когда я не мог общаться с Генсеком.

Впоследствии Горбачёв на пленумах ЦК КПСС и XXVIII съезде КПСС взял за правило, хотя бы в одном из перерывов беседовать со мной. Потом мне объяснили, так он делал со всеми, кто мог в ходе пленуме или съезда прорваться на трибуны с незапланированным выступлением. Беседой в перерыве, он давал мне возможность высказать наболевшее и тем самым предотвращал мой выход на трибуну. В свой кабинет Горбачёв меня так не приглашал, да и нужды ни у него, ни у меня в этом не было.

Но вернусь к письму Ю. Ермалавичюса. Он в нём акцентировал, что *«В. Швед с ранней весны 1990 года сотрудничал со спецслужбами Литовской Республики»*. Действительно, я не боялся встречаться со своими бывшими коллегами по Компартии. Не боялся я и встреч с нашими «врагами» из «Саюдиса», даже с тем же А. Буткявичюсом. Меня интересовало их мнение и оценка действий Компартии Литвы/КПСС. Это помогало более правильно выстраивать тактику действий Компартии. Но предполагать, что это будет расценено, как сотрудничество со спецслужбами Литвы...

К сожалению, мои предложения, сделанные на основе этих встреч, воспринимались Бурокаявичюсом и Ермалавичюсом в штыки. Особенно раздражала их моя оценка ситуации, состоявшая в следующем: да, авторитет «Саюдиса» и Ландсбергиса падает, но авторитет Компартии/КПСС, к сожалению, не растёт. Видимо, полагали, что я озвучиваю оценку «той стороне». Хотя это был непреложный объективный факт. Не случайно уже с конца 1990 г. я оказался фактически изолированным от деятельности Бюро ЦК КПЛ/Литвы.

Тогда я не обратил на это внимание, так как был занят подготовкой материалов для «Белой книги» о нарушениях прав человека в Литве, предназначенной для ПАСЕ. Меня, правда, несколько удивило, что я был не поставлен в известие о намечаемой в ночь на 13 января силовой акции. Но я полагал, что в такой же ситуации находятся и мои коллеги. Ведь силовая акция не вызывала поддержки в ЦК КПЛ/КПСС. Вот и решили обойтись без

Михаил Горбачёв в Вильнюсе за год до январских событий. Этот его жест, выражающий полную растерянность, в Литве вспоминают часто. За его спиной – будущий президент Литвы Альгирдас Бразаускас и секретарь ЦК КПСС Вадим Медведев

нас. Вечер 12 января я с семьей провели в гостях у соседа Дмитрия Благовещенского, празднуя его день рождения. Этот факт неоднократно проверялся следователями Генпрокуратуры и подтвердился.

Замечу, что только впоследствии я выяснил, что о силовой акции было неизвестно и первому секретарю вильнюсского ГК КПЛ/КПСС и секретарю ЦК КПЛ/КПСС В. Лазутке. Лишь, прочитав его воспоминания, я понял, в чем была причина нашей изоляции. Мы с ним категорически выступали против силового развития ситуации в Литве, считая это выгодным только для Ландсбергиса.

Тем не менее, Ермалавичюс в письме без смущения утверждал, что я «активно и воинственно проявил себя 9–13 января на стороне Горбачёва и, как председатель Комитета граждан Литовской ССР и даже впутал эту организацию в январские события прошлого года в Вильнюсе».

В чём проявилась моя активность в январских событиях и каким образом Комитет граждан Лит. ССР участвовал в них, профессор так и не сообщил. Между тем, фактом является то, что безответственное заявление о взятии власти в республике Комитетом национального спасения Литвы вечером 12 января сделал именно Ермалавичюс. Но, при чём тут Комитет граждан Лит. ССР?

В конце письма Ермалавичюс привел, как он, видимо, считал убийственным факт. Он заявил, что Швед якобы «пытался взять в банке Новой Вильни 330 тысяч рублей партийных денег».

Я бы не стал ворошить прошлое, но 9 января 2015 г. некоторые цитаты из письма Ермалавичюса привел в злобной статье под названием «*Daug vienas giesmininkas iš Kremliaus ambonos*» (Ещё один псаломщик с Кремлевского амвона», DELFI.lt) литовский журналист Чесловас Ишкаускас (С. Iškauskas). Как я понимаю, эти факты ему предоставили литовские прокуроры, которые, видимо, присовокупили письмо Ермалавичюса к материалам моего уголовного дела.

Учитывая, что в 1992 г. литовские прокуроры насчитали в письме в письме Ермалавичюса 9 преступных эпизодов (!) моей деятельности полагаю, что на некоторые одиозные обвинения, которые предъявлены мне в письме, следует ответить. Хотя в феврале 1992 г. в Генпрокуратуре Литвы меня допрашивали целую неделю. Но обвинения были явно надуманными и мне удалось доказать их необоснованность. Однако дело на этом не закончилось.

Дело в том, что письмо Ермалавичюса и мой ответ на него были опубликованы в газете «*Orožicija*» (№ 11/14, 1992 г.). Этот факт стал каким-то образом известен (как мне потом сообщили) главе Верховного Совета В. Ландсбергису. Он незамедлительно дал указание задержать меня. Как это изобличенный сообщниками «преступник» разгуливает на свободе?

В результате, когда 12 мая 1992 г. я в очередной раз явился в Генпрокуратуру Литвы, меня задержали по причине того, что я якобы скрываюсь от следствия. Продержали меня в изоляторе предварительного заключения три

дня, но так как у следствия не было никаких доказательств моей противоправной деятельности, выпустили на свободу.

Относительно моего «сотрудничества со спецслужбами Литвы» скажу, что, учитывая содержание моих публикаций в 2004–2015 гг, посвященных несправедным властям современной Литвы, ДГБ давно бы обнародовало подтверждение моих связей с ними, если бы они были.

Что же касается моего патологического, по мнению профессора, стремления быть во власти, то, как объяснить то, что я осенью 1991 г. отказался от принятия гражданства ЛР и, соответственно, от мандата депутата Верховного Совета ЛР. Насколько мне известно, все бывшие агенты ДГБ, действовавшие в Компартии Литвы/КПСС устроились довольно неплохо. Что мне мешало так поступить, если бы сотрудничал с ДГБ?

По поводу измышления о моих всевластных связей в Москве. Замечу, что после выхода Литвы из СССР в сентябре 1991 г. никто в Москве и пальцем не пошевелил, что помочь «всесильному» Шведу с семьей перебраться в столицу. Тогда меня поддержали лишь власти белорусского Витебска, давшие разрешение на покупку мною квартиры.

Это произошло благодаря доброму отношению тогдашнего председателя витебского горисполкома Николая Алексеевича Федорчука и заместителя председателя витебского облисполкома Тихона Ивановича Мисуно (ныне покойного). Они не боялись дать указание оформить мне покупку квартиры строго по законам Белоруссии.

Это впоследствии помогло устоять перед давлением тогдашнего председателя ВС Белоруссии Ст. Шушкевича, трижды дававшего команду аннулировать покупку мною квартиры в Витебске. Но в Витебске тогда соблюдали законы. Это при том, что, что Белорусский народный фронт в 1992–1993 гг. дважды принимал решение о моём выселении из Белоруссии.

Ещё я хочу передать низкий поклон и благодарность всем витебчанам, а в их лице всем белорусам, доброту и сердечность которых я буду вспоминать до конца своих дней. Уверен, что белорусы это тот народ, который поможет русскому народу возродиться в полной мере.

Но вернусь к письму Ермалавичюса. Особо выскажусь о его заявлении по поводу моего «активного и воинственного участия» в январских событиях. Тут, уважаемый профессор, продемонстрировал полное отсутствие логики. Если бы я активно участвовал в январских событиях, то почему утром 13 января 1991 г. дал интервью ЦТ, в котором негативно оценил силовую акцию в Вильнюсе, заявив, что она усадила сепаратистов на белого коня?

Неужели, по мнению Ермалавичюса, я был настолько глуп, что не смог заранее просчитать последствия силовой акции. Это при том, что большинство моих прогнозов в тот период подтверждалось. Для этого достаточно просмотреть мои записки в ЦК КПСС (см. часть II).

И последнее, относительно злополучных 300 тыс. рублей, которые я якобы после московского путча пытался получить в банке Новой Вильне. Этот

банк обслуживал Компартию Литвы/КПСС и другие союзные структуры в Литве. Для ответа на это обвинение следует рассказать о событиях 1991 г. после январских событий.

Видимо, уважаемому профессору неизвестно, что во время неудачного покушения 9 ноября 1990 г. в Таураге один из «саюдистов» сумел нанести мне удар в голову, сбив очки, которые имели, кстати, минус 10 диоптрий.

К февралю 1991 г. я понял, что зрение ухудшается. Мой добрый знакомый и всемирно известный офтальмолог Святослав Николаевич Фёдоров (царство ему небесное) настоял на срочной операции. Первая операция была сделана 5 февраля на правом глазу. Через неделю прооперировали левый глаз, но неудачно.

Началось полугодовое лечение, когда я в основном проживал в Москве. В Вильнюсе я бывал лишь наездами. Зрение постепенно стабилизировалось, но левый глаз так полностью и не восстановился. В июне-июле 1991 г. я был отправлен на завершающую реабилитацию в санаторий «Южный». Поэтому мне, имевшему право подписи на финансовых документах ЦК, не пришлось ставить подписи ни на одном финансовом документе. В 1990 г. я также не подписывал ни одного финансового документа Компартии Литвы.

После моего выхода на работу 17 июля 1991 г., первый секретарь М. Бурокаявичюс предложил мне завизировать решение Бюро ЦК КПЛ/КПСС принятое без меня в начале июля 1991 г. В нём говорилось о нелегальной работе Компартии Литвы в условиях победы литовских сепаратистов. Я наотрез отказался и заявил, что в подобные игры не играю, так как это решение ставит коммунистов Литвы на одну доску с террористами «красных бригад» Германии и Италии. А для Генпрокуратуры Литвы это будет документом, на основании которого Компартию Литвы/КПСС могут признать террористической организацией.

Я напомнил Бурокаявичюсу, что с 1970 г. по 1977 г. в ФРГ на правящую буржуазию наводили ужас «красные бригады Баадера – Майнхоф». Я их упоминал в начале повествования. В апреле 1975 г. они захватили посольство ФРГ в Стокгольме, взяли в заложники сотрудников и требовали обменять их на единомышленников, которые сидели в тюрьме и им грозил суд.

Вот тогда и родилось такое понятие, как «стокгольмский синдром». Суть его заключалась в том, что ряд заложников проникся идеями «бригадистов», которые доходчиво объяснили, во имя чего они воюют. Однако посольство было взято штурмом, «бригадисты» были осуждены, после чего деятельность «красных бригад» в ФРГ постепенно сошла на нет.

Затем зная их борьбы подхватили «красные бригады» Италии. Те стали на путь открытого терроризма. Самой громкой их акцией было похищение и убийство в 1978 г. известного итальянского политика, бывшего премьер-министра, Альдо Моро.

После убийства Моро «бригадисты» перешли к массовым акциям, нападая на школы, университеты, транспорт, казармы карабинеров, штаб-квартиры

политических партий, в том числе и Компартии Италии. В декабре 1981 г. они похитили заместителя начальника штаба южного командования НАТО в Европе, бригадного генерала армии США Джеймса Доузера. Его, правда, удалось освободить.

«Красные бригады» считались в Европе радикальными коммунистами, так как они провозгласили борьбу с властью капитала. Идеи руководители «бригадистов» черпали из сочинений Маркса и Мао Цзедуна. Последний раз они напомнили о себе в 1989 г. Но Европа хранила о них память, отождествляя их с коммунистами.

Вот об этом я и сказал Бурокаявичюсу. В ответ мне пришлось услышать лекцию о коммунистическом подполье в довоенной Литве. Но профессор забыл, что тогда за литовскими коммунистами стоял коммунистический Союз СССР, а за нами стояла ельцинская Россия, отказывающаяся от социализма. Об СССР тогда уже не шло и речи.

В итоге я заявил, что вынужден уйти с поста 2-го секретаря. Вновь планировалось рассмотреть мой вопрос на бюро ЦК, но, видимо, помешала позиция ЦК КПСС. Мне позвонил секретарь ЦК КПСС А. Дзасохов и попросил повременить до сентября 1991 г., до очередного Пленума ЦК КПСС, чтобы потом найти благовидный повод для моего ухода из ЦК КПЛ/КПСС. **В такой ситуации полагать, что я мог подписывать какие-либо финансовые документы в ЦК, просто наивно.**

Ну, а далее был так называемый путч. Утром 22 августа я предложил Бурокаявичюсу раздать сотрудникам все наличные в кассе деньги и выдать им трудовые книжки. Он пришёл в возмущение и отказался даже разговаривать на эту тему. Считал, что паниковать нет оснований. Но после обеда здание ЦК блокировали вооружённые литовские милиционеры и положение стало угрожающим.

Как мне потом стало известно, сразу после провала московского «путча» в августе 1991 г., управляющий нововильняским банком с наличными деньгами убыл в Минск, где впоследствии открыл коммерческий банк. Видимо, там и осели эти 300 тысяч руб. Между тем известно, что Бурокаявичюс и Ермалавичюс одно время скрывались в Минске. Вот столько о непростых отношениях, которые сложились в ЦК КПЛ/КПСС в 1991 г.

Продолжу разговор по поводу абсурдных обвинений, которые мне предъявляет Генпрокуратура Литвы. Ещё раз напомним, что осенью 1990 г. я был беспрепятственно зарегистрирован в качестве кандидата в депутаты Верховного Совета Литвы. 24 ноября 1990 г. я был избран депутатом в 21-ом Нововильняском избирательном округе с результатом 74,1%. До этого избиратели этого округа четырежды фактически бойкотировали выборы в ВС.

Баллотировался я как гражданин СССР, член ЦК КПСС, второй секретарь ЦК Компартии Литвы/КПСС и председатель Комитета граждан Лит. ССР. Мои политическая позиция и мои заявления после объявления Литвой

независимости были хорошо известны в республике. Но никаких претензий к моей политической деятельности в 1990 г. ни Центральная избирательная комиссия Литвы, ни Генпрокуратура Литвы не предъявляли.

5 декабря 1990 г. мои полномочия, как депутата были подтверждены на заседании ВС Литвы. Вновь никаких замечаний. Не были предъявлены мне претензии и по поводу моей политической деятельности в 1991 г. Прекращение полномочий меня как депутата ВС ЛР наступило только 5 ноября 1991 г., но не в связи с моей «преступной» деятельностью, а в связи с моим отказом принять гражданство ЛР.

Единственное чем отметило руководство Верховного Совета мою позицию, это тем, что после январских событий мой стол в зале заседаний был поставлен крайним в левом первом ряду и **отделён от всего зала пустым санитарным кордоном шириной в два метра.** Я сидел один за двойным столом под контролем президиума и всего зала.

Помимо этого с весны 1990 г. я был под самым пристальным вниманием литовского ДГБ. Все мои передвижения и контакты фиксировались, благо, что я их не скрывал. Свою позицию я всегда честно и открыто высказывал. Известно, что в аппарате ЦК КП Литвы/КПСС действовали три агента ДГБ.

Если бы они имели информацию о каких-либо «преступных» эпизодах моей деятельности, то я был бы незамедлительно задержан после августа 1991 г., ведь в Литве я проживал до 1992 г. А в июле 1993 г. даже приезжал в Вильнюс из Белоруссии на судебный процесс по делу Грибанова и Резника. Не вызывает сомнений, что при наличии какой-либо вины, я бы этого не делал. Ведь не глупец же я?

Возникает вопрос, если Верховный Совет Литвы в 1990-1991 г. не считал преступными Компартию Литвы, Комитет граждан Литовской ССР и КПСС, то на каком основании сегодня Генпрокуратура Литвы утверждает, что я с 11 марта 1990 г. занимался преступной политической деятельностью в нелегальных политических организациях «другого государства».

Напомню литовским прокурорам, что вплоть до 23 августа 1991 г. ни я, ни Компартия Литвы/КПСС, ни возглавляемый мною Комитет граждан Лит. ССР **никаких уведомлений о нелегальной и противозаконной деятельности не получали.** Да и 23 августа 1991 г. запрещение деятельности Компартии Литвы/КПСС произошло с явным нарушением законодательства ЛР.

В этой связи предлагаю Генпрокуратуре Литвы обратиться в Сейм Литвы с законопроектом, который задним числом признал бы депутата В. Шведа преступником и вычеркнул его из числа депутатов Верховного Совета/Восстановительного Сейма.

Литовский парламент имеет большой опыт по перекраиванию исторического прошлого законодательным путем. Но принятие такого решения будет полным фиаско и Сейма и Генпрокуратуры Литвы. Состоявшееся историческое прошлое невозможно повернуть вспять, как нельзя дважды войти в одну и ту же реку.

**В.Н. Швед, в 1990–1991 гг.
2-й секретарь ЦК Компартии
Литвы, член ЦК КПСС,
депутат Верховного Совета Литвы,
председатель Комитета граждан
Литовской ССР**

Выступление В. Шведа на митинге 18 марта 1990 г. в г. Вильнюсе

Дабы необоснованность и надуманность обвинений, выдвинутых литовской Фемидой в адрес В. Шведа была очевидной, приведу своё ключевое выступление, прозвучавшее 18 марта 1990 г. на 100-тысячном митинге сторонников Союза ССР в Вильнюсе.

Как известно, 15 марта 1990 г. третий внеочередной Съезд народных депутатов СССР принял Постановление о том, что решения Верховного Совета Литовской ССР от 11 марта 1990 г. о восстановлении Литовской Республики и выходе из Союза не имеют законной юридической силы. Я и профессор М. Бурокаявичюс участвовали в работе Съезда.

На митинге я выступил с впечатлениями от этого Съезда. В моём выступлении нет экстремистских призывов, в которых меня пытается обвинить Генпрокуратура Литвы. Оно лишь констатировало ситуацию, сложившуюся в Литве и СССР, а также информировало население республики о решении, принятом высшим государственным органом власти – Съездом народных депутатов СССР.

Вот текст этого выступления, воспроизведенный по магнитофонной записи.

«Дорогие друзья! Товарищи!

Мы сегодня с профессором Бурокаявичюсом вернулись из Москвы. (*Массовые аплодисменты*).

Средства массовой информации и «Саюдис» пытаются уверить всех, что в Литве всё спокойно, решения Верховного Совета приняты однозначно и недовольных лишь маленькая кучка... (*Массовый шум возмущения*).

Нас здесь свыше ста тысяч и это ещё далеко не все, кто смог сюда придти. Посмотрите на ту сторону реки, посмотрите, сколько людей слушают то, что происходит в Вильнюсе и поддерживают нас. (*Аплодисменты*).

Как участник Пленума ЦК КПСС и третьего внеочередного Съезда народных депутатов СССР я воочию почувствовал ту поддержку, ту озабоченность,

с которой люди всей огромной страны Советов восприняли весть о том, что Литва в одностороннем порядке объявила о выходе из СССР.

Съезд подтвердил, что на территории Литовской Советской Социалистической Республики продолжает действовать Конституция СССР. (*Аплодисменты одобрения*). И права каждого советского гражданина охраняются советским законодательством. (*Крики «ура», аплодисменты*).

Съезд подтвердил и право литовского народа на самоопределение, но оно должно быть в соответствии с законом, так, как полагается, чтобы ни один человек, ни одна человеческая личность не была ущемлена. Чтобы мнение всех тех, кто пришёл на эту площадь, тех, кому дорог социализм и советская власть, кому дорога дружба между народами, те, которые сегодня рассчитывают на помощь всего Советского Союза, не остались сегодня в одиночестве. (*Аплодисменты*).

Почему мы сегодня пришли сюда? Я думаю, что, прежде всего, потому, что не уверены в своем будущем. Это так или нет? (*Возгласы – «Да!»*). Мы не уверены потому, что нам предлагают безработицу. Это – для одних, а для других предлагают частную собственность. Скажите, что общего у тех, кто может стать безработным, с теми, кто будет владеть частной собственностью? Вот в чём сегодня суть вопроса! Сегодня в Литве реставрируются капиталистические порядки, и кое-кому очень выгодно, чтобы тот капитал, который они сумели накопить, пошёл в дело.

Но я уверен, что простые люди Литвы поймут, что именно в единстве Союза, в дружбе со всеми народами, которые также хотят достойно жить, можно строить то гуманное общество, которое иногда провозглашается только на словах. Вот сегодня много говорится о терпимости, о плюрализме мнений, о демократизме и так далее. Я хочу привести вам лишь один пример. Как поступил «Саюдис» с теми коммунистами, которые поддерживали его? Что с ними сделали? Их выбросили из политической жизни! (*Возгласы возмущения*).

Сегодня надо не столько призывать к согласию, к терпимости, столько поступать в соответствии с провозглашаемыми принципами. А на деле происходит иное! Любое выступление, высказанное в разрез с мнением «Саюдиса» или Верховного Совета, воспринимается как оскорбление, и сразу требуют привлечь к ответственности. (*Возгласы возмущения*).

И последнее. Что нам сегодня делать? Хотел бы только напомнить вам такие слова: не бойся врагов – в худшем случае, они могут тебя убить; не бойся друзей – в худшем случае, они могут тебя предать; но бойся равнодушных, ибо при их молчаливом согласии в мире вершатся ложь, предательства и убийства. Мы сегодня, своим не участием в голосовании, в выборах, позволили придти к власти тем, кто хочет толкнуть Литву на губительный путь.

Сегодня для нас спасение одно – это мы сами! Наше единение, наша поддержка друг друга, наша помощь и помощь всех народов Советского Союза, в котором мы должны быть равными, свободными, независимыми от диктата, при братской помощи всех людей нашей огромной страны.

И я ещё раз хочу сказать. Как участники Пленума, участники Съезда, мы неоднократно встречались с руководством страны. Было полное заверение о том, что советские люди нашей республики не останутся в беде и им помогут! (*Аплодисменты*)».

Речь адвоката Э. ШАЯУКАЙТЕ на заседании Апелляционного суда ЛР

Убедительная аргументация надуманности и необоснованности обвинений, выдвинутых Генпрокуратурой Литвы против руководителей Компартии Литвы/КПСС с правовых позиций была представлена в речи адвоката Э. Шаяукайте в Апелляционном суде Литовской Республики. Она прозвучала 4 октября 2000 г. Тогда г-жа Э. Шаяукайте выступала, как защитник секретаря ЦК Компартии Литвы/КПСС, Заслуженного деятеля культуры Литвы Ю. Куолялиса по делу о январских событиях 1991 г. в Вильнюсе.

Примечание. Перевод текста речи с литовского языка был осуществлен лично г-жой Э. Шаяукайте. Я позволил себе лишь небольшие стилистические правки. Цитируется по книге В. Иванова «Гекатомба». Трилогия. Книга третья «Аутодафе»: <http://www.proza.ru/2010/01/06/1101>. В. Ш.

1) Анализируя отдельные части приговора, прежде всего, не могу согласиться с утверждением, изложенном на стр. 3 Приговора, о том, что Коммунистическая партия Литвы после объявления акта 11 марта [1990 г. – о независимости] стала отделением организации иного государства. Такой вывод Приговора ничем не обоснован.

Следуя такому выводу, пришлось бы полагать, что акт 11 марта автоматически решил все вопросы государственного управления, имущества, партий и деятельности всех организаций. На самом же деле было не так. После 11 марта были приняты конкретные решения о бывших союзных организациях, о дальнейшем их статусе в Литве. Об этом говорится и в Приговоре, на той же странице: *«Другими законами были определены структуры хозяйства и управления, прекращена деятельность гражданских и военных организаций СССР – чужого государства».*

В отношении же партии не было принято никакого юридического акта, т. е. партия не была признана ни структурой другого государства, её деятельность не была запрещена. В Литве начала образовываться многопартийная система. После отделения Демократической партии трудящихся Литвы (ДПТЛ) [в декабре 1989 г. от Компартии Литвы], КПЛ имела двойное название КПЛ/КПСС не потому, что была структурой другой партии, а для того, чтобы членские взносы не попадали на счёт ДПТЛ.

КПЛ имела свой Устав и Программу, и эти документы свидетельствуют о её полной самостоятельности. Партия в Литве работала легально уже мно-

го лет, работала в красивейшем административном здании, вместе с ДПТЛ. Регистрация партии не была отозвана и не была отменена. Не было и предупреждений о её неправомерной деятельности. В то время в Литве уже был свой собственный аппарат насилия и любые нарушения в деятельности партии были бы соответственно пресечены. Компартия Литвы была запрещена позже – 22 августа 1991 г., увы, не в установленном законом порядке. Это печальный пример о том, что, едва появившись, новая власть пренебрегла законом.

Итак, никакими документами не подтверждён вывод Приговора о том, что КПЛ была подразделением другой партии. После запрета КПЛ никакой деятельности больше не проводила.

В Приговоре очевидна мысль, что подсудимый виновен в том, что принадлежал к партии и работал в центральном аппарате одним из руководителей. И этот вывод, увы, не обоснован. До запрещения партию не считал преступной даже Верховный Совет Литвы.

Вот запись из трудовой книжки Ю. Куолялиса: «Уволен с должности советника Верховного Совета Литвы в связи с избранием на избираемую должность», т. е. в ЦК Компартии, в члены Бюро – (т. 336, стр. 216). Выплачено выходное пособие, т. е. и Верховный Совет признавал Компартию Литвы/КПСС легальной, а не преступной партией, не заграничной организацией в Литве.

Поэтому следует вывод, что Ю. Куолялис ни в каких преступных организациях не работал. Ст. 3 УК ЛР гласит, что лицо подлежит наказанию, если его деяния и наказуемость были предусмотрены законом, и если от лица возможно требовать законопослушное поведение. Партия не была запрещена, не было требования не принадлежать к этой партии, и, даже, официально партия не считалась преступной, или подразделением организации другого государства. Поэтому необоснован аргумент Суда на стр. 3, что партия исполняла указания руководства СССР. В деле нет данных ни об указаниях, ни об исполнениях, и не допустимо Приговор обосновывать домыслами и спекуляциями.

2) На стр. 3 Приговора утверждается, что органы СССР препятствовали властям Литвы исполнять функции и применяли насилие против жителей Литвы. И тут же, не указывая действий лиц, определяется, что КПЛ/КПСС после акта 11 марта была антигосударственной организацией, а в её деятельности активно участвовали подсудимые, с целью свергнуть власть силой, препятствовали работе, пугали и угрожали жителям.

Здесь очевидно, что работники аппарата КПЛ принимаются за единое с государственной властью СССР, действия последней засчитываются как действия партии. Но ведь КПЛ не была руководящей, не имела силовых структур для такой деятельности. Ю. Куолялис не свергал власть, не пугал и не угрожал жителям – в деле нет такого материала.

Полагаю, что в Приговоре не соблюдаются требования уголовных законов относительно оценки вины: преступлением является действие или без-

действие, причинившее существенный ущерб. Необходима и субъективная сторона. В Приговоре же довольствуются тем, что Ю. Куолялис работал в ЦК, и тут неизбежно вспоминается вывод Андреаса Гросса – представителя Ассамблеи Евросовета: *«Невозможно установить возможности чиновника или партийного лидера провинции в бывшей системе»* (стр. 6 январского 2000 г. Документа ПАСЕ, он есть в деле). Суд же эти возможности не учитывал.

3) Достойны внимания установленные Судом доказательства вины (стр. 4): *«Целью пропаганды были силы в самой Литве, чтобы вернуть её в состав СССР. Эту роль исполняла КПЛ/КПСС»*. Из вывода следует, что Суд считает, что КПЛ было поручено вести пропаганду в Литве за сохранение единства СССР. И дальше, как преступное деяние Суд перечисляет: КПЛ Литву называла ЛССР, утверждала, что действует Конституция СССР, требовала внедрять решения депутатов СССР. Суд не указывает, кому были направлены требования, а ведь требовать можно только от подчинённых структур или лиц.

Уважаемый Суд, вся эта перечисленная деятельность, если такая и была, то всего, навсего лишь пропагандистского характера, выражала позицию партии и не имеет признаков преступления. Можно было бы понять такие обвинения между партиями в предвыборной кампании, но это ведь написано в Приговоре?!

На той же 4-й странице Приговора Суд утверждает, что КПЛ свою деятельность закончила 22 августа 1991 г., что политический вес её был незначителен. Однако Суд тут же утверждает, что КПЛ подстроила и пыталась свергнуть власть силой. Такое утверждение не обосновано ни материалами дела, ни логической последовательностью. КПЛ не была сама и не имела подвластных силовых структур, чтобы свергнуть власть силой.

Обвинение загадочно и потому, что Литва, имея силовые структуры и аппарат насилия, КПЛ до этого не запрещала. Возможно, учитывала сложность положения. Литву не признавали другие государства, не контролировалась своя территория, не были установлены государственные границы, на территории находилась армия СССР, была общая валюта, и много других нерешенных вопросов.

Поэтому декларативным и немотивированным является вывод Суда, что после 11 марта деятельность КПЛ была антигосударственной. Ведь какая была, такая и осталась. Из материала дела видно, что КПЛ высказалась за экономически сильную и самостоятельную союзную республику. В её Уставе и Программе говорится о развитии экономики, внимании к трудящимся людям, указаны способы решения вопросов, перспективы дальнейшего исторического развития.

Различные партии могли бы спорить о лучших путях развития, но мы никак не найдём признаков, что КПЛ и Ю. Куолялис действовали против

государства вообще, нет даже подобных высказываний. В Программе лишь предполагается, обусловленное аргументами.

Ещё много лет назад итальянский юрист Чезаре Бекария учил, что установить, что является справедливым или не справедливым в политических делах – забота публицистов, а чтобы не было политических преступлений, необходимо отменить несправедливые уголовные законы. В Литве, увы, не имеем школы политической культуры и политические споры решает Суд.

4) Вывод Суда не обусловлен доказательствами, что Ю. Куолялис был членом президиума комитета Граждан СССР. В деле много списков членов этого комитета, в разных вариантах, это не оригинальные документы, и не известно – то ли это проекты, черновики, вписаны ли в них фамилия по согласию кандидата, или хотя бы уведомив его об этом. Дата Учредительного съезда – 21 апреля 1990 г. – указана не точно. В другом месте указано – 28 апреля 1990 г. Нет данных об участии Ю. Куолялиса в деятельности этого комитета, и нет связи Ю. Куолялиса с подготовкой документов съезда.

Стоит обратить внимание, что по документам комитет утверждён в апреле 1990 г., а уголовный закон [ст. 70 УК ЛР] объявлен 11 ноября 1990 г.

5) На стр. 5 Приговора Ю. Куолялис обвиняется в том, что он учредил радио «Советская Литва». Суд не обращает внимание, что в деле есть документы, разрешающие такое радио учредить (т. 14, стр. 47, номер документа 478). В Управлении контроля Печати зарегистрирована радиостанция «Советская Литва», уплачено 500 руб. госпошлины, подписал начальник Баублис, дата 23 июля 1990 г. – уголовная статья тогда не была объявлена. Был счёт в банке, была печать. Поэтому вывод Суда о преступлении необоснован.

В т. 14 на стр. 243 есть должностная инструкция редакции радио, там указано кто за что отвечает: *«Главный редактор – руководит всей работой редакции, за неё несёт полную ответственность. Корреспондент – ответственный за собирание информации, несёт полную ответственность за объективность предъявленной им информации».*

Т. 14, стр. 183 – опрос работника редакции К. Шилгалиса: *«Текст оглашаемых документов редакция брала из газет, в ЦК было информационное агентство, руководил Толяутас. Но работало агентство слабо. Информация опаздывала, поэтому работники редакции сами брали газеты и объявляли их текст».*

По указанным причинам я считаю, что Вильнюсский Окружной суд необоснованно инкриминировал Ю. Куолялису учреждение радио «Советская Литва» или участие в её работе, как преступление. В выступлениях самого же Ю. Куолялиса по радио нигде не было призывов к насилию. Прошу обратить внимание на эти противоречия. Во время разбирательства дела я просила Суд назначить экспертизу текстов выступлений Ю. Куолялиса, – носят ли его высказывания угрожающий характер, но Суд мою просьбу отклонил.

6) На стр. 5 Приговора утверждается, что КПЛ в т. ч. и Ю. Куолялис занимались антигосударственной деятельностью, и особенно это проявилось в январе 1991 г., когда руководство СССР и его армия пытались силой свергнуть власть. Но именно здесь Суд явно игнорировал имеющиеся в деле данные. На судебном разбирательстве неоднократно сам подсудимый, другие подсудимые, защитники изложили факты о том, что в то время Ю. Куолялис находился в Лаосе.

Есть статьи в журнале «Гайрес», в которых изложено, где в то время находился Ю. Куолялис. В деле имеются билеты на самолёт, свидетельствующие об отъезде Ю. Куолялиса (т. 336, стр. 215). Всё говорит о том, что Ю. Куолялис тогда не был в Литве, а в Лаосе, на другом континенте. Позднее был в Петербурге и в Москве, вернулся лишь 12 января 1991 г.

Однако Суд не замечает наглядного алиби и утверждает, что Ю. Куолялис и руководство СССР, а также армия пытались свергнуть власть. Даже не мотивируется, почему Суд отклоняет очевидные доказательства, и почему он делает такой вывод – без никаких доказательств. Почему обвиняет в такой сложной и широкой деятельности, которую и проводить невозможно, находясь за границами своего страны.

7) На стр. 5 Приговора утверждается, что КПЛ/КПСС организовала поездку в Москву и на встрече с Нишановым была высказана просьба ввести президентское правление в Литве. Таким образом, была сделана попытка вернуть Литву в состав СССР. Но ведь Ю. Куолялис в то время не был в Литве, не был он и у Нишанова. Вывод Суда не соответствует реальности, Ю. Куолялису приписывается не его деятельность, если таковая вообще была.

8) На той же стр. 5 утверждается, что руководство КПЛ/КПСС, а также Ю. Куолялис, координировали действия антигосударственного характера, готовили дружины, посылали ультиматумы. Эта деятельность везде приписывается руководству КПЛ/КПСС, и не обращается внимания на то, что одного руководителя, а именно Ю. Куолялиса, в данное время в Литве не было, и он не мог как-либо действовать или решать. Суд также не указывает, что же совершил лично Ю. Куолялис.

9) На стр. 6 – много рассуждений о том, какие были подготовлены документы и указывается, что это организовала КПЛ/КПСС, руководство партии, т. е. и Ю. Куолялис. Утверждается, что и из необъявленных документов видны антигосударственные цели и его участие в активной антигосударственной деятельности. Суд не указывает, чем это обосновано, какие документы подготовил и опубликовал Ю. Куолялис, будучи за границами Литвы, какая связь у него с дружинниками, Комитетом граждан СССР, комитетом Национального спасения, как проявилась активная деятельность Ю. Куолялиса при этом и во всём этом.

Здесь очевидно, что Суд применяет принцип коллективной ответственности. Суду достаточно, что Ю. Куолялис член руководства Компартии Литвы. К тому же Суд утверждает, что и по неопубликованным документам очевидны антигосударственные цели. Такой вывод противоречит даже ст. 17 УК ЛР – добровольный отказ от деяния. Ведь, как не действительны необъявленные законы, так не должны являться доказательством вины и необъявленные или нереализованные документы. От документа до деяния – дальний путь.

К тому же о документах в этом деле – сотни томов различных материалов, а они не соответствуют элементарным требованиям документов, поэтому и как доказательства – ничтожны: не оригиналы, без подписи, неизвестно кем написаны, чьё мнение выражено, списки фамилий повторяются в разных вариантах, невозможно понять – лицо избранное или нет, участвовало ли оно вообще на собрании, когда избиралось.

Упоминается уйма документов, подготовленных и опубликованных руководством ЦК Компартии Литвы, их инкриминируют и Ю. Куолялису. Но ведь для того, чтобы их подготовить нужно время, их нужно согласовывать со многими структурами партии, – а как это сделать, не находясь в Литве. Суд даже не указывает ни одного документа, который бы лично подготовил именно Ю. Куолялис.

10) На стр. 12 Приговора утверждается, что подсудимые, в том числе и Ю. Куолялис неправильно управляли имуществом Вильнюсской высшей партийной школы, Комитета РТВ, Дома печати, помещением передающего центра РТВ, а в нем работало «Каспервидение», издавались газеты и таким образом продолжалась антигосударственная деятельность. Суд не предоставляет аргументы, почему считает партию управляющей имуществом, хотя очевидно, что имущество похитили и управляли им военные СССР до тех пор, пока это не прекратилось по межгосударственным договорам.

Суд необоснованно гражданские отношения перенёс в уголовное дело. Правомерно или нет управление имуществом, отношения собственника и управляющего, аренда или пользование – эти отношения регулируются соответствующими статьями Трудового кодекса ЛР, эти гражданские статьи и должны решать спор об имуществе. Прошу Суд обратить внимание на применение законов.

Ведь Компартия Литвы и Ю. Куолялис не участвовали в захвате имущества или помещений, даже просьбы такой не было, хотя КПЛ могла претендовать на имущество. Наоборот, в деле есть Указы СССР – объекты занимаются для охраны, поскольку являются имуществом СССР. В истории много случаев, когда армия применялась против гражданских лиц – Новочеркасск, Тбилиси, Баку, Чечня. И никакая партия там не обвиняется, что пригласила армию. В Литве же всё наоборот.

Из материалов дела видно, какой ущерб нанесён армией. Нелегко было получить средства – сотни тыс. рублей от СССР, для восстановления объ-

ектов. Ю. Куолялис сумел выпросить эти огромные средства. Они достались Литве. Ведь ради интриги Буткявичюс Дом печати и Верховный Совет планировал сжечь – мол для защиты! Но где же здесь антигосударственная деятельность Ю. Куолялиса?

Власть и государство – не одно и то же. Для власти необходима оппозиция, контроль и критика. В помещениях работали редакции, они выражали свои позиции – идеи, вели дискуссию, критиковали решения властей Литвы. КПЛ была партией, находящейся в оппозиции, пользовалась конституционными гарантиями: иметь свои убеждения, свободно их выражать, получать и разглашать информацию, идеи. Это ведь зафиксировано и в ст.10 Конституции Литвы.

11) На стр. 12 утверждается, что Ю. Куолялис 17 марта 1991 г. активно организовал Референдум о сохранении СССР. Но из материала дела очевидно, что этот референдум организовал не Ю. Куолялис и не КПЛ. Литва имеет Закон о референдуме. Суд не указывает, какая статья этого закона была нарушена. Оказывается, ни одна. Межгосударственные отношения часто бывают очень сложными. Жители Литвы все тогда имели паспорта гражданина СССР, существовала единая визовая система, Литву не признавали другие государства.

На референдуме ставился вопрос о сохранении государства СССР. Почему боялись спросить мнение? В чём был нарушен Закон о референдуме? Суд не аргументирует. А аргументы нужны, т. к. тот же Закон гласит, что важнейшие вопросы государства решаются на референдуме, нельзя контролировать волеизъявление граждан, право агитации имеют политические партии, а ответственность предусмотрена лишь за препятствие в проведении референдума и подделку его результатов. Никакая новая организация не была учреждена, если судить с точки зрения ст. 70 УК ЛР. Поэтому считаю обвинение необоснованным.

12) На стр. 55 – антигосударственные цели (Суд повторяется). КПЛ положительно встретила решение СССР – признать независимость [Литвы]. Вот и доказательство, что подсудимые не являлись противниками независимости Литвы и пытались ограничить её суверенитет.

13) На стр. 56 – КПЛ содержалась на средства КПСС, в Литве работало около 800 человек в аппарате партии, во многих учреждениях. Почему выделяют именно эту партию? Ведь в то время ещё многие организации финансировала Москва, в том числе и ДПТЛ. Государство не было отделено. Партия имела поддержку в обществе и это не вина Ю. Куолялиса.

Партия не новичок в Литве, поэтому не был нарушен закон о партиях, как утверждает суд – запрещено организовывать подразделения партий других государств. КПЛ не была вновь организованной партией, она продолжала

свою деятельность с 1918 г., и не являлась подразделением КПСС. А вот в отношении к ней Верховный Совет Литвы грубо нарушил Закон о партиях, т. к. запретил её деятельность не в порядке установленном законом. Окружной суд не обратился в Конституционный суд, чтобы разрешить этот до сих пор спорный вопрос.

14) На стр. 57 – Ю. Куолялис избран в Комитет граждан СССР (Суд повторяется). Обвиняет, не указывая конкретные деяния.

15) На стр. 61 – Ю. Куолялис выразил положительное мнение о Комитете граждан СССР в своём докладе на 2-ом этапе съезда Компартии Литвы [июль 1990 г.]. (Суд повторяется). Наказуемо не мнение, а деяние или преступное бездействие, гласит УК ЛР.

16) На ст. 72 – Радиостанция «Советская Литва». Аналогично газетам - на радиостанцию дано согласие соответствующим Управлением контроля, всё уплачено, оформлено. К тому же – Ю. Куолялис в Вильнюс вернулся 12 января 1991 г., а само радио имело ответственных руководителей и корреспондентов.

17) На стр. 75, 76 – Учреждение Конгресса демократических сил, Ю. Куолялис избран заместителем председателя. По показаниям В. Шведа, который, в свою очередь, не был опрошен на Суде, Ю. Куолялис в то время [в декабре 1990 г.] был в Лаосе. К тому же Суд не указывает конкретной деятельности подзащитного в этой организации.

18) По показаниям С. Нагорного, в митинге 9 января 1991 г. участвовали все секретари ЦК КПЛ. Но Ю. Куолялис был в это время в Москве и не мог быть в Вильнюсе (Суд повторяется).

19) На стр. 99 – Документы КНС (Комитета национального спасения) готовили, размножали, печатали, публиковали работники и структуры КПЛ. Суд должен доказать, кто, что совершил, ведь решается вопрос вины и ответственности. Нет связи между деятельностью Ю. Куолялиса и КНС. Суд не установил, был ли этот Комитет вообще, а уже инкриминирует сомнительную деятельность. В т. 213, стр. 10 – есть заключение экспертов: «Из текста невозможно установить автора», – а Суд обвиняет в этом Ю. Куолялиса.

20) На стр. 222 – о газете «Литва Советская» – Суд повторяется.

21) На стр. 222 – Ассоциация РТВ [Радио и телевидения] – эта идея исходила из ЦК КПЛ. (т. 14, стр. 94) 28 мая 1991 г. зарегистрирован Устав Ассоциации РТВ, счёт, печать, чековая книжка, приняты работники. Суд не

обсуждает, чем опасна деятельность названной Ассоциации, ущерб, личную ответственность. Не обсуждает того факта, что Литва от того, что была учреждена Ассоциация, лишь выиграла. Ассоциации были выделены огромные деньги. А ведь первый признак преступления – ущерб.

22) На стр. 224 – Суд повторяется – в занятых помещениях хозяйствовали подсудимые, а военные испортили имущество и унесли личные вещи. Суд делает необоснованный вывод, что подсудимые не осудили агрессию в январе. На Бюро [ЦК КПЛ] оценка была дана, выражено соболезнование, ЦК КПЛ отмежевался от подстрекательств на конфликт, ещё раз заявлено и подтверждено, что для КПЛ были приемлемы лишь мирные формы политической борьбы. Оценка январских событий была дана в левой прессе.

23) На стр. 228 – необоснованный вывод о том, что КПЛ призывала руководство СССР к применению военной силы и усилила это после 8 января 1991 г. Ю. Куолялис в те дни в Вильнюсе отсутствовал, и никогда за военное вмешательство не высказывался.

24) На стр. 229 – Суд повторяется о КНС.

25) На стр. 230 – о связях подсудимых с военными. Один свидетель видел Ю. Куолялиса на территории завода у О. Бурденко [директора Вильнюсского завода радиоизмерительных приборов]. Необходимы более серьёзные доказательства.

26) На стр. 230 – эксперты из Москвы беседовали с Ю. Куолялисом и другими работниками ЦК КПЛ. Беседа состоялась давно после событий [январских] и не имела никакого практического значения.

27) На стр. 231 – Бюро [ЦК КПЛ] одобрило деятельность КНС. Наказуемо деяние, но не мнение. Ю. Куолялис в это время был в отъезде.

28) На стр. 232 – Суд повторяется о КНС. Нельзя повторять судебную практику, когда неконкретные и догматичные обвинения прокурора Суд переписывает их в приговор.

29) На стр. 232 – Суд всю деятельность КПЛ/КПСС оценивает не отдельными эпизодами, а как единую антигосударственную деятельность. Суд лишь выражает враждебное отношение – своё или волю других в отношении к КПЛ. «Партия являлась 5-ой колонной» – почти как из патриотических приговоров 50-х годов.

30) Ст. 70 УК ЛР [антигосударственная деятельность, создание антигосударственной организации] – оглашена 11 ноября 1990 г., однако она

инкриминируется учреждению партии [КПЛ], редакций, ассоциаций, которые были учреждены намного раньше. Известно, что, как правило, законы не имеют обратной силы. Это положение зафиксировано в пункте 2 статьи 11-ой Всеобщей декларации прав человека, а также в пункте 1 статьи 7-ой Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод.

31) На стр. 232 анализируется деятельность [КПЛ] в конце 1990 г. и в начале 1991 г. Именно тогда Ю. Куолялиса не было в Литве. Суд не мотивирует, почему отклоняет это очевидное алиби.

32) Суд не учитывал роли и конкретных действий каждого отдельного подсудимого.

33) Суд не указывает облегчающих обстоятельств. Ю. Куолялис много хлопотал о выделении средств для восстановления литовского Радио и Телевидения, поэтому удалось избежать ущербных последствий (ст. 40 УК ЛР).

В прошлом Ю. Куолялис много работал на благо народа, действовал по политическим убеждениям, является Заслуженным деятелем культуры Литвы (ст. 40 УК ЛР).

34) Суд никак не учёл пожилой возраст и состояние здоровья подсудимого.

Аргументы прокуратуры не достаточны для уголовного дела.

Прошу апелляционную жалобу удовлетворить и Ю. Куолялиса оправдать.

Дело полковника Ю. Меля

Ранее говорилось, что в марте 2014 г. при пересечении литовско-российской границы был задержан российский полковник запаса Юрий Мель. В литовских СМИ по этому поводу было заявлено «Исторический поворот в деле 13 января: задержан долгое время скрывавшийся гражданин России». Информация была представлена таким образом, чтобы создать впечатление о задержание крайне опасного преступника, скрывавшегося много лет.

На самом деле полковник Мель никогда не скрывался и, выйдя в запас, последние годы регулярно ездил в Литву за лекарствами, которые там дешевле. Он диабетик. Его «вина», как бывшего 22-летнего лейтенанта Советской Армии, состоит лишь в том, что в ночь на 13 января 1991 г., он, командуя танком с бортовым номером 544, приписанным к 107-ой мотострелковой дивизии, дислоцированной в Вильнюсе, в соответствии с приказом участвовал в силовой акции по восстановлению действия Конституции СССР в Литовской ССР.

Арестованный в Литве Юрий Мель и пикет в его защиту в Санкт-Петербурге

Вот как описываются в «Определении» о признании Ю. Меля подозреваемым от 10.06.2013 г. его действия у вильнюсской телебашни. *«Танк под командованием Ю. Меля, бортовой номер 544, наводчик Д. Большаков, механик-водитель С. Драгоценный (в отношении его уголовное преследование за преступления против человечности и военные преступления не ведется) выломал забор, ограждающий территорию телебашни с западной стороны, опасно маневрируя, въехал на территорию, где не менее трёх раз выстрелил из орудия холостыми зарядами, пускал дымовые завесы, световыми приборами военной техники светил в гражданских лиц, занимаемый объект и расположенные вокруг здания, таким образом запугивая и терроризируя гражданских лиц».*

Всё и никаких конкретных преступлений против человечности. Тем не менее, Мель преследуется, как член «организованной преступной группы во главе с Д. Язовым...» и, соответственно, как соучастник всех преступных действий, якобы совершённых советскими военнослужащими в ходе январских событий.

Мелю, как и остальным подозреваемым россиянам, инкриминируются «запрещённые» военные атаки, использование «запрещённых» пуль калибра 5,45 мм, преследование людей по политическим и национальным мотивам, лишение их свободы и подвержению пыткам, а также участие в массовых убийствах. То есть, весь букет преступлений, позволяющий Литовской Фемиде признать Меля военным преступником.

3 мая 2014 г. на телеканале «Россия 24» был представлен телесюжет под названием «Идентификация Меля». Корреспондент «Вести. Ру» Денис Арапов попытался получить в Генпрокуратуре Литвы информацию о судьбе Ю. Меля. Начальник отдела коммуникаций Генпрокуратуры Елена Мартинонене (Е. Martinonienė) однозначно заявила, что за преступления, которые инкриминируются Мелю, по литовским законам полагается пожизненное лишение свободы. Но перечислять эти преступления не стала. Они перечислены в «Определении» о признании Меля подозреваемым.

В части VII настоящего исследования приводятся извлечения из Римского статута Международного уголовного суда – статьи 5, 6, 7, 8 и 33, в которых даются определения понятиям «военные преступления» и «преступления против человечности». Если сравнить эти определения с внесенными в 2010 г. поправками в Уголовный кодекс ЛР относительно «военных преступлений и преступлений против человечности», то не вызывает сомнений, данные поправки были внесены исключительно по политическим мотивам, с целью обеспечения бессрочного уголовного преследования политических противников. К сожалению, российские правоведы по данному вопросу хранят молчание.

В «Определении» о признании подозреваемым Ю. Меля сообщается, что он является подозреваемым в связи с совершением им преступлений, «ответственность за которые предусмотрена на основании международных договоров Литовской Республики и статьи 7 УК ЛР, а также материалах досудебного расследования № 09-2-031-99».

А далее безапелляционно утверждается, что «собранные в ходе досудебного расследования данные позволяют утверждать, что...». Затем перечисляются всё те обвинения, анализу которых была посвящена настоящая часть исследования, представленного в книге.

Суть этих обвинений заключается в том, чтобы доказать осознанную умышленность «преступных» действий лейтенанта Меля в ночь на 13 января, с упором на то, что он являлся членом «организованной группы», возглавляемой Министром обороны СССР Д. Язовым, Председателем КГБ СССР В. Крючковым, Министром МВД СССР Б. Пуго и секретарем ЦК КПСС О. Шениным.

Однако даже беглый анализ обвинений против Ю. Меля, изложенных в «Определении», позволяет сделать вывод об их правовой и доказательной ничтожности. Литовской Фемиде не удалось представить Ю. Меля членом «организованной группы», якобы совершившей военные преступления и преступления против человечности на территории «независимой» Литовской Республики в январе 1991 г.

Литовским прокурорам также не удалось доказать какую-либо связь Ю. Меля с так называемыми организаторами и руководителями силовой акции в Литовской ССР, а также установить какие-либо преступные действия, совершённые им у телебашни.

Однако судья Вильнюсского городского участкового суда Д. Гризицкас установил, *«что вышеуказанными действиями Юрий Мель предположительно совершил преступные деяния, предусмотренные статьей 100 (обращение с людьми, запрещаемое международным правом – В.Ш.), статьей 101 (убийство лиц, пользующихся защитой международного гуманитарного права – В. Ш.), частью 1 статьи 103 (причинение вреда здоровью, пытка либо иное бесчеловечное обращение с людьми, находящихся под защитой международного гуманитарного права – В. Ш.), частью 1 статьи 111 (запрещённые военные действия – В. Ш.).*

...Руководствуясь статьями 21, 187 Уголовно-процессуального кодекса Литовской Республики судья определил: признать Юрия Меля по уголовному делу № 09-2-031-99 подозреваемым в том, что им предположительно были совершены преступные деяния, предусмотренные...».

Кстати, ни одного конкретного факта преступных деяния, которые бы совершил лично лейтенант Ю. Мель или руководимый им экипаж танка, в «Определении» не проведено, за исключением того, что его танк сделал у телебашни три холостых выстрела.

Вероятно, на рассмотрение этого «Определения» судья потратил максимум минут пять. Таким же образом в 2010 г., видимо, были подтверждены «Определения» о признании подозреваемыми всех 69 россиян. Не вызывает сомнений, что заочное рассмотрение уголовных дел против российских граждан также превратится в судебный фарс. Будут соблюдены лишь все процессуальные формальности, но дело по существу рассматриваться не будет. Приговоры также будут однотипными, с небольшими вариациями по обвинениям и по срокам.

Из вышеизложенного ясно, что если Россия не предпримет действия по остановке запущенного в Литве судебного конвейера в отношении подозреваемых россиян, то в будущем её ждут немалые проблемы.

Некоторые выводы, вытекающие из анализа «Определения» о признании подозреваемым Ю. Меля

По ходу повествования я делал те или иные выводы относительно доказательности и обоснованности утверждений литовских прокуроров, изложенных в «Определении» от 10.06.2013 г. Учитывая, что рассеяны по тексту, я счел возможным кратко их повторить, объединив в одной главе.

1. Утверждения литовских прокуроров о том, что СССР 15 июня 1940 г. оккупировал Литву, безосновательны и бездоказательны. Термин «оккупация» не может быть применен в отношении советско-литовских отношений в 1940 г. Это было доказано в целом ряде солидных научно-исторических и правовых исследований. Не случайно даже влиятельный английский еженедельник «The Economist», отражающий мнение британского истеблишмента, в апреле 2010 г. оценил факт вхождения Литвы в состав СССР не как «оккупацию», а как «инкорпорацию».

Кстати, в Договоре об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР от 29 июля 1991 г., на который так любят ссылаться литовские политики, речь также идет не об оккупации, а об аннексии. Уважаемым литовским прокурорам, прежде чем применять те или иные термины не мешало бы посмотреть их трактовку в официальных документах.

Понятно, что прокуроры руководствуются документами, принятыми в ЛР. На основании таких документов в апреле 2009 г. тогдашний министр иностранных дел Литвы Вигаудас Ушацкас (Vigaudas Ušackas), публично

заявил: «России остается только принять позицию Литвы по вопросам советской оккупации».

Но миру известно немало противоправных законов, принятых по воле сумасбродных правителей. Слышал он и изрядное количество заявлений, которые делали крайне «убежденные» в своей правоте политические или научные деятели.

В этой связи напомним, что в 1772 г. Парижская Академия наук опубликовала документ за подписью великого химика Лавуазье и других «бессмертных» (так величали во Франции академиков), в котором утверждалось, что «падение камней с неба физически невозможно». Однако в 1803 г. возле французского городка Легль выпал столь обильный каменный метеоритный дождь, что он заставил «бессмертных» парижских академиков поверить в реальность метеоритов. Академики были посрамлены.

Не сомневаюсь, что нечто подобное случится и с литовскими политиками, уверовавшими в то, что они с помощью законов могут манипулировать историческим прошлым. Принимаемые в Литве законы создают лишь иллюзию правового пространства, которое неизбежно рухнет в случае смены политического режима.

В то же время следует признать, что 14 июня 1940 г. советское руководство направило руководству ЛР жесткую ноту-ультиматум. Однако, у Литвы была возможность отвергнуть этот ультиматум, обратиться к мировому сообществу и организовать военное сопротивление вторжению советских войск.

Известно, что в последние два десятилетия, так называемый гарант мира и демократии США сделали язык ультиматумов основным дипломатическим языком. Взять хотя бы давление Штатов на Сирию, а в последнее время и на Россию. Европа и Литва подобное считают нормальной практикой. Почему же ситуацию 1940 г. они трактуют иначе?

Напомним, что в июне 1940 г. абсолютное большинство руководства Литовской Республики предпочло согласиться с требованиями руководства СССР, тем более, что они были обоснованными. Не вызывает сомнений, что к июню 1940 г. авторитарный режим А. Сметоны потерял доверие, как в обществе, так и в армии.

Известна фундаментальная работа эстонского ученого Магнуса Ильмъярва «Тихое подчинение. Формирование внешней политики Латвии, Литвы и Эстонии с середины 1920-х гг. до аннексии 1940 г.», в которой аргументированно доказано, что квалифицировать события 1940 года в Прибалтике как оккупацию нет оснований, а включение этих стран в СССР стало результатом фиаско процессов государственного строительства в самих Латвии, Литве и Эстонии в межвоенный период.

Напомним, что переход власти от президента ЛР А. Сметоны к Народному правительству Литвы во главе с Ю. Палецкисом происходил в рамках Конституции ЛР. Это неопровержимый факт. Как можно в таком случае говорить об оккупации?

Вхождение Литовской Советской Социалистической Республики в состав Союза ССР состоялось на основании Декларации Народного Сейма Литвы, избранного 95,1% всех избирателей. Если это был орган, навязанный советскими оккупационными властями, почему не было такого массового выступления против советской власти, как это было в июне 1941 г.?

Напомню, что итоги выборов в Народный Сейм Литвы в 1940 г. признали все европейские государства, дипломатические представители которых в то время были в Каунасе. Это неоспоримый исторический факт.

Весь советский период в Литовской ССР избирались и действовали национальные органы власти. Причем руководящие кадры коренной национальности в политической системе и системе народного хозяйства республики составляли более 80%. Разве могло быть подобное в оккупированной стране.

Замечу, что утверждение о том, что Литва 15 июня 1940 г. была оккупирована Советским Союзом, изложенное в «Определении», ставит под сомнение легитимность органов власти Лит. ССР, и, соответственно, легитимность Верховного Совета Литвы, провозгласившего 11 марта 1990 г. независимость республики. Имели ли право депутаты «оккупационного» ВС Лит. ССР заявить 11 марта 1990 г. о восстановлении Литовской Республики?

2. Обвинения граждан РФ, изложенные в «Определении», в совершении на территории Литвы военных преступлений в январе 1991 г. основываются на бездоказательном и ложном утверждении о том, что Литовская Республика (ЛР), провозглашенная 11 марта 1990 г., якобы в январе 1991 г. являлась суверенным, независимым государством и субъектом международного права.

Почему же в январе 1991 г. Литва не обратилась в Совет Безопасности ООН по поводу так называемой «советской агрессии»? Почему этот вопрос не поставили в Совете Безопасности ООН Соединенные Штаты Америки? Отрицательные ответы на эти вопросы разрушают версию о том, что Литва после 11 марта 1990 г. стала суверенным государством и субъектом международного права

Неопровержимым свидетельством того, что Литва и после провозглашения независимости являлась Советской Социалистической Республикой в составе СССР, является объявление Верховным Советом Литвы 29 июня 1990 г. по требованию союзных властей 100-дневного моратория на действие Акта о независимости.

Другим неопровержимым свидетельством того, что Литва, после провозглашения независимости не была признана международным сообществом, является то, что 19 ноября 1990 г. представители ЛР не были допущены к участию в Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе глав 34 государств, как страны, не имеющей международного статуса.

Несостоятельность утверждения о независимости Литвы с марта 1990 г. по 6 сентября 1991 г. более подробно была рассмотрена в главе «Эфемерная независимость». Вышеизложенное позволяет утверждать, что Литва стала

субъектом международного права лишь после того, как 6 сентября 1991 г. её таковым признал Госсовет СССР, и лишь 17 сентября 1991 г. она стала членом ООН, то есть полноправным международным субъектом.

3. Литва до сентября 1991 г. не могла считаться субъектом международного права, так как не обладала реальным территориальным суверенитетом. Это следует из отсутствия целого ряда атрибутов независимого суверенного государства, о чем подробно говорилось в главе «Эфемерная независимость».

С 11 марта 1990 г. до 22 августа 1991 г. Литва существовала в условиях правового двоевластия. Там одновременно действовали и законы Литовской Республики и Законы СССР. Документальных подтверждений этому более чем достаточно. Одно из них – легальная деятельность Компартии Литвы/КПСС, штаб-квартира которой располагалась в центре Вильнюса. В настоящее время в этом здании размещается Правительство ЛР.

До сентября 1991 г. власти самопровозглашённой ЛР не контролировали ни территорию республики, ни её границы.

Граждане Литвы вплоть до 1992 г. имели на руках паспорта граждан СССР. До 5 августа 1991 г. единственным средством денежного обращения в Литве являлся советский рубль.

Регулярные вооружённые силы ЛР появились лишь осенью 1991 г.

4. Ссылка литовских прокуроров на Акт о Независимости от 11 марта 1990 г. в котором утверждается, что «Акт Литовского Совета о Независимости от 16 февраля 1918 г. и Резолюция Учредительного Сейма от 15 мая 1920 г. о восстановлении демократического Литовского государства никогда не утрачивали правовой силы», является бездоказательной.

Ещё раз кратко повторю аргументацию. Документальных подтверждений существования в период 1940–1991 гг. такого субъекта международного права, как Первая ЛР, не существует. Проживавшие на Западе бывшие официальные представители этой республики (так называемое правительство С. Лозарайтиса) в послевоенный период не являлись участниками ни одной важной международной конференции или переговоров, где бы рассматривались вопросы, связанные с Литвой.

Напомню, что Сейму ЛР в сентябре 2000 г. не удалось легитимизировать Временное правительство Литвы Юозаса Амбразевичюса, действовавшего в Литве с 23 июня по 5 августа 1941 г.

Закон № VIII-1021, принятый Сеймом ЛР 12 января 1999 г., согласно которому партизанский «Совет Саюдиса Борьбы за Свободу Литвы» (СБСЛ), учреждённый 16 февраля 1949 г. и представлявший весьма незначительное число граждан Литвы, был признан «единственной законной властью на территории оккупированной Литвы» является в большей степени пропагандистским, нежели правовым актом.

Это подтверждает тот факт, что необходимым следствием исполнения вышеназванного Закона должно было бы стать признание незаконными всех материальных атрибутов Советской власти, до сих пор имеющими хождение в Литовской Республике. Имеются в виду документы советского периода: свидетельства о браке, рождении, аттестаты, дипломы и т. п. Но этого не произошло. Это позволяет утверждать, что Закон № VIII-1021 является не более чем пропагандистским заявлением.

5. Свидетельств, подтверждающих полувековое пребывание Литовской Советской Социалистической Республики в составе Союза ССР, более чем достаточно.

Прежде всего, это документы о вхождении в СССР, принятые 21 июля 1940 г. Народным Сеймом Литвы. Напомню, что за депутатов Народного Сейма проголосовало 99,19% принявших участие в голосовании, а таких было 1.386 тыс. человек, или 95,1% всех избирателей.

Заявления о том, голосование в 1940 г. было проведено на «штыках Красной Армии» не выдерживает критики. Достаточно напомнить, что в феврале-марте 1990 г. в Литве присутствовала более мощная группировка сил Советской Армии, но результаты выборов в Верховный Совет, состоявшиеся в феврале-марте 1990 г., тем не менее, признаются.

Ещё раз приведу цифры, характеризующих выборы 1990 г. За 116 депутатов, избранных в Верховный Совет Лит. ССР и принявших решение о выходе из СССР, голосовало всего лишь 948.585 избирателей из 2.581.359, т.е. 36,7%.

Пребывание Лит. ССР в составе Союза ССР подтверждают документы Ялтинской и Потсдамской конференций. Заключительный Акт хельсинского Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 г., несмотря на оговорку подписавшего его Президента США Дж. Форда, признал нерушимость существующих границ европейских государств, в том числе и СССР. Не случайно в марте 1990 г. и вплоть до сентября 1991 г. США не признавали независимость Литвы.

О пребывании Литвы в СССР свидетельствует материальная база, созданная в республике. Большинство из того, что сегодня окружает жителей Литвы и обеспечивает их жизнедеятельность, было создано в советский период и является напоминанием об этом периоде. Хотя бы та же вильнюсская телебашня.

Не следует забывать, что все 50 лет, за исключением периода гитлеровской оккупации, в республике действовали национальные органы советской власти, национальные кадры в которых составляли более 80%. В их избрании участвовало абсолютное большинство граждан Литвы. Серьёзных случаев саботажа выборов, даже в период так называемой партизанской войны 1944–1953 гг. практически не было.

Напомню, что советские политические организации – Компартия и Комсомол в Литве были весьма многочисленными. Компартия Литвы в по-

следние годы насчитывала свыше 200 тысяч членов, Комсомол – около 500 тысяч. Если принять во внимание, что каждый коммунист или комсомолец жил в семье, то получается, что политически ориентированными на советскую власть в республике были свыше двух миллионов человек из 3,7 млн. общего населения. Это неопровержимый факт.

Утверждения, что вступление в комсомол и компартию производилось под нажимом, некорректны. У человека всегда есть выбор. Силком туда не затаскивали. Например, тот же В. Ландсбергис при вступлении в комсомол писал, что Советская Армия в 1944 г. освободила его и мать от ненавистой гитлеровской оккупации. Ну, а в партию среди литовской интеллигенции была даже своеобразная очередь. Мне, как секретарю райкома партии, это хорошо известно.

Неопровержимым подтверждением нахождения Литвы в составе СССР является участие граждан Литовской ССР в избрании представителей высшей власти – народных депутатов СССР в марте 1989 г. Наибольшую активность и желание принять участие в этих выборах отличало членов «Саюдиса» – Литовского движения за перестройку. Они были избраны народными депутатами СССР. Депутаты от Литвы активно участвовали в работе первого и второго Съездов народных депутатов СССР.

Также не следует забывать, что в течение 45 лет большинство литовских юношей проходили службу в рядах Советской Армии. Там они, как законопослушные советские граждане не только давали присягу на верность СССР, но и весьма достойно несли службу. Это ли не свидетельство полноправного и добровольного пребывания Литвы в составе СССР?

6. Необходимо отметить моральную и правовую неправомерность Верховного Совета Литвы провозглашать 11 марта 1990 г. независимость от имени ВСЕГО литовского народа. Это подтверждают результаты выборов в Верховный Совет Лит. ССР, состоявшиеся в феврале–марте 1990 г. Как говорилось, за 116 депутатов, избранных в Верховный Совет Лит. ССР и непосредственно принявших 11 марта решение о выходе из СССР, подали голоса лишь 36,7% избирателей. А за 124 депутатов, поставивших подписи под этим документом – около 40% избирателей Литвы.

Всего же за 141 депутата Верховного Совета Литвы, избранного в 1990 г. проголосовало лишь около 42% общего числа избирателей Литвы. Эти данные легко проверяются.

Литовская ССР, согласно Конституции СССР имела право выйти из Союза, но по Закону «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР». Согласно этому Закону, Литвы получала право выйти из СССР, если в ходе всенародного референдума за выход проголосовало бы не менее 2/3 всего населения республики.

Такой поддержкой избранный в 1990 г. ВС Литвы не обладал. Поэтому так поспешно был провозглашён выход республики из СССР 11 марта 1990 г.

7. Общеизвестным историческим фактом является то, что высший орган государственной власти в Союзе ССР, третий Съезд народных депутатов СССР 15 марта 1990 г. своим Постановлением признал Акт о независимости Литвы, провозглашенный 11 марта 1990 г. не имеющим законной юридической силы: **«Съезд народных депутатов рассматривает упомянутые решения Верховного Совета Литовской ССР, принятые 11–12 марта 1990 г., как не имеющие законной юридической силы. Съезд народных депутатов СССР констатирует, что в соответствии со статьями 74 и 75 Конституции СССР суверенитет Союза СССР и действие Конституции СССР продолжают распространяться на территорию Литвы, как союзной Советской Социалистической Республики».**

8. Изучение предистории и обстоятельств январских событий, произошедших в Вильнюсе в ночь на 13 января 1991 г. позволяет с большой степенью уверенности утверждать, что трагические события были изначально запланированы и спровоцированы Президиумом Верховного Совета ЛР во главе с В. Ландсбергисом. На это указывает ряд свидетельств.

2 января 2014 г. А. Сакалас, бывший член Президиума Верховного Совета Литвы (1990–1992 г.) опубликовал на Интернет-портале «Delfi.lt» своё свидетельство под названием исповедь-заявление «*Nežinomi Viešpaties keliai*» («Неисповедимы пути Господни»).

В нём Сакалас сообщил, что ещё в 1990 г. на заседании Президиума ВС Литвы А. Абишала, депутат ВС и староста Сейма «Саюдиса» заявил, что «независимость не получим, если не будет пролита кровь». Эта идея не была новой для членов Президиума ВС. О том, что Ландсбергис после провозглашения независимости постоянно говорил о необходимости сакральной жертвы, писал в своей книге «Корабль дураков» В. Петкявичюс. Этот момент писатель отметил и в своем знаменательном интервью корреспонденту газеты «Обзор» А. Плукису (14.10.2002 г.).

Не случайно с декабря 1990 г. тема «кровавой» акции, которую планирует провести Москва, постоянно появлялась в литовских СМИ. А в конце декабря Министерство здравоохранения Литвы обязало главврачей больниц **«подготовиться к большому потоку раненых».**

О том, что кровавые жертвы были изначально запланированы Ландсбергисом и его окружением, свидетельствует то, что уже в 1 час 10 минут ночи 13 января 1991 г. из окна ВС Литвы ксёндз А. Кейна начал служить мессу по погибшим от рук советских военнослужащих, хотя до появления последних у телебашни оставалось ещё 40 минут.

О том, что Ландсбергис и его окружение готовили кровавый спектакль, знали большинство депутатов Верховного Совета Литвы. 27 февраля 1991 г. об этом на закрытом заседании ВС весьма недвусмысленно заявил бывший премьер-министр Литвы А. Шименас, заявив, что в ночь на 13 января: «он не был исполнителем спектакля, подготовленного сторонниками Ландсбергиса» (http://www3.lrs.lt/pls/inter2/dokpaieska.showdoc_l?p_id=251768).

Впервые публично о том, что провокацию у телебашни готовил Ландсбергис, заявила депутат ВС Литвы поэтесса В. Ясюкайтите, выступая 17 июня 1991 г. на Пренайской учредительной конференции Форума будущего Литвы (Lietuvos ateities forumas).

Уже упомянутый писатель В. Петкявичюс в вышеупомянутом интервью «Обзору» заявил, что к нему, как председателю Комитета Сейма Литвы по национальной безопасности (1994–1998 гг.) пришли 18 пограничников из Лаздияй с жалобой на то, что «их вычеркнули из списков участников событий 13 января». Они также сообщили, что их начальник В. Чеснулявичюс пригрозил им, **«если они хоть одним словом заикнутся, что были на телебашне, с ними будет покончено!»**.

В ходе уголовного процесса над А. Палецкисом бывший член Политсовета «Саюдиса» Б. Билотас **под присягой** заявил, что 13 января 1991 г. в 15 час. состоялось заседание Политсовета «Саюдиса», на котором прозвучала информация, что **ночью у телебашни стреляли «свои»**. Тогда же члены Политсовета **поклонились молчать о стрельбе «своих»**. (у. д. №1-41-88/2012, т. 4, л. д. 235-236).

Серьёзный удар по официальной версии январских событий в 2010 г. нанесла книга воспоминаний «Aušros raudoniai» («Зори багряные») Р. Озоласа, одного из активнейших саюдистов, яркого русофоба и бывшего вице-премьера в правительстве К. Прунскене. В ней он написал: *«Известно и о планировании ночных событий. Поэтому люди были созданы специально. Организаторы хорошо знали, что на американцев действует один аргумент – убийство безоружных. Вот и были брошены под танки безоружные люди»*. (R. Ozolas. Aušros raudoniai. Vilnius. 2010, p. 199).

Известный литовский политик В. Андрюкйтис в своих воспоминаниях «Vytenio Povilo Andriukaičio gyvenimo interviu» (Жизненное интервью Витяниса Повиласа Андрюкайтиса, 2012) привёл пример, подтверждающий, что Ландсбергис жаждал кровопролития. «Хорошо помню, каким подавленным и убитым вышел из кабинета Ландсбергиса профессор Чесловас Кудаба. Он мне лишь сказал: *«Им теперь кажется, что нас признают. Как же, «уже пролилась невинная кровь». Ужас! Надо ли было это?... Ведь должны были избежать крови!... А им кажется иначе!»* (...gyvenimo interviu, Vilnius, p. 299).

Об аналогичной реакции Ландсбергиса на известие о кровавых жертвах рассказала в своих воспоминаниях «Mano prisiminimų kraitelė» («Лукошко моих воспоминаний», Vilnius, 2007 г.) директор Историко-этнографического музея Литвы Агота Янкявичене-Грибаускайте. Её ещё называли «совестью Литвы». Янкявичене писала: *«...помню торжествующий голос Ландсбергиса по радио: «Есть жертвы, есть жертвы!»*.

В 2012 г. сенсацией стала книга воспоминаний А. Скучаса «Pėstininko užrašai» («Записки пехотинца», Vilnius, 2012). В январе 1991 г. он был начальником охраны Верховного Совета Литвы (ВС) и наблюдал ситуацию с той стороны. В книге А. Скучас приводит свидетельство защитника ВС Р. Вайткавичюса: *«...подойти к телебашне уже не представлялось возможным, так как*

на тот момент она уже была окружена бронетехникой и солдаты, стреляя в воздух, прикладами автоматов разгоняли защитников телебашни, тесня их вниз, в направлении теперешней улицы 13 января» (Pėstininko užrašai, p. 190).

О том, что руководство ВС было заинтересовано в возможно большем количестве жертв мирного гражданского населения 10 января 2013 г. на семинаре по обмену «боевым» опытом сопротивления «советским оккупантам» проговорился один из организаторов обороны ВС майор в отставке А. Даугирдас (DELFI.lt, 10.01.2013).

Он рассказал, что было запланировано «вооружить "защитников", которые должны были влиться в толпу и во время штурма Верховного Совета ударить по врагу с тыла». В случае реализации этих планов всё закончилось бы кровавой бойней, жертвами которой стали бы безоружные люди, служившие провокаторам живым щитом.

Важнейшим документальным свидетельством, уличающим ландсбергистов в заранее спланированной кровавой акции, являются карточки вызова машин скорой медицинской помощи в ночь на 13 января 1991 г. Будучи документами строгой отчётности, они позволяют утверждать, что 13 января 1991 г. в Вильнюсе всё было готово для того, чтобы обвинить советских военнослужащих в убийстве не 14, а 72 человек.

Известно, что карточки вызова за №№ 5165-5221 до сих пор так и не удалось обнаружить. Несомненно, они были уничтожены, так как их намеревались использовать при советском штурме здания Верховного Совета Литвы. Тогда бы и появились ещё 52 жертвы советских десантников.

О том, что фальсификация обстоятельств трагической ночи 13 января 1991 г. была организована изначально, свидетельствует ложь главного судмедэксперта Литвы А. Гармуса. Он уже в 15 часов 13 января публично заявил, что все исследования тел жертв закончены и причины их смерти установлены, а виновниками их гибели являются советские военнослужащие.

Однако советским журналистам, направленным мною, как депутатом ВС Литвы в морг на ул. Полоцкой, в районе 16 час. 13 января предъявили лишь восемь трупов. Два из них не имели отношения к событиям минувшей ночи. Они погибли в автоавариях. Третий, А. Матулка умер от инфаркта. Причины смерти остальных пятерых ещё не были установлены. Их одетые тела лежали на полу морга. Фотоснимки этих трупов были опубликованы в газете «Республика» 13 января 1991 г. (№ 8 /339).

Представляет интерес, как литовские прокуроры устанавливали причины смерти январских жертв. Так, судмедэксперт Козловский, 13 января 1991 г. с 4.30 ч. до 5.30 ч. провел анатомическое вскрытие трупа А. Канапинскаса и зафиксировал смерть от взрывного устройства. Практически в то же время (с 4.50 ч. до 5.00 ч.) следователь Вильнюсской прокуратуры Бурокас, осматривавший труп того же Канапинскаса в протоколе осмотра записал причина смерти – стреляная рана. Этот протокол должен находиться в материалах уголовного дела «13 января», если его не изъяли.

Аналогичная ситуация сложилась с установлением обстоятельств гибели Р. Янкаускаса. Прокуроры утверждали, что его переехала советская гусеничная техника в районе телебашни. Однако на фотографиях, сделанных с разных сторон, отчетливо видно, что тело Янкаускаса и ноги без повреждений. У него было лишь травмирована голова, а на лбу виднелась открытая рана. Судмедэкспертиза установила, что Янкаускас стал жертвой обычной автомобильной аварии. Колесо переехало его голову.

Замечу также, что зафиксированные смертельные ранения январских жертв вызывают большие сомнения относительно источника их происхождения. Уже говорилось, что литовские криминалисты установили, некоторые из январских жертв погибли от пуль, выпущенных из охотничьих и малокалиберных ружей, а также винтовки Мосина образца 1891/1930 г., давно снятой с вооружения Советской Армии.

Не буду повторяться о многочисленных свидетелях, которые на судебном следствии и судебных процессах утверждали, что стреляли с крыш домов окружавших телебашню. На мнение литовских прокуроров не подействовал даже перехват радиопереговоров советских военнослужащих у телебашни, из которых ясно, что по ним велась стрельба с крыш и из окон домов.

На эти факты предпочли не обратить внимания ни Окружной суд г. Вильнюса, рассматривавший дело «13 января» в 1996–1999 гг., ни Апелляционный суд (20.02.2001 г.), ни Верховный суд ЛР (28.12.2001 гг.).

Налицо неприкрытая масштабная фальсификация обстоятельств январской трагедии 1991 г., которая охватывала правоохранительную и судебную систему Литвы при явном политическом заказе тогдашнего руководства Литовской Республики.

9. Представление в «Определении» руководителей силовых союзных ведомств: Министра обороны СССР Д. Язова, Председателя Комитета государственной безопасности СССР В. Крючкова, Министра внутренних дел СССР Б. Пуго, и секретаря, члена Политбюро ЦК КПСС О. Шенина, как членов некой «организованной группы» безосновательно и не доказательно. Оно, без сомнения, вызвано стремлением литовского обвинения усугубить вину подозреваемых советских руководителей.

Не доказанными являются утверждения литовского обвинения о том, что действия этой «организованной группы» были самовольными. Эти утверждения свидетельствуют о политической ангажированности литовских следователей и их стремлении вывести из-под подозрения бывшего Президента СССР М. Горбачёва.

Многочисленные документы подтверждают, что вышеназванная «организованная группа» действовала в строгом соответствии с Постановлением третьего Съезда народных депутатов СССР, Законами СССР, Указами Президента СССР М. Горбачёва и его личными распоряжениями.

10. Не доказанным и не логичным является обвинение подозреваемых граждан РФ в том, что они являлись членами «организованной группы», возглавляемой Д. Язовым, В. Крючковым, Б. Пуго и О. Шениным. Следует отметить, что данное обвинение ставит под сомнение основные принципы функционирования любой государственной системы, в том числе и в Литовской Республике.

В данном случае любого исполнителя некорректного приказа вышестоящего начальства можно представить преступником. Это грозит полным пренебрежением уровнем подчиненности и взаимодействия во всех государственных структурах, что может привести к полному хаосу и анархии, в том числе и в органах прокуратуры ЛР.

11. Бездоказательными являются утверждения литовских прокуроров, о том, что подозреваемые в военных преступлениях граждане РФ якобы знали обо всех правовых актах, принятых в марте 1990 г. в Литве и СССР, а также о всех действиях, предпринимаемых союзными властями по восстановлению действия Конституции СССР на территории Литвы.

Это не реально не только по причине информационной недостаточности и секретности, имевшей место в СССР, но и по чисто психологическим и физиологическим причинам. Полагаю, что литовские прокуроры, перечислившие в «Определении» правовые акты, принятые в марте 1990 г. в Литве и СССР, вряд ли будут способны повторить их без бумаги.

12. Сформулированные Генпрокуратурой Литвы обвинения советских военнослужащих в военных преступлениях, якобы совершённых ими в ходе январских событий бездоказательны, алогичны и преследуют лишь одну цель – попасть в правовое поле, предусмотренное статьями 100, 101, 112, частью 1 статьи 103 и частью 1 статьи 111 УК ЛР.

Таковыми, например, являются надуманные и бездоказательные утверждения о том, что во время кратковременных военных атак советские военнослужащие «убивали гражданских лиц, пытали их и лишали свободы». Ни одного конкретного примера подобных действий в «Определении» не приводится.

Не вызывает сомнений, что трактовка понятий «военное преступление» и «преступление против человечности», представленная в статье 100 УК ЛР носит неоправданно расширительный характер. Более того, можно утверждать, что переквалификация Сеймом ЛР преступлений совершенных вовремя январских событий в военные преступления и преступления против человечности преследовала исключительно политические цели.

13. Обвинения советских военнослужащих в убийстве конкретных гражданских лиц, изложенные в «Определении», не соответствуют материалам уголовного дела, прежде всего выводам литовской судмедэкспертизы о характере и причинах смерти этих лиц, а также кадрам видеофильмов и фотоснимкам.

Таким является обвинение зам. командующего 76-ой воздушно-десантной дивизии, полковника В. Кустрьо в расстреле защитника Дома печати В. Лукшиса, обвинение неустановленного офицера группы «А» в расстреле защитника телебашни И. Шимулениса, обвинение командира 106-го танкового полка 107-ой мотострелковой дивизии, подполковника Н. Астахова в наезде на Л. Асанавичюте, А. Пладите, Л. Тручиляускайте и А. Сакалаускаса, а также обвинение в том, что советская гусеничная техника якобы переехала Р. Сакалаускаса.

14. Анализ и сопоставление описаний уголовных эпизодов, изложенных в Заявлении Генпрокуратуры ЛР от 10.06.1991 г., в «Уведомлении» о подозрении от 03.08.2006 г. и в «Определении» о признании подозреваемыми от 10.06.2013 г., а также ущербная логика доказательности преступных эпизодов, изложенных в этих документах, позволяет утверждать, что установление «конкретных преступников», имеются в виду полковник В. Кустрьо и подполковник Н. Астахов, свелось не к доказательству конкретных обстоятельств совершения ими преступлений, а к формальному назначению их преступниками.

15. В целом уголовное дело № 09-2-031-99 нельзя считать полностью расследованным, так как в нем отсутствует расследование эпизодов преступной стрельбы неизвестными лицами с крыш домов, расположенных вблизи телебашни.

Известно, что в ноябре 2013 г. Верховный суд ЛР подтвердил обоснованность свидетельств Д. Раугайлене и Я. Лекаса, которые в ходе уголовного процесса против А. Палецкиса заявили о стрельбе с крыш домов, находящихся в районе телебашни. В 2012 г. вильнюсская городская прокуратура обвинила их в лжесвидетельстве. Судебные разбирательства по данному поводу длились более года, пока Постановление Верховного суда ЛР не поставило точку.

Это Постановление является весомым основанием для возвращения уголовного дела № 09-2-031-99 на доследование.

Помимо этого следует иметь в виду, что 26 сентября 1991 г. Генпрокурор ЛР А. Паулаускас и Генпрокурор СССР Н. Трубин подписали «Соглашение о взаимодействии между Прокуратурой СССР и Генпрокуратурой ЛР по уголовному делу № 18/5918-91».

Согласно этому соглашению должно было осуществляться «сотрудничество при расследовании уголовного дела о событиях, имевших место в январе 1991 г. в Вильнюсе». Как известно, литовская сторона отказалась от какого-либо сотрудничества в период деятельности Прокуратуры СССР и в период деятельности её правопреемника – Генпрокуратуры РФ.

Всё это ставит под сомнение объективность проведенного литовской стороной расследования январских событий.

Пора заканчивать игру в поддавки

Представляет интерес, какой аргументацией ответят литовские прокуроры на выводы, вытекающие из анализа «Определения». Об этом можно судить по содержанию тех уголовных процессов, которые состоялись в Литве в постсоветский период и, которые в той или иной степени касались проблем советской оккупации 1940–1991 гг. и советской агрессии 1991 г.

Заявления литовских прокуроров на этих процессах позволяют представить псевдоправовую конструкцию и аргументацию, которая будет использована в ходе заочных процессов для подтверждения обоснованности обвинений, выдвинутых против 69 российских граждан.

Впервые эта аргументация была озвучена в ходе уголовного процесса над лидером Социалистического Народного Фронта Литвы Альгирдасом Палецкисом. Она была изложена 4 ноября 2011 г. в обвинительной речи прокурора Эгидиуса Шлейнюса (E. Šleinius) на заключительном заседании 1-го участкового суда г. Вильнюса.

Целесообразно процитировать главные аргументы литовского прокурора: *«Обвиняемый Альгирдас Палецкис, сознательно, в оскорбительном виде публично заявив: «А что было 13 января у башни? **И как сейчас проясняется, свои стреляли в своих**», отрицал и грубо принижал факт агрессии СССР против Литовской Республики в 1991 году, признанный вступившими в силу решениями судов Литовской Республики, совершенные СССР тяжкие и особо тяжкие преступления против жителей Литовской Республики.*

Приговор Вильнюсского окружного суда 1999-08-23 в уголовном деле № 1-2-1999 г. является исчерпывающим, так как даёт детальное описание фактов и событий 13 января 1991 года. Более поздние решения судов – приговор (2001-02-20) Апелляционного суда и приговор Верховного суда Литвы (2001-12-28) (с несущественными исключениями), по существу подтвердили правдивость фактов, изложенных в упомянутом приговоре и их правовой оценки.

Обращаю внимание на то, что в установленных судами Литвы фактах и их правовой оценке не усомнился Европейский суд по правам человека (2008-02-19), огласив окончательный приговор в деле «Куолялис, Бартошавичюс и Бурокаявичюс против Литвы». Европейский суд представил по сути то же описание событий и их оценку, которую представили суды Литвы в своих приговорах» (орфография цитаты соответствует орфографии оригинала – В. Ш.).

Что можно сказать по поводу обоснованности заявлений прокурора Шлейнюса? Прежде всего, вернуться к приговору Вильнюсского окружного суда, принятого 23 августа 1999 г. по делу «13 января» или делу литовских коммунистов. По этому делу были осуждены лидеры Компартии Литвы/КПСС М. Бурокаявичюс, Ю. Куолялис, Ю. Ермалавичюс и Л. Бартошавичюс, обвиненные в подготовке государственного переворота в январе 1991 г.

Этот приговор является базовым правовым обоснованием для заявлений литовских прокуроров о советской агрессии в январе 1991 г. Не случайно в ряде документов подчеркивается, что Окружной суд тщательным образом исследовал все обстоятельства январских событий 1991 г. и вынес обоснованное правовое решение. Но так ли это?

Уголовный процесс по делу литовских коммунистов, которые 13 января 1991 г. якобы пытались совершить государственный переворот, продолжался более трех лет, с июня 1996 г. по август 1999 г. Судьи Вильнюсского окружного суда, выполняя указания главы Сейма Литвы В. Ландсбергиса, вели судебный процесс, игнорируя любые свидетельства, которые подтверждали невинность обвиняемых.

Ещё раз напомним, что Вильнюсский окружной суд пошёл на явное мошенничество в отношении бывшего секретаря ЦК КП Литвы/КПСС Ю. Куолялиса, который в силу отсутствия в Литве не мог участвовать в январских событиях. Видимо, по этой причине из протоколов судебных заседаний таинственным образом исчезло большинство его пояснений, доказывающих необоснованность предъявленных обвинений.

Аналогичным образом из уголовного дела исчезли документальные свидетельства, представленные Куолялисом в суд по этому поводу. Его неоднократные протестные заявления, в том числе и на заседании Апелляционного суда Литвы, остались не услышанными. (Ю. Куолялис. Дело на стыке столетий. М.: 2001. С. 157, 162, 271).

Достаточно подробно об уголовном процессе над литовскими коммунистами рассказано в книге Ю. Куолялиса «Pro kalejimo grotas» («Сквозь тюремную решётку»), изданной в 2010 г. На русском языке книга называется «Дело на стыке столетий». Она была издана в Москве в 2011 г. Кстати, Ю. Куолялис единственный из подсудимых, кто располагает всеми 12 томами Обвинительного заключения Генеральной прокуратуры ЛР по делу «13 января». Этот документ по аргументации ряда обвинительных эпизодов вызывал бы гомерический смех, если бы не он не сломал столько человеческих судеб.

К этому добавлю, что в ходе судебных слушаний по этому делу Окружной суд умышленно проигнорировал не только показания ряда свидетелей о стрельбе с крыш домов, но и такое неопровержимое свидетельство, как радиоперехват переговоров советских военных, осуществленный Департаментом госбезопасности Литвы в ночь на 13 января, в котором идёт речь о стрельбе с крыш домов.

Помимо этого Окружной суд также умышленно не заметил явное несоответствие характера смертельных ранений, зафиксированных в справке литовских судмедэкспертов и запечатленных на фотографиях, сделанных в морге, с характером ранений, якобы зафиксированными литовскими следователями.

Суд умышленно предпочел не давать ответ, каким образом причиной смерти нескольких январских жертв явились охотничьи и малокалиберные пули, а также пуля калибра 7,62 образца 1908 г., выпущенная из винтовки

Мосина образца 1891/1930 гг. Ведь советские военнослужащие у телебашни были вооружены автоматами АК-74 и АК-47.

Не обратил внимания Окружной суд на явную фальсификацию травм январских жертв, представленных литовскими прокурорами, как следствие наезда на них советских танков. Между тем, характер травм и повреждений, полученных жертвами и пострадавшими, свидетельствовал не о наездах танков, а об автомобильных авариях, что было отмечено в Справке судмедэкспертизы № 29 от 6 февраля 1991 г.

Суд также предпочёл не заметить видеофильм режиссера Б. Талочки (ЛТВ–1995 г.), показанный в январе 1997 г. по Литовскому ТВ. Сопоставление временных параметров кадров этого видеофильма с временными параметрами уголовных эпизодов, зафиксированными литовским следствием, показало, что трупы одних и тех же январских жертв ночью 13 января 1991 г. якобы раздвоились и одновременно находились в различных местах Вильнюса..?

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о явно политическом и заказном подходе Вильнюсского окружного суда при рассмотрении «дела 13 января», которое в итоге превратилось в масштабное не правовое мошенничество. Если бы в уголовном процессе по делу «13 января» участвовали независимые адвокаты, то обвинения литовских прокуроров рассыпались бы, как карточный домик. Это мнение неоднократно звучало в кулуарах здания вильнюсского Окружного суда.

Аналогичный подход продемонстрировали приговоры Апелляционного (20.01.2001) и Верховного судов Литвы (28.12. 2001) по делу «13 января». Не вызывает сомнений, что эти суды, выполняя политические установки литовских властей, лишь создали видимость пересмотра дела по существу.

В результате неправоовой политизированный приговор Вильнюсского окружного суда породил череду не правовых решений других судов, от чего они не стали правовыми. В этой связи ссылки литовского прокурора Шлейнюса на приговор Окружного суда не корректны.

Не вызывает сомнений, что придет время и мошеннический характер уголовного процесса (1996–1999 гг.) по делу литовских коммунистов будет публично признан. Об этом свидетельствует печальный опыт советского правосудия 1937 г. Властям Литвы не следует этого забывать. Отвечать за это рано или поздно придётся.

* * *

Дальнейшее развитие псевдоправовая аргументация литовской Фемиды получила в постановлении от 17 октября 2014 г. за подписью заместителя генерального прокурора ЛР Дарюса Раулушайтиса (D. Raulušaitis) об отклонении жалобы адвоката Дмитриуса Фомкина на уголовное преследование бывшего секретаря ЦК КП Литвы/КПСС Альгимантаса Науджюнаса (A. Naudžiūnas).

В этом постановлении Д. Раулушайтис пытается обосновать факт советской оккупации Литвы. Он утверждает, что позиция Литвы в этом вопросе:

«обосновывается Постановлением Европейского Суда по правам человека от 24 января 2006 года в деле «Пенард против Эстонии» (номер петиции 14685/04), которым подтверждено, что в результате заключения между нацистской Германией и Союзом Советских Социалистических Республик Договора о ненападении от 23 августа 1939 года (пакт Молотова—Риббентропа) и подписания тайных протоколов к нему, законное правительство Эстонии было свергнуто и силой был установлен советский режим, а также делами Европейского Суда по правам человека «Кононов против Латвии» (номер петиции: 36376/04) от 17 мая 2010 года и «Куолялис, Бартошевичюс, Бурокаявичюс против Литвы» (номера петиций: 74357/01, 26764/01, 27434/02) от 7 июля 2008 года, в которых Европейский Суд по правам человека предоставил международную правовую оценку, осуществлявшейся Союзом Советских Социалистических Республик незаконной оккупации Балтийских стран и агрессии против них».

Читаешь цитаты из заявлений литовских прокуроров и поражаешься словесной эквилибристике, с которой они выдают желаемое за действительное. Понятно было бы, если бы г-н Раулушайтис утверждал, что причиной свержения властей стран Балтии в 1940 г. стала советская нота-ультиматум от 14 июня 1940 г. А то вспомнил о пакте Молотова—Риббентропа 1939 г.?! Полная историческая безграмотность.

О неоправданной демонизации роли этого пакта в судьбе стран Балтии говорилось ранее. Повторюсь, на настоящий момент в ряде солидных научно-исторических исследований доказано, что пакт Молотова—Риббентропа к установлению советской власти в Прибалтике в 1940 г. имеет такое же отношение, как убийство Каином Авеля к развязыванию Второй мировой войны.

Видимо, в Литве до сих пор живы воспоминания о 2-ом Съезде народных депутатов СССР (декабрь 1989 г.), который под диктовку ярого антисоветчика и одновременно секретаря ЦК КПСС А. Яковлева определил, что причиной всех бед стран Балтии явились секретные протоколы пакта Молотова—Риббентропа. Так до сих пор и бредут литовские и эстонские сепаратисты по старой дорожке.

Что же касается ссылки Раулушайтиса на Постановление Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) по делу «Куолялис, Бартошавичюс и Бурокаявичюс против Литвы», в котором якобы была подтверждена независимость ЛР в январе 1991 г., то заместителю Генерального прокурора ЛР следует знать следующее.

ЕСПЧ по своей сути является международной кассационной судебной инстанцией. Он не рассматривает спорные дела (жалобы) по существу, не проводит самостоятельного расследования обстоятельств дела, а лишь принимает к рассмотрению аргументацию сторон.

Главное внимание при этом Суд уделяет выявлению нарушений требований Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 03.09.1953 г. (далее Конвенция).

В компетенцию ЕСПЧ не входит право оценивать исторические и политические события, тем более давать, как утверждается в постановлении от 17 октября 2014 г. за подписью Д. Раулушайтиса, «международную правовую оценку» советской оккупации и агрессии против стран Балтии.

Не сомневаюсь, что под «правовой оценкой» в Постановлении ЕСПЧ по делу «Пенард против Эстонии» была представлена аргументация Правительства Эстонии, включенная в текст Постановления, с которой суд, без разбирательства по существу, лишь согласился.

Однако следует признать, что в последние годы эксперты Секретариата ЕСПЧ, готовящие информационные материалы сторон к заседанию палат судей, на которых рассматриваются дела, связанные с СССР или Россией, пытаются придать некоторым из них оценочную политическую направленность. Судьи ЕСПЧ этого, как бы, не замечают. Во многом подобная позиция судей обусловлена русофобской кампанией, развернувшейся в последние годы на Западе.

В этой связи следует несколько подробнее высказаться о деле «Куолялис, Бартошавичюс и Бурокаявичюс против Литвы», благо, что оно описано в ранее упомянутой книге Ю. Куолялиса «Дело на стыке событий». Куолялис пишет, что после вынесения Вильнюсским окружным судом приговора по делу «13 января», 7 января 2000 г. появился Меморандум Парламентской Ассамблеи Совета Европы «Положение в Литве в области прав человека». В нем отмечалось, что приговор Окружного суда, вынесенный группе бывших руководителей Компартии Литвы/КПСС слишком жесток, а обвинения не обоснованы. (Куолялис, с. 265).

В этой связи в марте 2002 г. Куолялис принял решение обратиться в ЕСПЧ. Затем к нему присоединились Бартошавичюс и Бурокаявичюс. 5 января 2006 г. коллегия из 7 судей ЕСПЧ приняла решение признать жалобы Куолялиса, Бартошавичюса и Бурокаявичюса частично приемлимыми, то есть достойными рассмотрения.

Причём коллегия в решении отметила, что, поскольку Правительство ЛР утверждает, что Литовская Республика была оккупирована в период с 1940 по 1990 гг., а заявители утверждают, что они были в тот период гражданами СССР, то *«возникают сложные фактические и правовые вопросы. Решение по этому вопросу может быть принято после рассмотрения дела по существу»*. (Куолялис, с. 285, 342).

Казалось бы, справедливость должна была восторжествовать. Однако бывший глава ВС Литвы в 1990-1992 гг. и европарламентарий в 2006 г. В. Ландсбергис сумел подключить к делу крупнейшую в Европарламенте фракцию Европейской народной партии (христианские демократы) и Европейские демократы, членом которой он являлся.

Ситуацию для Ландсбергиса существенно облегчила начавшаяся в тот период в Европе антикоммунистическая кампания. В результате не только состав судейской коллегии ЕСПЧ претерпел серьёзные изменения (был на-

значен новый президент коллегии и введен новый судья от Литвы), но и её настрой.

19 февраля 2008 г. новая коллегия ЕСПЧ решила: *«/.../Европейский суд решил, что заявители были осуждены за преступления достаточно ясные и предусмотренные законами восстановленного Литовского государства.*

/.../Суд единогласно констатировал, что заявители никоим образом не были жертвами никакой дискриминации и, тем самым, решил, что статья 14 Конвенции нарушена не была». (Куолялис, с. 345).

Вышеизложенная формулировка свидетельствует, что ЕСПЧ согласился с доводами Правительства ЛР и **принял решение, выходящее за рамки его компетенции, признав, без рассмотрения вопроса по существу, законным восстановление Литовского государства в марте 1990 г.**

Однако полагать, что именно это является международной правовой оценкой незаконной советской оккупации Балтийских стран и агрессии против них, нет никаких оснований. Литовская сторона в очередной раз пытается выдать желаемое за действительное.

* * *

К сожалению, решение по делу коммунистов Литвы является не единственным примером явно политизированной позиции ЕСПЧ. Ещё более ярко эта позиция проявилась при рассмотрении в 2009–2012 гг. дела «Яновец и другие против России», или «Катынского дела».

Об этом можно было бы не говорить, если бы при рассмотрении этого дела тогдашнее российское руководство не продемонстрировало позицию, которая во многом обуславливает возникновение большинства проблем в отношениях России с бывшими членами социалистического содружества, в том числе и с Литвой.

В этой связи несколько слов о сути дела «Яновец и другие против России». В конце ноября 2009 г. Европейский суд по правам человека в Страсбурге принял к рассмотрению иски семей польских военнопленных офицеров, расстрелянных в Катыни, придав им приоритетный статус.

Заявители ссылались на нарушение статьи 2-й Конвенции, так как, по их мнению, Россия не провела адекватное и эффективное расследование гибели польских граждан. Помимо этого они требовали заставить Россию возобновить расследование Катынского дела, обеспечить доступ к его материалам, а также получить от России материальную компенсацию.

16 апреля 2012 г. ЕСПЧ огласил официальное решение, принятое Малой палатой судей по делу «Яновец и другие против России». Суд не поддержал жалобу родственников расстрелянных польских офицеров на нарушение Россией статьи 2-й Конвенции. И, хотя Суд признал Россию, нарушившей статью 3-й Конвенции, сочтя, что российские власти не предоставили некоторым из заявителей достаточно информации о судьбе их родственников, он не обнаружил каких-либо новых свидетельств или доказательств, по кото-

рым можно было бы обязать российские власти возобновить расследование «Катынского дела». Также были отклонены требования польских истцов о присуждении им компенсации.

Казалось бы, победа России. Однако при более внимательном анализе решения Европейского суда становится очевидным, что российская сторона спор в Страсбурге проиграла. Начну с того, что спорная нацистско-польская версия катынского преступления об ответственности советского руководства за гибель весной 1940 г. 21.857 польских военнопленных и граждан была безоговорочно поддержана Европейским Судом. Это было названо военным преступлением, не имеющим срока давности.

На Россию, как на правопреемника СССР тем самым навсегда возложена ответственность за гибель почти 22 тысяч польских граждан. Это позволит в будущем Польше предъявлять к России разного рода претензии.

Особо следует отметить, что ЕСПЧ отверг официальную правовую версию Катынской трагедии, изложенную в меморандумах Минюста РФ, отправленных в ЕСПЧ 19 марта и 13 октября 2010 г. ЕСПЧ проигнорировал содержащееся в меморандуме Минюста РФ от 19.03.2010 г. сообщение о том, что 14-летнее российское следствие по делу № 159 (Катынское дело) «достоверно установило гибель в результате исполнения решения «тройки» 1803 польских военнопленных», а остальные польские граждане были признаны пропавшими без вести.

Об уровне «веры» экспертов и судей ЕСПЧ в нацистско-польскую версию Катыни свидетельствует ложное утверждение, зафиксированное в п. 17-ом Постановления ЕСПЧ от 16.04.2012 г. Оно гласит, что эксгумацию катынских захоронений в апреле-июне 1943 г. проводила Международная медицинская комиссия, состоявшая из экспертов 12 стран. Между тем, общеизвестно и документально подтверждено, что вышеназванная комиссия работала в Катыни всего один день – 30 апреля 1943 г. Она обследовала лишь 9 трупов. Это 0,2% от числа всех эксгумированных в Катыни.

Всю работу по эксгумации катынских захоронений с 29 марта по 7 июня 1943 г. провела комиссия немецких экспертов под руководством немецкого профессора Герхарда Бутца. Ей активно помогали представители Технической комиссии Польского Красного Креста под руководством доктора Марианна Водзиньского. Это документально подтвержденный факт. Однако эксперты и судьи Секретариата ЕСПЧ, видимо, в силу совпадения своей политической ориентации с польской русофобской ориентацией, предпочли проигнорировать его.

Пишу об этом потому, что это являлось неопровержимым козырем в доказательстве явно необъективном рассмотрении ЕСПЧ Катынского дела. Россия могла бы поставить ЕСПЧ этой аргументацией в весьма неудобное положение. Однако... Не хотелось бы, чтобы нечто подобное повторилось в «разборках» с Литвой по делу о январских событиях в Вильнюсе.

В целом ряд суждений Европейского суда по Катынскому делу носит явно политизированный характер. Например, в пункте 157-ом Постановления дается уничижительная оценка советской эпохи, как «времени лжи и искажения исторических фактов».

Интересно, как бы реагировали некоторые европейские страны, если бы в судебных решениях ЕСПЧ, касающихся событий, имевших место в этих странах в период Второй мировой войны, присутствовала бы оценка фактов коллаборационизма и сотрудничества с нацистами, которыми грешило значительная часть населения этих стран?

Ну, о формальных неточностях, допущенных в Постановлении ЕСПЧ, даже не хочется говорить. Их количество просто зашкаливает. Как после этого следует относиться к документам, принимаемым ЕСПЧ и оценкам, представленным в этих документах?

К сожалению, подобное стало возможным, как говорилось, вследствие позиции политического руководства России. В 2010 г. президент РФ Д. Медведев, игнорируя результаты 14-летнего следствия по «Катынскому делу», неоднократно заявлял об ответственности «Сталина и его приспешников за катынскую трагедию». К этому добавилось заявление Государственной Думы «О Катынской трагедии и её жертвах» от 26 ноября 2010 г, в котором отмечалось, что массовое уничтожение граждан Польши было *«актом произвола тоталитарного государства»*.

Этим воспользовался Европейский суд, который, объясняя свою позицию по Катыни, акцентировал, что *«...ответственность Советской власти за то преступление была признана (Россией – В.Ш.) на высшем государственном уровне»*. Кстати, роковое заявление по Катыни депутаты Госдумы принимали, будучи не ознакомленными ни с результатами 14-летнего следствия по Катынскому делу, ни с меморандумами Минюста РФ, отправленными в ЕСПЧ?!

Текст вышеупомянутых меморандумов Минюста РФ от 19 марта и 13 октября 2010 г. до сих пор недоступен российским гражданам. Что за секретность? Чем она обусловлена? Ведь польские СМИ беспрепятственно ознакомили граждан Польши с содержанием российских меморандумов!

Не вызывает сомнений, что Постановление Малой палаты ЕСПЧ от 16.02.2012 г. и фактически повторившее его Постановление Большой палаты от 21.10.2013 г. по делу «Яновец и другие против России», открывают для Запада новые возможности перевода России из победительницы гитлеровского нацизма и освободительницы от него Европы в один разряд с поверженным ею злом.

Ну, а если к этому добавятся обвинения, выдвигаемые литовской стороной по так называемой «советской агрессии» против «независимой» Литвы, то перспективы для России окажутся не радужными.

* * *

Непростая ситуация для России складывается и в отношениях с Литвой. Та усиленно навязывает мировому сообществу версии о советской оккупации

1940–1990 гг. и советской агрессии в январе 1991 г. Причем делает это без всякого противодействия с российской стороны.

Удивляет, что отсутствует понимание того, что уголовные процессы, как против литовских коммунистов, так и против А. Палецкиса, инспирированные в Литве в постсоветский период, имеют явную антироссийскую направленность. Они создают правовую базу для будущего предъявления Литвой претензий к России, как правопреемнику СССР. Однако российское руководство эти уголовные процессы предпочло не заметить.

Впечатление такое, что власти России играют со своими оппонентами на международной арене в поддавки. И не только с Польшей и Литвой. Для подтверждения обратюсь к статье известного российского политика Юрия Болдырева «Афера века с бесконечным продолжением», размещенной 4 августа 2014 г. в общественно-политическом интернет-издании «Свободная пресса» (<http://svpressa.ru/society/article/94404/>).

Она посвящена проигрышу Россией полсотни миллиардов долларов в Гаагском третейском суде по иску акционеров ЮКОСа. Болдырев прямо пишет, что «российская исполнительная вертикаль» недвусмысленно играет с мировым сообществом скупщиков краденого **в поддавки**.

/.../Время идёт, прошло уже более недели, мы (страна), в буквальном смысле, «на счётчике», но тишина – Парламент в отпуске, Конституционный суд – подозреваю, что тоже. И только МИД что-то мямлит про возможность «апелляции», тем самым лишь усугубляя ситуацию. Апеллировать-то собираются именно к тем, подсудность кому должна быть сейчас срочно признана в принципе неконституционной». Добавлю, что в январе 2015 г. в СМИ прошло сообщение, что по иску акционеров ЮКОСа к России стали насчитываться проценты.

Особенно меня поразил один вывод Болдырева. Он пишет: *«В результате многоходовой, растянутой во времени комбинации мы все (не власть, а именно мы) оказываемся в долгу у воров и их с виду чистеньких и благообразненьких подельников – скупщиков краденого»*. Ведь ситуации с Катынью и советской агрессией в Литве также являются многоходовыми, растянутыми во времени комбинациями. Сколько же можно наступать на одни и те же грабли?

Между тем, выступление президента России В. Путина 24 октября 2014 г. на заседании международного дискуссионного клуба «Валдай» в Сочи показало, что время игры в поддавки для России закончилось. Пора это осознать всем тем российским государственным структурам, которые ответственны за национальную безопасность страны и должны противодействовать любым попыткам «прогнуть» Россию.

К этому добавлю, что Министерство обороны РФ в лице зам. Министра Анатолия Антонова 24 декабря 2014 г. на пресс-конференции предельно чётко огласило позицию России в отношениях с Западом, прежде всего, с НАТО: эпоха игры с Западом в поддавки закончена и наступает период здравого прагматизма – всё на равных.

Возможно, настало время и для того, чтобы официально высказаться по претензиям, которые последние два десятилетия власти Литовской Республики предъявляют Российской Федерации.

Перспективы дела «13 января» для России

Уже говорилось, что в Литве интенсивно готовятся к проведению заочных уголовных процессов по уголовному делу № 09-2-031-99 (делу «13 января») над 79 подозреваемыми россиянами. Сегодня это число, как говорилось, несколько уменьшилось, однако конкретные данные о количестве подозреваемых Генпрокуратура Литвы скрывает. Но сути дела это не меняет.

Изложу соображения об основных целях заочных процессы. Они следующие:

а) осудить бывших советских, а ныне российских граждан, как военных преступников. Это позволит литовской стороне в правовом плане окончательно закрыть вопрос, кто ответственен за гибель январских жертв в 1991 г.

б) осуждение бывших советских граждан, как военных преступников, позволит Литве, опираясь на поддержку в Евросоюзе, заявить о втором Нюрнберге и потребовать признать СССР «преступным государством»;

в) Россию на основании результатов заочных уголовных процессов представят перед мировым сообществом правопреемником «преступного» Союза ССР, которая сегодня якобы продолжает «преступную советскую политику» в отношении других государств;

г) оболганную в ходе заочных процессов, Россию будут принуждать к переговорам с Литвой относительно возмещения ей ущерба, якобы причиненного «советской оккупацией» (1940–1990 гг.) и «советской агрессией в январе 1991 г.».

Особо следует сказать о судьбе российского гвардии полковника запаса Ю. Меля, которого будут судить очно. На процессе он будет представлять не только остальных подозреваемых россиян, но и всю Россию. В отсутствие других значимых обвиняемых и, прежде всего, недоступного для литовской Фемиды бывшего министра обороны СССР, Маршала Советского Союза Д. Язова, полковник Ю. Мель должен будет придать наглядность и достоверность тому не правовому «представлению», которое планирует осуществить литовское «правосудие».

Все попытки добиться освобождения Ю. Меля путем переговоров закончатся безрезультатно. Для Литвы он крайне ценный заложник. Единственная возможность изменить участь российского полковника, это до начала процесса доказать политический характер предъявленных ему обвинений и потребовать прекращения его уголовного преследования.

Хочу напомнить, что статья 2-я и 14-я Всеобщей декларации прав человека категорически запрещают преследование человека по политическим

мотивам. Статья 3 Конституции Интерпола (основной документ, которым руководствуется Интерпол) «строго запрещает» заниматься вмешательством или деятельностью политического, военного, религиозного и расового характера. Уголовное преследование полковника Меля, организованное Литвой, носит исключительно политический характер.

В этой связи России необходимо доказать политический заказной характер всех готовящихся в Литве заочных уголовных процессов против россиян, дабы не допустить их проведения. Это сложно осуществить без возобновления следствия по уголовному делу № 18/5918-19, открытому Генеральной прокуратурой СССР в 1991 г. в отношении событий, имевших место 13 января в Вильнюсе.

Однако здесь существует один весьма неприятный нюанс. Известно, что 37 томов уголовного дела № 18/5918-19 в сентябре 1991 г. Генпрокуратура СССР по указанию М. Горбачёва передала литовской стороне. Уникальный случай в мировой правовой практике. Обвиняемая сторона передала обвиняющей стороне материалы, которые свидетельствуют о её непричастности к преступлениям, в которых её обвиняют.

В результате Генпрокуратуре РФ придется запросить у Генпрокуратуры ЛР копии материалов литовского уголовного дела № 09-2-031-99, якобы подтверждающих причастность граждан России к гибели людей и совершению ими других преступлений в ходе событий, имевших место в г. Вильнюсе 13 января 1991 г. При получении этих материалов, их следует проанализировать на предмет политической направленности и правовой состоятельности.

В случае отказа в предоставлении этих материалов, который более чем вероятен, Генеральной прокуратуре РФ придется довольствоваться документами, которыми она на сегодняшний день располагает. Имеются в виду «Уведомления» о подозрении российских граждан в совершении преступлений от 03.08.2006 г. и «Определения» о признании российских граждан подозреваемыми в совершении военных преступлений от 10.06.2013 г.

Хочется надеяться, что этих документов окажется достаточно для того, чтобы сделать вывод о явной политической направленности и правовой несостоятельности обвинений, сформулированных Генпрокуратурой Литвы в отношении российских граждан.

* * *

Помимо вышеизложенного, Россию в деле Меля ждет другая непростая процедура. Дело в том, что обвинения полковника и других российских граждан базируются на спорном утверждении литовской стороны о том, что в январе 1991 г. Литва не была союзной республикой в составе Союза ССР, а являлась независимым субъектом международного права.

Правовым основанием этого утверждения Литва считает Договор об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР, подписанный Б. Ельциным и В. Ландсбергисом 29 июля 1991 г. В этом договоре Россия

задним числом признала независимость Литовской Республики с 11 марта 1990 г.

Вот этот дипломатический казус и предстоит «разрулить» России. Как это будет происходить, предстоит решать в Кремле и на Смоленской площади. Но пока проблема с «независимостью» Литвы и позицией России, которую она продемонстрировала в июле 1991 г. не будет разрешена, все попытки решить вопрос с прекращением уголовного преследования россиян будут обречены на провал.

Не вызывает сомнений, что совместное заявление Литвы и России от 29 июля 1991 г. (задним числом) о своём международном статусе в исторической реальности ничего не изменило. Он тогда отсутствовал. Это неопровержимый исторический факт. Таким же фактом является и то, что Литва стала субъектом международного права после 6 сентября 1991 г., а РСФСР – после 24 декабря 1991 г.

Но для Литвы это не аргументы. В такой ситуации очень важно, чтобы Россия изначально чётко заявила свою позицию в деле с заочными процессами. Литва должна знать, что ей ожидать от России в случае проведения заочных процессов.

Возможно, России следует сделать официальное заявление по фактам уголовного преследования россиян литовской стороной, в котором чётко и недвусмысленно изложить позицию РФ в отношении псевдоправовых оснований этого преследования, а также оценить трактовку литовской стороной некоторых положений договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР от 29 июля 1991 г.

Такое заявление желательно сделать до начала заочных процессов в Литве, так как любые заявления, появившиеся в ходе этих процессов, ситуации не изменят. К сожалению, принятие Россией запоздалых заявлений, бьющих «по хвостам» событий, стало порочной практикой.

Если России удастся доказать (даже в одностороннем порядке) политизированность и правовую необоснованность уголовного преследования россиян, тогда на основании ст. 2-ой Европейской Конвенции о взаимной правовой помощи по уголовным делам, принятой 20 апреля 1959 г. и ратифицированной Российской Федерацией 25 сентября 1999 г., она может приостановить оказание правовой помощи Генеральной прокуратуре ЛР по привлечению граждан России к уголовной ответственности по уголовному делу № 09-2-031-99. Это, в свою очередь, позволит оставить приговоры литовского суда без последствий для российских граждан.

Особо следует сказать о крайне непростой ситуации, которая возникнет с заочно «осужденными» в Литве россиянами. Поскольку литовское «правосудие» не сможет исполнить вступившие в силу приговоры по причине нахождения «осужденных» вне республики, то на основании ст. 2-ой Дополнительного протокола от 18 декабря 1997 г. к Европейской конвенции

о передаче осужденных лиц от 21 марта 1983 г. и ч. 2 ст. 472 УПК РФ Литва потребует их выдачи.

В соответствии со статьей 61-ой Конституции РФ, гласящей, что «Гражданин Российской Федерации не может быть выслан за пределы Российской Федерации или выдан другому государству», требование о передаче Литве заочно осужденных не будет выполнено.

В этом случае Литовская Республика должна будет направить свои приговоры для исполнения их Российской Федерацией. Тогда власти РФ встанут перед сложнейшей дилеммой, как поступить о «осуждёнными». Если начать исполнять «неправые» приговоры литовского суда, то это может вызвать массовое возмущение российской общественности. Если же не исполнять – придётся серьёзно испортить отношения не только с Литвой, но и с Евро-союзом. Можно не сомневаться, что Европа поддержит Литву и возможно, вновь прибегнет к санкциям, чтобы «поставить на место» Россию.

Здесь так же следует иметь в виду, что, по некоторым сведениям, копии 700 томов уголовного дела о январских событиях 1991 г. Литва уже направила в Гаагский международный трибунал, который также не останется в стороне.

Выход для России в этой ситуации, на мой взгляд, состоит в четком изложении позиции по вопросам необоснованного с позиций международного права уголовного преследования литовской стороной россиян, а также в доказательстве политического характера обвинений, предъявленных россиянам.

* * *

Хочу обратить внимание российских юристов на расширительное толкование властями Литвы понятий: «военные преступления», «преступления против человечности» и «терроризм». Это очевидно, если сопоставить определения данных преступлений, сформулированные в Литве, с определениями, изложенными в Римском статуте Международного уголовного суда (см. часть VII).

Подобное поведение властных кругов Литвы свидетельствует о явном стремлении обвинить Россию в пособничестве военным преступникам и террористам. Ведь не случайным является факт задержания в мае 2014 г. на Украине журналистов российского телеканала «LifeNews», которых обвинили в «пособничестве терроризму».

Если учесть, что именно в это время в Белом Доме США была зарегистрирована официальная петиция, призывающая наделить Россию статусом «государства, поддерживающего терроризм», то налицо международная информационно-политическая кампания против РФ. Киевские власти также не случайно назвали военную операцию на Юго-Востоке против сторонников федерализации «контртеррористической».

В этой связи можно с большой степенью уверенности предполагать, что, если киевская «хунта» укрепитя во власти, а Россия будет занимать прежнюю позицию стороннего наблюдателя в информационно-политической кампании против неё, то Киев попытается, по примеру литовских властей, организовать

проведение заочных судебных процессов. На них нынешнему российскому руководству могут быть предъявлены обвинения в содействии совершению «военных преступлений и терроризму» в ходе событий на Майдане в Киеве, в Одессе и на территории Юго-Востока Украины.

* * *

Выше я изложил прогноз действий Литвы. А теперь о том, что не вызывает сомнений. Обвинительные приговоры литовского суда в отношении 79 россиян дадут новый импульс литовским властям в плане предъявления материальных претензий к России, как правопреемнику СССР за ущерб, якобы причиненный «советской агрессией» в январе 1991 г.

Опираясь на якобы доказанные судом факты «преступлений», совершенные бывшими советскими гражданами, а ныне гражданами России, Правительство Литвы, в соответствии с резолюциями Сейма ЛР «О возмещении ущерба причиненного оккупацией СССР» от 16.01.2007 г. и «О компенсациях семьям погибших и раненым 13 января 1991 года» от 19.01.2010 г., потребует от России начать консультации о возмещении причинённого ущерба. А цифры могут быть весьма внушительными. Но об этом несколько позже.

Особо хочу подчеркнуть, что вышеназванные резолюции Сейма ЛР особо акцентируют роль договора об основах межгосударственных отношений между РСФСР и ЛР от 29 июля 1991 г. Там прямо заявляется: ***«поскольку 29 июля 1991 г. Договором об основах межгосударственных отношений Россия признала независимость Литовской Республики с 11 марта 1990 г., то нападение 11–13 января 1991 г. расценивается обеими странами, как агрессия против суверенного Литовского государства».***

О подлинных военных преступниках в Литве

Анализ ситуации, сложившейся в январе 1991 г. в Литве, позволяет заявить, что подлинными военными преступниками являются бывший Председатель Верховного Совета Литвы в 1990–1991 гг. Витаутас Ландсбергис, его зам. по Верховному Совету Казимерас Мотека и Генеральный директор Департамента охраны края в тот период Аудрюс Буткявичюс.

Как уже говорилось в главе «Литва против «Альфы», именно они в нарушение статьи 28-ой Женевской конвенции о защите гражданского населения во время войны 1949 г. призывали в январе 1991 г. гражданское население на защиту стратегических объектов в Вильнюсе. Международное право и вышеупомянутая Женевская конвенция, квалифицирует подобное, как военное преступление.

Также повторюсь, что В. Ландсбергиса и А. Буткявичюса следует привлечь к уголовной ответственности за преступный умысел, состоящий в подготовке к поджогу здания Верховного Совета Литвы в случае советского штурма. Известно, что для этой цели туалеты и подсобные помещения здания были заполнены ёмкостями с горючими жидкостями.

Но подобное у современных литовских властей не вызывает особых эмоций. К военным преступникам у них отношение особое. В Литве они позиционируются как герои. Это касается не только Ландсбергиса, Мотеки и Буткявичюса. Известно, что в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. немало граждан Литвы совершили преступления, которые квалифицируются как военные и античеловеческие.

Так, в 1941–1944 гг. литовские националисты, объединенные профашистской организацией «Фронт литовских активистов» (*Lietuvių aktyvistų frontas*), участвовали совместно с германскими нацистами в уничтожении не только тысяч совпартработников и членов их семей, но и большинство проживавших на территории Литвы евреев.

Ещё раз напомним. За годы гитлеровской оккупации в Литве нацистами при активном участии литовских националистов было уничтожено 94% еврейского населения (свыше 200 из 220 тысяч). Ряд преступников, виновных в этом злодеянии был привлечён к ответственности в советский период. Но многие сумели сбежать за рубеж и в постсоветский период уютно устроились в Литве.

Известно, что основным организующим ядром послевоенного антисоветского подпольного сопротивления в Литве (1944–1953) стали люди, активно сотрудничавшие в период войны с нацистами и участвовавшие в массовых расправах над гражданским населением. Понимая, что они являются военными преступниками и Западе их также ждет возмездие (если они не были «птицами высокого полёта»), они предпочли уйти в литовские леса, назвав себя «партизанами».

1997 г. был знаменателен для Литвы массовой героизацией этих «партизан», получивших статус «борцов за независимость Литвы». Указами тогдашнего Президента Литвы, бывшего нацистского коллаборациониста Валдаса Адамкуса, они массово признавались «военными добровольцами» борьбы за независимость, им посмертно присваивались воинские звания, они награждались высокими государственными наградами ЛР.

Наряду с этим развернулось преследование борцов за становление советской власти в Литве. Их деятельность была признана преступной. В целях усугубления их «преступлений» 21 апреля 1998 г. литовский Сейм принял закон «О дополнениях в Уголовный кодекс Литовской Республики», которым была ужесточена ответственность за организацию, руководство и участие в послевоенных депортациях. Соответственно в ст. 99 УК в нарушение международных правовых актов было расширено определение геноцида. Теперь за участие в депортации даже одной семьи грозит обвинение в геноциде.

Подобная расширительная трактовка понятия «геноцид» пока не вызвала должной реакции ни у мировой правовой общественности, ни у юристов России, хотя уже пора. Между тем известно, что «Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказания за него», принятая 9 декабря 1948 г. под геноцидом понимает действия, совершаемые с намерением уничтожить,

полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу, как таковую.

Замечу, что в военные и послевоенные годы в Литве имел место – но не «советский», а «бандитско-партизанский». Прежде всего, геноцидом явилось массовое уничтожение литовскими националистами, называемыми «žydšaudžiai» («расстрельщики евреев»), еврейского населения Литвы в период нацистской оккупации. Об печальных итогах этих расправ уже говорилось.

Помимо этого старший научный сотрудник Института истории Миндаугас Поцюс (М. Pocius) сумел выявить в архивах приказы «партизанских» командиров, направленные на сознательное (но не предаваемое широкой огласке) стремление уничтожить всех не литовцев. Причём в документах подчеркивалось, что партизанам-новичкам или «бойцам, не умеющим надёжно хранить тайну, не следует знать, что это делается в целях приостановления русификации, колонизации и коллективизации Литвы. Им надо объяснить, что таким образом уничтожаются агенты, стремящиеся подорвать наше сопротивление».

Кое-что помню и я. Так получилось, что в Утене наша семья жила в окружении русских староверов. Их родственники жили в окрестных селах. Нередко я был свидетелем разговоров о том, что такую-то семью из такой деревни староверов под Утенной «miškiniai», то есть «лесные», расстреляли. А в другой деревне уничтожили почти всех староверов – стариков, женщин, детей, не говоря о мужчинах только потому, что они были русскими. «Лесные», совершая эти злодеяния, прикрывались утверждениями, что уничтожаемые были «агентами Советов».

Ещё раз напомним, что главарь партизанского округа «Великой Борьбы» Й. Мисюнас (J. Misiūnas) по прозвищу «Зеленый чёрт» (Žalias velnas) в своей директиве от 18 января 1946 г. приказывал брать в заложники русских, проживающих в Литве и безжалостно уничтожать. (Прибалтийский национализм в документах НКВД, МВД и МГБ СССР. Сборник документов. М.: Объединенная редакция МВД России, 2011. С. 260).

Весьма аргументированный материал о целенаправленном уничтожении литовскими националистами русских староверов опубликовал журналист Альгирдас Плукис в статье «Камо грядеши?» («Горячий комментарий», 18.11.2006 г.). В частности, он рассказал о деревне Ошпрунай, в которой проживали староверы, перевезенные в 1940 г. из польских Сувалок. В Литве таких было немало, и их называли «колонистами». «Лесные» в ночь на 16 ноября 1947 г. решили расчитаться с «колонистами», так как те посмели организовать колхоз. В результате был убит 31 старовер, в том числе 14 детей.

Но была ещё одна категории людей, которых «лесные» уничтожали с особой жестокостью. Это те литовцы, которые или сотрудничали с советской властью, или лояльно к ней относились. Как их выявляли «лесные», рассказал тот же Л. Труска: *«Убивали гражданских литовцев двух категорий. Первая категория – подозреваемые. Вторая категория – сведение личных счетов. Не только личные счёты самих партизан, но и их связей».*

Партизан можно понять – целыми месяцами живут в бункерах под землёй, где не хватает воздуха, преют от сырости ноги, расшатанные нервы – малейший хруст пугает, что бункер выследили. Иногда по ночам ходили в деревни выпить самогона. Руководство партизан боролось против пьянства, но ведь до сих пор никому не удалось победить пьянство.

Приходят к селянину, тот одну бутылку, вторую, третью, потом скажет, что сосед непонятный, видел его шепчущимся в городе с «истребителями». Партизаны идут и расстреливают ту семью.

Как объяснить то, что в Дайнавском округе, где руководителем был Адольфас Раманаускас-Ванагас, убивали целыми семьями – детей и стариков? Для меня самое страшное – это убийство детей. Как это объяснить – какие это агенты, информаторы?».

Дополню сказанное. Упомянутый А. Раманаускас, с псевдонимом «Ванагас» («Ястреб») до войны окончил пединститут и военную школу. Получил звание лейтенанта. Свидетели утверждают, что в июне 1941 г. он участвовал в массовых расправах над евреями. Раманаускас фигурирует в списке «убийц евреев», обнародованном в Израиле.

Но по официальной биографии Раманаускас в 1940–1945 гг. якобы учительствовал в Алитусе. А в 1945 г. стал «партизаном». В 1946 г. он, будучи командиром одного из партизанских соединений, одобрил принятую на одном из совещаний «партизанских» командиров новую тактику, сводившуюся к массовому уничтожению подозреваемых в «коллорабационизме» гражданских лиц за одну ночь. Видимо, учитывая такую позицию, Раманаускас в 1949 г. был избран заместителем Й. Жемайтиса, Председателя Президиума партизанского «Саюдиса».

В том, что в период «партизанской войны» 1944–1953 гг. жертвами литовских «партизан» стали более 25 тысяч мирных людей немалая «заслуга» А. Раманаускаса. При этом отмечу, что так называемые литовские «партизаны» не совершили ни одной крупной военной или террористической акции против «советских оккупантов». Они даже не попытались отбить хотя бы один эшелон, которые вез в Сибирь на поселение тех литовцев, которые в селах и городах давали «партизанам» приют и обеспечивали продовольствием.

Тем не менее, в независимой Литве в декабре 1997 г. А. Раманаускас был посмертно признан «военным добровольцем» борьбы за независимость. В январе 1998 г. Указом Президента ЛР он был посмертно удостоен чина бригадного генерал в отставке. В марте 1998 г. он же был награжден Большим командорским крестом ордена Креста Витиса, а в январе 1999 г. стал кавалером второй по значимости награды в Литве Большого креста ордена Креста Витиса.

Помимо этого 31 октября 2002 г. Президент ЛР В. Адамкус декретом № 1965 под названием «О присвоении звания полковника воинам добровольцам» посмертно присвоил воинские звания полковников трём бывшим «участникам вооружённого сопротивления» и «вождям» «партизанских»

военных формирований: Антанасу Балтусису (Antanas Baltūsis), Винцасу Каулинису (Vincas Kaulinis) и Ионасу Крикштапонису (Juozas Krikštaponis). До этого они были также посмертно удостоены высоких государственных наград ЛР.

Для литовских властей не являлось секретом, что все трое были активными нацистскими коллаборационистами и активно участвовали в массовых расправах над мирным населением.

Так, А. Балтусис до ухода в лес в 1944 г., был командиром роты, охранявшей печально известный концентрационный лагерь Майданек. В литовских архивах выявлен приказ от 10 февраля 1947 г. за подписью А. Балтусиса, командира «Округа движения борьбы за свободу Литвы «Таурас». В нём написано: «а) за каждого сосланного литовца и семью уничтожить не менее одной семьи большевика, уничтожить всех членов семьи; б) по возможности повесить всех без расстрела».

В. Каулинис в июне 1941 г. принимал активное участие в так называемом восстании, в период которого вершились бессудные расправы над семьями так называемых советских коллаборационистов и массовые убийства еврейского населения. Во время немецкой оккупации он был назначен начальником полиции Вильнюсского района и получил известность жестоким преследованием евреев и поляков. Каулинис, без сомнения, был причастен к уничтожению в районе Панеряй (под Вильнюсом) более ста тысяч евреев и советских военнопленных (1941–1944 гг.).

Йозас Крикштапонис был командиром второй роты печально известного литовского батальона майора Антанаса Импулявичюса. Осенью 1941 г. этот батальон в Белоруссии вешал подпольщиков и расстрелял около 46 тысяч мирных жителей (из них 9 тыс. советских военнопленных). Вторая рота этого батальона отличалась особой «исполнительностью» в выполнении приказов начальства.

Й. Крикштапонис участвовал в геноциде евреев в Литве. Он также участвовал в уничтожении литовских коммунистов и комсомольцев. Тем не менее, его именем названа площадь в городе Укмерге и ему поставлено несколько памятников. Крикштапонис посмертно удостоен звания полковника и награжден орденом Креста Витиса 2-й степени.

Вот так в постсоветской Литве создают «героев» из нацистских коллаборационистов, участвовавших в массовых расправах над людьми. 15 мая 2010 г. Президент Литвы Д. Грибаускайте наградила шестерых участников «героев вооружённого сопротивления советской оккупации». Награды получили родственники погибших «лесных» и две ныне живущие партизанки. В своём приветственном слове по поводу награждения президент подчеркнула, что «партизаны показали миру, что добровольное вступление Литвы в СССР было всего лишь мифом».

Заявление Грибаускайте является явным свидетельством или её невежества, или нежелания знать историческое прошлое республики. Известно, что летом 1940 г., в период вхождения Литвы в СССР не прозвучало ни единого выстрела в так называемых «советских оккупантов». «Партизанская» война, о которой говорит Грибаускайте, началась в 1944 году и была направлена, как известно, в основном, против мирного населения. Тем не менее, в Литве насаждается культ героев этой так называемой «партизанской войны».

Надо признать, что литовская молодёжь, ушедшая в леса и не запятнанная участием в массовых расправах с мирным населением в период нацистской оккупации, также проявляла неоправданную жестокость в расправах с так называемыми «советскими коллаборационистами».

Одним из таких являлся Антанас Крауялис (A. Kraujelis). В постсоветской Литве он является «героем-партизаном № 1». На его «боевой» биографии воспитываются молодые литовцы. В 1997 г. А. Крауялис был признан военным добровольцем. В мае 1998 г. декретом президента Литвы он был награждён (посмертно) орденом креста Витиса 3-й степени. А в июне того же года ему было присвоено звание старшего лейтенанта литовской армии.

На самом деле в биографии этого бандита, а по-другому его невозможно называть, ничего героического нет. В 1949 г. маленький литовский городок Утену, в котором проживала наша семья, потрясла страшная весть. Ученик одиннадцатого класса литовской гимназии А. Крауялис перед тем как уйти в лес, застрелил заведующего районным отделом народного образования, ранее преподававшего Антанасу литовский язык и историю.

Говорили, что в ту же ночь Крауялис пытался совершить ещё два покушения: на заведующую парткабинетом (библиотекой) райкома партии и заведующую сберкассой. Но не получилось. Убитого Крауялисом заведующего РОНО хоронил весь город. Это был учитель от Бога. Прощались с ним в зале литовской гимназии, где он раньше работал. Мать тоже ходила туда, а с ней я и сестра. Народу было много, гроб утопал в цветах. С тех пор запах смерти у меня навсегда связан с удушливо-приторным запахом цветов. Видимо, поэтому эту ситуацию я так хорошо запомнил.

В лесу Крауялис взял себе псевдонимы «Pabaisa» и «Siaubūnas» («Чудовище» и «Ужасный»). Узкоплечий, с женоподобным лицом и длинными волнистыми волосами, он отличался особой жестокостью в расправах с жертвами. Для придания себе мужественного вида Крауялис иногда носил военный мундир довоенной литовской армии, в которой никогда не служил. Но от облав НКВД он уходил, как правило, в женской одежде.

В послевоенные годы Крауялис, помимо своего учителя, убил ещё 10 мирных литовцев, в том числе семью Гячасов, которые для него оборудовали в своем хуторе убежище. Причём его не становило, что жена Гячаса была беременна. Крауялис убивал Гячасов в присутствии их малолетних детей. Это преступление уже явно бандитского характера. Не случайно значительная часть населения Литвы литовских «партизан» называла бандитами.

Особо отмечу, что в Утене до 1953 г. стоял полк НКВД. Однако Крауялис и его поделники за 4 года так и не осмелились на теракт против советских военных. В 1954 г. банда Крауялиса была уничтожена. С тех пор до марта 1965 г. он, как одинокий волк, скрывался на хуторах, промышляя грабежом сельских магазинов и терроризируя председателей колхозов, которые давали ему откупные. Никаких диверсий против советской власти этот так называемый «партизан», не совершал.

Главной задачей Крауялиса было выжить любой ценой. Последние годы он отсиживался под печью в доме человека, дочь которого считалась его женой. Кстати, когда дом, в котором скрывался Крауялис, был окружён сотрудниками КГБ и милицией, он застрелил своего, так называемого тестя и, будучи раненым, пустил себе пулю в голову.

Назвать Крауялиса борцом за свободу Литвы язык не поворачивается. Он был заурядным бандитом. Если бы все уходившие в лес, следовали примеру Крауялиса и убивали бы своих учителей, то в Литве никогда бы не появилась интеллигенция, которая провозгласила в марте 1990 г. независимость.

Добавлю, что в настоящее время литовское «правосудие» организовало судебный процесс против бывших сотрудников КГБ, которые в 1965 г. блокировали Крауялиса в доме. Им вменяется ответственность за смерть «литовского патриота». Это преступление литовская Фемида расценивает как факт геноцида!

Заслуживает внимание личность одного из подозреваемых в гибели Крауялиса. Это бывший министр внутренних дел Литвы Марионас Мисюконис, который в 1965 г., будучи оперуполномоченным КГБ, участвовал в захвате Крауялиса.

В период прихода к власти команды Ландсбергиса Мисюконис безоговорочно её поддержал. Если бы не его позиция, литовские сепаратисты никогда бы не установили контроль над республикой. Вклад Мисюкониса в обретение Литвой независимости один из самых весомых. Тем не менее, его пытались осудить. Вот такие двойные стандарты царят в Литовской Республике.

Правда, М. Мисюконису удалось доказать Паневежскому окружному суду, что его действия в 1965 г. не носили умысла физически уничтожить А. Крауялиса, как «участника организованного вооруженного Литовского национального сопротивления оккупационному советскому режиму». Приговором Паневежского окружного суда от 26 ноября 2014 г. по уголовному делу № 1-2-350/2014 Мисюконис был оправдан по причине «не совершения действий, имеющих признаки преступления».

Однако 15 декабря 2014 г. Паневежская прокуратура обратилась в Верховный суд ЛР с апелляцией на приговор окружного суда. Чем закончится новое разбирательство пока неясно? Следует помнить, что в случае с А. Палецкисом апелляция прокуратура па приговор апилинковского суда г. Вильнюса была удовлетворена, и Палецкис приговором Вильнюсского окружного суда был признан преступником.